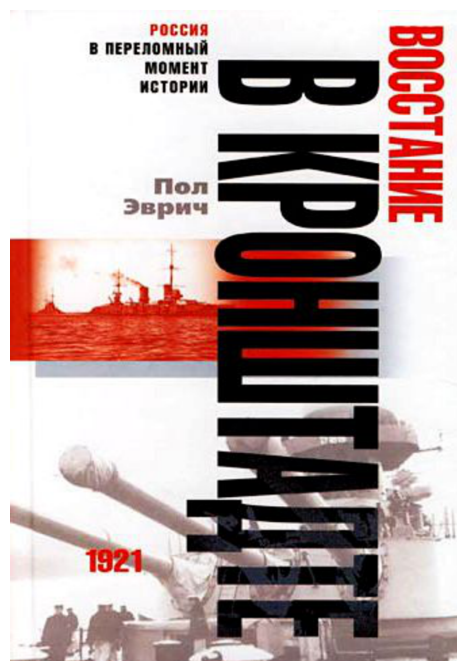

Пол Эврич

Восстание в Кронштадте 1921

Посвящается Инне, Джейн, Карен

ВВЕДЕНИЕ

«Кронштадтские события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было», – сказал Ленин [1 - Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1958 – 1965. Т. 43. С. 138. Здесь и далее пит. по этому изданию.].

В марте 1921 года моряки, «краса и гордость» русской революции, в крепости на Финском заливе подняли восстание против правительства большевиков, которым сами же помогли захватить власть. Под лозунгом «свободных Советов» они создали революционную коммуну, просуществовавшую шестнадцать дней. После долгой и яростной борьбы правительственные войска подавили мятеж с тяжелыми потерями с обеих сторон.

Восстание мгновенно вызвало ожесточенные споры, которые никогда полностью не утихали. Почему восстали моряки? По версии большевиков, они были агентами белогвардейского заговора, тайно готовившегося на

Западе русской эмиграцией и сторонниками со стороны союзников. Но с точки зрения сочувствующих, моряки были мучениками революции, боровшимися против диктатуры большевиков. В их глазах подавление восстания было неоправданно жестоким, что разрушило миф о Советской России как о «рабоче-крестьянском государстве». Впоследствии некоторые зарубежные коммунисты пересмотрели свое отношение к правительству, которое смогло так безжалостно расправиться с собственным народом. Кронштадт был первым опытом в череде последующих событий, которые заставят разочарованных радикалов порвать с движением. Уничтожение кулаков, большая чистка, советско-германский пакт, разоблачение Хрущевым Сталина – все это каждый раз приводило к отказу от членства в коммунистической партии и к разочарованию сторонников, считавших подобные действия предательством революции.

«Такой отправной точкой, несомненно, стал Кронштадт, – написал в 1949 году Луи Фишер, – до его появления можно было колебаться, сомневаться и даже не соглашаться и все же отрекаться от нападков. На протяжении многих лет у меня не было своего «Кронштадта» [2 - Фишер Л. Поверженный бог. Нью-Йорк, 1950. С. 207. Фишер Луи – американский журналист, близкий друг Светланы Аллилуевой в первые годы ее пребывания в США. В 1920 – 1930-х годах придерживался коммунистической ориентации, в 1923 – 1937 годах – корреспондент ряда американских газет в Москве. Автор одной из наиболее полных биографий Ленина. (Примеч. пер.)].

Кто-то нашел свой «Кронштадт» позже, во время восстания в Венгрии в 1956 году. В Будапеште, как в Кронштадте, мятежники стремились преобразовать авторитарный, бюрократический режим в социалистическую демократию. Для большевиков подобные действия таили большую опасность, чем открытая оппозиция принципам социализма. Венгрия, а затем Чехословакия в 1968 году были опасны не потому, что контрреволюционны, а потому, что, подобно Кронштадту, их концепция революции и социализма противоречила концепции советского руководства; Москва, как и в 1921 году, объявила эти восстания контрреволюционными заговорами, а затем подавила их. События в Будапеште, отмечал один из критиков советской политики, вновь показали, что коммунисты не остановятся ни перед чем, чтобы уничтожить тех, кто бросает вызов их власти.

Однако не стоит углубляться в такие сравнения. События, происходящие в других странах через десятки лет после Кронштадта, могут только внешне походить на события в Кронштадте. В 1921 году Советская Россия не была всемогущей державой – это было молодое государство, столкнувшееся со

своим мятежным населением и с непримиримыми врагами за границей, которые жаждали отобрать власть у большевиков. Здесь наиболее важно, что Кронштадт находился на территории Советской России и на большевиков обрушился мятеж, вспыхнувший на собственном флоте, на важнейшей стратегической заставе, охраняющей западные подступы к Петрограду. Они опасались, что Кронштадт может положить начало восстанию по всей России или стать плацдармом для новой антисоветской интервенции. Стало очевидно, что русская эмиграция пытается оказать помощь мятежникам и воспользоваться ситуацией в собственных интересах. Конечно, никакие действия белоэмигрантов не могут оправдать жестокости большевиков в отношении балтийских моряков, но объясняют поспешность, с какой правительство стремилось подавить восстание. Через несколько недель на Финском заливе должен был растаять лед, и тогда с Запада могло поступить продовольствие, медикаменты, боеприпасы и подкрепление, что превращало крепость в базу для новой интервенции. Похоже, Ленина и Троцкого искренне волновало именно это.

Советские авторы, в значительной мере исказив факты, изложенные несколькими западными историками, выставляли мятежников либо простаками, позволившими одурачить себя, либо агентами белогвардейского заговора. В этой книге делается попытка рассказать о восстании беспристрастно. Для решения этой задачи следовало дать обзор политических и социальных событий, поскольку Кронштадтское восстание было только частью серьезного кризиса, отметившего переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике – нэп, кризиса, который Ленин оценивал как самый серьезный с момента прихода к власти. Кроме того, было необходимо установить связь Кронштадтского мятежа со стихийными восстаниями в России в целом. Подобный подход, хочется надеяться, прольет свет на позицию и поведение мятежников.

Помимо этого, есть ряд вопросов, требующих подробного рассмотрения. Среди наиболее важных – социальный состав флота, роль народного недовольства, причастность белой эмиграции, суть идеологии мятежников. На некоторые вопросы невозможно дать однозначный и окончательный ответ до тех пор, пока не будут открыты для доступа советские архивы, что вряд ли произойдет в ближайшее время. Тем не менее в книге дается по возможности полная картина восстания, представлены ссылки на документы из западных архивов и на советские издания, которые, зачастую являясь сугубо пропагандистской литературой, при внимательном изучении помогли пролить свет на некоторые наиболее существенные проблемы.

В первую очередь важно исследовать противоречивые мотивы мятежников

и их противников, большевиков. С одной стороны, моряки были революционными фанатиками и, как любые фанатики, стремились вернуть те их идеалы, которые теперь «осквернены властями». С другой стороны, большевики, выйдя победителями из кровавой Гражданской войны, не могли допустить никаких открытых вызовов своей власти. В этом конфликте каждая сторона вела себя в соответствии с собственными целями и стремлениями. Но не следует забывать о моральном аспекте. Положение, в котором оказался Кронштадт, может вызвать у историка сочувствие к мятежникам, однако следует признать, что большевики имели основания для умирения мятежников. Осознание этого приведет к пониманию всей полноты трагедии Кронштадта.

Глава 1

КРИЗИС ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Осенью 1920 года в Советской России начался непростой переходный период – от войны к миру. Наконец-то над страной, которая в течение более шести лет находилась в состоянии непрекращающихся переворотов – мировая война, революция, Гражданская война, – стал рассеиваться туман. 12 октября Советская Россия заключила перемирие с Польшей. Спустя три недели последний белый генерал, барон Петр Врангель, покинул Россию, и Гражданская война, хоть и оставившая после себя растерзанную, обескровленную страну, была выиграна большевиками. На юге еще действовал Нестор Махно, но в ноябре 1920 года его некогда огромная армия была уничтожена и больше не представляла угрозы для Москвы. Красная армия отвоевала Сибирь, Украину, Туркестан, Донецкий угольный бассейн и нефтяные месторождения Баку, а в феврале 1921 года и Кавказ, захватив Тифлис и свергнув меньшевистское правительство Грузии. Таким образом, советская власть, судьба которой в течение трех лет висела на волоске, теперь была установлена на большей части необозримой территории России.

Окончание Гражданской войны ознаменовало новую эру в отношениях Советской России с другими государствами. Большевики, похоронив надежду на мировой революционный переворот, стремились получить хотя бы небольшую передышку. В свою очередь, западные державы не уповали более на крах большевизма. Обе стороны стремились нормализовать отношения, и к концу 1920 года не было причин, препятствующих обоюдному желанию. Две из них, стоявшие на пути признания Советской России и возобновления с ней торговых отношений – экономическая блокада

и вооруженная интервенция, – были уничтожены; в январе 1921 года Советы приняли решение снять блокаду. В 1920 году Россия заключила мирные договоры с балтийскими соседями: Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией; в феврале 1921 года были подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве с Персией и Афганистаном, а в марте с Турцией. Советские комиссары, Леонид Красин в Лондоне и Вацлав Боровский в Риме, добились подписания торговых соглашений с Англией и Италией, что сулило хорошие перспективы.

Однако, несмотря на эти положительные моменты, зима 1920/1921 года явилась чрезвычайно критическим периодом в истории Советского государства. Не случайно в декабре 1920 года, выступая на VIII съезде Советов, Ленин заявил, что осуществить плавный переход к мирной экономике и перестройке общества будет непросто.

Несмотря на то что война была выиграна, а внешнее положение России заметно улучшалось, большевики столкнулись с серьезными внутренними проблемами. Страна была измучена, доведена до банкротства. За два последних года резко возросла смертность. Миллионы стали жертвами голода и эпидемий, не считая миллионного числа погибших на полях сражений. В стране царила разруха, Россия испытывала те же страдания, что и во времена потрясений и смут, отличавших начало XVII века в России. Сельское хозяйство, промышленность, транспорт находились на грани коллапса.

Пришло время залечивать раны, а для этого требовались изменения во внутренней политике, которые бы ослабили напряженность внутри страны. В первую очередь следовало отказаться от политической доктрины военного коммунизма, созданной на скорую руку и соответствующей чрезвычайным требованиям Гражданской войны. Как следует из самого названия, политика военного коммунизма отличалась системой жесткой регламентации и принуждения. Политика централизации государственного управления во всех сферах социальной жизни была продиктована дефицитом, экономическими требованиями военного времени. Краеугольным камнем этой политики была насильственная конфискация зерна у крестьянства. В сельскую местность направлялись вооруженные продовольственные отряды (продотряды) из числа рабочих и солдат, занимавшиеся изъятием продовольствия, чтобы накормить города и обеспечить продовольствием пятимиллионную Красную армию. Несмотря на приказ оставлять крестьянам продукцию, достаточную для их собственных нужд, члены продотрядов под дулом пистолетов отнимали у крестьян зерно, запасенное для будущего сева или личных потребностей. «Сущность военного коммунизма, – признавал Ленин, –

заклучалась в том, что мы фактически брали у крестьян излишки, а иногда и не только излишки, но и часть зерна, необходимого для еды. Мы забирали его, чтобы удовлетворить требования армии и поддержать рабочих» [3 - Ленин В.И. Указ. соч. Т. 43. С. 219.].

Помимо зерна и другого продовольствия, продотряды отбирали лошадей, фураж, повозки – одним словом, все, что требовалось воюющей стране, зачастую без оплаты, оставляя таким образом крестьян без таких предметов первой необходимости, как сахар, соль, керосин, не говоря уже о мыле, спичках, обуви, табаке, гвоздях.

Принудительная реквизиция (так называемая продразверстка), несомненно, спасла большевистский режим от поражения, поскольку без нее не смогли бы выжить ни армия, ни городское население, являвшиеся основной опорой правительства. Но неизбежной ценой продразверстки стало отчуждение крестьянства. Реакция крестьян, вынужденных отдавать под угрозой применения оружия продовольственные излишки и лишенных товаров первой необходимости, была абсолютно предсказуемой: зачастую продотряды, если даже не встречали открытого сопротивления, сталкивались с тактикой уклонения, на которую был горазд изобретательный крестьянский ум. По данным 1920 года, от продотрядов было успешно скрыто более трети общего объема урожая.

Кроме того, крестьяне стали обрабатывать только то количество земли, которое обеспечивало их собственные нужды; таким образом, к концу 1920 года в европейской части России засеянные площади составляли только три пятых от засеянных в 1913 году – последнем мирном году перед Первой мировой войной и революцией.

Значительное сокращение посевных площадей в период Гражданской войны, безусловно, можно отнести на счет разрухи, которой подверглась деревня, но политика продразверстки тоже немало способствовала катастрофическому снижению уровня сельскохозяйственного производства. К 1921 году общий выпуск продукции упал почти вдвое, а прирост поголовья скота составлял примерно две трети от довоенного уровня. Но более всего сократились площади, отведенные под лен и сахарную свеклу: они уменьшились в пять и десять раз соответственно относительно прежнего уровня.

Принудительная конфискация послужила одновременно разжиганию извечного противостояния между русским крестьянством и городским населением. Ленин давно понял, что при существующей экономической и социальной отсталости России для победы его партии, а впоследствии и для удержания власти необходим временный союз с крестьянством, по крайней

мере нейтралитет. Именно по этой причине в декабре 1917 года в первую очередь было сформировано коалиционное правительство с левыми эсерами; и, возможно, по этой же причине на пост председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) был избран Михаил Иванович Калинин – один из немногих видных большевиков, о ком было известно, что он крестьянского происхождения. Основным же средством, которое должно было обеспечить поддержку крестьянства, являлось выполнение их давней мечты о «черном переделе», перераспределении земли. Большевистские декреты о земле от 26 октября 1917 года и 19 февраля 1918 года находились в очень тесной связи со стремлениями крестьянских масс к уравнительности.

Заимствуя аграрную программу эсеров, чьи доктрины находились в соответствии с устремлениями крестьянства, молодое советское правительство отменило частную собственность на землю и приказало поровну распределить землю среди тех, кто возделывает ее своими руками, без применения наемного труда.

Декреты о земле придали новый импульс процессу, начавшемуся несколькими месяцами ранее, летом 1917 года, когда крестьяне стали захватывать земли помещиков, и к 1920 году земля была поделена более чем на двадцать миллионов небольших наделов, на которых трудились крестьянские семьи.

Однако не приходится удивляться, что традиционное недоверие к официальным декретам, исходившим от государства, несколько умеряло энтузиазм крестьян, приветствовавших первые большевистские законы. Для крестьян большевистская революция означала прежде всего удовлетворение «голода по земле» и уничтожение помещиков, и теперь им хотелось, чтобы их просто оставили в покое. Обосновавшись на своих новых земельных наделах, они старались уберечься от любых внешних вторжений. Но Гражданская война затягивалась. В деревнях появились продотряды, и постепенно крестьяне стали рассматривать большевиков скорее как противников, чем друзей и благодетелей. Ленин и его партия прогнали господ и дали людям землю, жаловались крестьяне, только для того, чтобы отбирать выращенный ими урожай и их право использовать свою землю по собственному разумению. Недовольство было вызвано и появлением во время Гражданской войны коллективных хозяйств (колхозов), под которые власти отдавали большие наделы из помещичьих усадеб. Крестьяне считали, что настоящий «черный передел» – это когда вся земля поровну поделена между людьми и, конечно, нет никакой «платы за рабский труд», как в государственных хозяйствах. «Крестьянин думает: если есть большие

хозяйства, то я опять наемный работник», – писал Ленин [4 - Ленин В.И. Указ. соч. Т. 38. С. 200.].

В результате этой политики многие крестьяне пришли к выводу, что большевики и коммунисты совершенно разные люди [5 - В марте 1918 года последователи Ленина перестали называть себя «Российской социал-демократической рабочей партией» – спорное название, которое большевики долго делили с меньшевиками, а теперь оставили им, – и стали «Российской коммунистической партией (большевиков)». (Примеч. пер.)]. С первыми они связывали драгоценный подарок в виде земли, а вторых злобно обвиняли – особенно Троцкого, Зиновьева и прочих коммунистических лидеров, чье «вражеское» происхождение было общеизвестно, – в том, что они придумали новую форму закабаления крестьян, но уже со стороны государства, а не помещиков. «Мы большевики, а не коммунисты. Мы за большевиков, потому что они выгнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против личных наделов» – так Ленин определил отношение крестьян к большевикам и коммунистам в 1921 году [6 - Ленин В.И. Указ. соч. Т. 44. С. 43.]. Спустя год настроение у крестьян изменилось, правда незначительно. Такой вывод можно сделать из полицейского отчета, пришедшего из Смоленской губернии: «Крестьяне постоянно выражают недовольство советским правительством и коммунистами. В разговорах середняков и бедняков, не говоря уже о кулаках, только и слышится: «Они хотят для нас не свободы, а рабства. Вернулись времена Годунова, когда крестьяне были собственностью хозяина и был отменен Юрьев день. Теперь мы принадлежим еврейской буржуазии, таким как Модковский, Ронзон и т. п.» [7 - Файнсод М. Смоленск при Советской власти. Кембридж, 1958. С. 43.].

Однако во время Гражданской войны большая часть крестьян была лояльна советскому режиму, считая его меньшим злом, чем белый. Боязнь возвращения дворянства и потери земли перевешивала у крестьян глубокую неприязнь к правящей партии. Надо признать, что в деревнях продотрядам нередко оказывали вооруженное сопротивление, при котором большевики несли потери, однако оно не стало серьезной угрозой власти. После поражения армии Врангеля осенью 1920 года положение резко изменилось. Теперь, когда отпала угроза со стороны белых, возмущение крестьян подразверсткой вспыхнуло с новой силой. По России прокатилась волна крестьянских восстаний, и наиболее крупные из них в Тамбовской губернии, на Средней Волге, Украине, Северном Кавказе, в Западной Сибири.

Зимой 1920/21 года мятежи быстро набирали силу. В этот период десятки и сотни тысяч солдат вернулись в свои деревни и пополнили ряды восставших крестьян.

В начале 1921 года в атмосфере насилия и беспорядков, представлявших угрозу государству, были демобилизованы более двух миллионов – почти половина общей численности Красной армии. После Первой мировой войны в Европе были известны случаи, когда массовая демобилизация ухудшала существующее экономическое положение и обостряла недовольство народа. Но в России создалось особенно угрожающее положение. Почти семь лет войны, революция, массовые волнения погрузили страну в атмосферу беззакония. Гражданское население, вынужденное покинуть родные места, еще не успело успокоиться и обосноваться после возвращения домой или на новом месте, когда демобилизация, по словам Ленина, выпустила на свободу орду солдат, единственным делом которых была война, и вполне естественно, что они направили свою энергию на участие в восстаниях, занялись грабежом и насилием. По мнению Ленина, создалось положение, равносильное возобновлению Гражданской войны, но в иной, более опасной форме, поскольку ситуация была вызвана не теми социальными слоями, чье время в истории истекло, а непосредственно народными массами. Призрак мощной крестьянской войны, нового восстания Пугачева, слепо и безжалостно преследовал правительство, и это в тот самый момент, когда города, традиционные центры поддержки большевиков, находились в состоянии полного экономического упадка и тоже были охвачены беспорядками.

Между ноябрем 1920 и мартом 1921 года число крестьянских восстаний резко возросло. По данным ВЧК, в феврале 1921 года, накануне Кронштадтского восстания, произошло 118 крестьянских мятежей в разных частях страны.

В Западной Сибири восстания охватили почти всю Тюменскую губернию, Челябинск, Оренбург, Омск. Транссибирская железная дорога была сильно повреждена, что ухудшало и без того серьезную проблему доставки продовольствия в города европейской части России. На Средней Волге, где Стенька Разин и Пугачев приобрели многочисленных сторонников, бродили банды вооруженных мародеров, занимавшихся грабежами и насилием. Тончайшая грань отделяла бандитизм от восстания. Повсюду доведенные до отчаяния люди нападали из засады на продотряды и с необузданной решимостью боролись со всеми, кто решался помешать им. Самые ожесточенные бои шли в черноземной области, в Тамбовской губернии, очаге крестьянских восстаний еще с XVII века. Восстание во главе с А.С. Антоновым [8 - Антонов Александр Степанович – революционер, эсер. В ноябре 1920 – июле 1921 года он был начальником Главного оперативного штаба партизанских армий Тамбовского края, фактическим лидером

крестьянского восстания, сторонником террористических партизанских методов борьбы с коммунистическим режимом, принудительной мобилизации крестьянских людских и материальных ресурсов для восстания. В июле 1921 – июне 1922 года скрывался в Кирсановском и Борисоглебском уездах. А. С. Антонова убили вместе с братом Дмитрием в ходе специальной операции Тамбовского губотдела ГПУ в селе Нижний Шибрай и тайно захоронили на территории Казанского монастыря в Тамбове. (Примеч. пер.)], фанатичным борцом, имевшим, как и Нестор Махно, репутацию Робин Гуда, свирепствовало более года до тех пор, пока красный командир Михаил Тухачевский, сразу после подавления Кронштадтского мятежа, не прибыл в Тамбовскую губернию для подавления крестьянского восстания.

Зимой 1920/1921 года крестьянскими восстаниями были охвачены огромные территории, и ряды мятежников неуклонно росли. Крестьянская армия Антонова насчитывала около 50 тысяч человек, а согласно источникам, которые вряд ли страдали преувеличением, общая численность отрядов, сформированных на Урале, в Западной Сибири, Поволжье, на Кубани и на Дону, достигала 200 тысяч человек. (Ряд документов, касающихся крестьянских восстаний 1920 – 1921 годов, содержится в архиве Троцкого, хранящемся в Гарвардском университете.)

Крестьяне, вооруженные топорами, дубинами, вилами, небольшим количеством винтовок и пистолетов, решительно вступали в сражения с регулярными вооруженными формированиями, и отчаянная храбрость народных масс производила такое впечатление на солдат правительственных войск (многие из которых разделяли позицию мятежников), что случаи дезертирства из армии резко участились. Действуя разрозненно и испытывая нехватку оружия, отдельные крестьянские отряды не могли, конечно, соперничать с испытанной в боях Красной армией. Кроме того, у мятежников, кроме лозунгов «Долой реквизицию!», «Долой продотряды!», «Не сдавать продовольственные излишки!», «Долой коммунистов и евреев!», не было никакой конкретной программы, их объединяла лишь общая ненависть к городам, из которых появлялись комиссары и продотряды, и к правительству, которое посылало этих людей, претендовавших на крестьянскую собственность. Население Тамбова, отмечал военный комиссар Тамбовской губернии, считает советскую власть виновницей «вторжения комиссаров и чиновников»; так что нет ничего странного в том, что тамбовские мятежники своей первой целью считали «отстранение от власти коммунистов-большевиков, которые привели страну к нищете, гибели и позору» [9 - Синглтон С. Тамбовский мятеж (1920 – 1921) // Slavic Review. XXV. 1966. Сентябрь.].

Крестьяне, не ограничиваясь вооруженным сопротивлением и уклонением от продразверстки, пускали в ход и традиционные способы протеста: направляли правительству прошения и жалобы. В период с ноября 1920 года по март 1921 года московские власти были буквально засыпаны обращениями с требованием положить конец принудительной политике военного коммунизма. Теперь, когда одержана победа над белыми, объясняли просители, нет оправдания насильственной реквизиции зерна. Крестьяне требовали установить фиксированный налог на их продукцию и право распоряжаться излишками по собственному усмотрению и в качестве дополнительного стимула для производства сельскохозяйственной продукции – увеличения поставок потребительских товаров в сельскую местность.

Однако эти обращения не находили ни сочувствия, ни отклика у властей, которые считали крестьян не иначе как мелкими собственниками, которые, получив во владение землю, перестанут поддерживать революцию. Больше всего большевики боялись укрепления капитализма в русской деревне. Проводя исторические параллели и вспоминая крестьян 1848 года, бывших оплотом реакции в Западной Европе, большевики не шли ни на какие уступки, которые могли бы сделать крестьянского землевладельца независимым в их стране. Кроме того, для большей части большевиков военный коммунизм с его централизованным руководством экономикой был обществом истинного социализма, о котором они мечтали и не желали отступаться от своих идеалов ради восстановления свободного рынка и сплоченного, крепкого, а следовательно, независимого крестьянства.

Ярким представителем этой точки зрения был Н. Осинский [10 - Осинский Н. (Валериан Валерианович Оболенский) – один из руководителей студенческого движения до революции. В 1912 году редактировал легальную большевистскую газету «Наш путь». Принимал активное участие в октябрьском перевороте и в его подготовке, как один из крупных деятелей Московского областного Бюро партии и Московского Совета. В период «Брестских» разногласий примыкал к левому крылу коммунистов. Вместе с Вл. Смирновым был в оппозиции по вопросам единоличия и коллегиальности. В 1920 – 1921 годах – лидер группы демократического централизма; в 1917 – 1918 годах – председатель ВСНХ; в 1921 – 1923 годах – заместитель наркома земледелия; в 1923 – 1924 годах – полпред СССР в Швеции; с 1926 года – управляющий ЦСУ. С 1929 года – заместитель председателя ВСНХ. В 1921 – 1922 годах и с 1925 года – член ЦК партии: член ВЦИКа и ЦИКа СССР. Был репрессирован; реабилитирован посмертно. (Примеч. пер.)] – лидер группы демократического централизма.

В ряде статей, появившихся в конце 1920 года, Осинский подробно излагает свою точку зрения. Отклоняя любое отступление: фиксированный налог, возобновление свободной торговли, Осинский призывал усилить государственное вмешательство в сельское хозяйство. Единственный выход из аграрного кризиса, писал он, в «обязательной массовой организации производства» под руководством государственных служащих [11 - Осинский Н. Государственное регулирование крестьянского хозяйства. М, 1920. С. 8, 9.].

Для этого он предлагал сформировать в каждой деревне «посевные комитеты» с первостепенной задачей увеличения продукции путем расширения пахотных земель. Кроме того, эти комитеты должны были решать все вопросы, влияющие на эффективность сельскохозяйственного производства, такие как рациональное использование сельскохозяйственного оборудования, уход за домашним скотом и т. п. Далее Осинский предлагал потребовать от крестьян хранения своего зерна в общих хранилищах, и чтобы вопрос его распределения находился в ведении правительства. В окончательном варианте Осинский видел систему государственного сельского хозяйства, при которой все небольшие земельные наделы станут общими.

Таким образом, рекомендации Осинского подразумевали не просто сохранение политики военного коммунизма, но фактически укрепление ее на каждой стадии сельскохозяйственного производства. Крестьяне и так уже выражали сильное недовольство политикой правительства, а предложения Осинского только добавили причины для недовольства. Возможность рассказать о своих предложениях появилась у Осинского в конце декабря 1920 года, во время проходившего в Москве VIII съезда Советов. Проект Осинского занял центральное место при обсуждении основных вопросов. Коммунистическое большинство, поддержавшее проект Осинского, неожиданно натолкнулось на сильное сопротивление со стороны присутствовавших на съезде без права решающего голоса меньшевиков и эсеров, последний раз появившихся на национальном собрании подобного рода.

Федор Дан [12 - Дан (псевдоним; настоящая фамилия Гурвич) Федор Ильич – врач по профессии, один из лидеров меньшевизма. В социал-демократическом движении с 1894 года, входил в петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Летом 1901 года эмигрировал, в Берлине вошел в группу содействия «Искре». В 1902 году участвовал в подготовке II съезда РСДРП; в 1903 году примкнул к меньшевикам. Участник IV (1906 г.) и V (1907 г.) съездов РСДРП. В годы реакции лидер

ликвидаторства, редактор газеты «Голос социал-демократа», член меньшевистских ОК и ЦК. В Первую мировую войну – социал-шовинист. После Февральской революции 1917 года идеолог «революционного оборончества»; член Исполкома Петроградского Совета и Президиума ЦИКа 1-го созыва; поддерживал буржуазное Временное правительство. После Октябрьской революции работал врачом в системе Наркомздрава, на VII (декабрь 1919 г.) и VIII (декабрь 1920 г.) Всероссийских съездах Советов выступал от фракции меньшевиков. В 1922 году выслан за границу как враг советской власти. Возглавил в Берлине контрреволюционную деятельность меньшевиков. В 1923 году принимал участие в создании Социалистического интернационала. В 1923 году лишен советского гражданства. В 1941 – 1947 годах издавал в США антисоветский журнал «Новый путь» – орган меньшевиков-эмигрантов.] и Давид Даллин [13 - Даллин Давид – социалист-меньшевик и биограф Ленина. (Примеч. пер.)] – от меньшевиков и В.К. Вольский и И.Н. Штейнберг – от правых и левых эсеров были единодушны в осуждении «банкротства» политики военного коммунизма.

Эти двое призывали к незамедлительной замене продразверстки фиксированным налогом, требовали дать крестьянам право свободно распоряжаться оставшимися излишками сельхозпродуктов. Любая система, основанная на принуждении, объяснял Дан, будет только способствовать уменьшению посевных площадей и, следовательно, сокращать количество столь необходимого стране зерна. Продолжая использовать силовые методы, мы увеличиваем противостояние между городом и деревней, пытался доказать Ф. Дан, и сами толкаем крестьянство на путь контрреволюции. В таком же духе выступил Вольский, убеждая правительство поощрять кооперативы, созданные на добровольной основе, и отказаться от государственных хозяйств, которые принимаются крестьянами в штыки. Что касается «посевных комитетов» Осинского, то Даллин обратил внимание собравшихся, что любой новый инструмент принуждения только усугубит существующий кризис.

Сами крестьяне высказали свои возражения против аграрной политики правительства на закрытом заседании крестьянских делегатов. На заседании присутствовал Ленин, и направленные им записки в адрес Центрального комитета и Совета народных депутатов представляют огромный интерес. Согласно запискам Ленина, проект Осинского был встречен делегатами с единодушным возмущением. С нескрываемым презрением крестьянин из Сибири – района, охваченного крестьянским восстанием, – осудил идею создания новых комитетов и усиления вмешательства государства в дела деревни. «Осинский не знает Сибири. Я тружусь на сибирской земле уже

тридцать восемь лет, а Осинский ничего в этом не понимает», – закончил он свое выступление.

Делегаты резко критиковали усилия правительства по коллективизации сельского хозяйства, но наибольшим нападкам подверглось предложение продолжить конфискацию зерна вооруженными продотрядами, которые, выполняя свою задачу, не делали никакого различия между бездельниками и трудолюбивыми крестьянами. Один из делегатов заявил, что продотряды забирают такое количество зерна, что не остается ни крестьянам, ни скоту. Крестьянин из Тулы рассказал, что вследствие непомерной конфискации десять губерний черноземной зоны (включая его губернию) остались без посевного материала. Если необходимо увеличить выпуск сельскохозяйственной продукции, сказал делегат из Перми, то их должны освободить от принудительной ее сдачи.

Выступавшие один за другим возмущенно говорили о том, что за свою продукцию получают либо незначительную компенсацию, либо не получают вообще ничего. «Если вы хотите, чтобы мы засевали большие площади, – заявил крестьянин из Минской губернии, – то дайте нам соль и металл». «Нам нужны лошади, бороны», – кричали делегаты. «Нам нужен металл для ремонта оборудования, дерево для сараев, – подхватывали другие. – Или дайте деньги, чтобы заплатить за работу кузнецу или плотнику».

Крестьянин из Костромской губернии высказал мнение целой группы делегатов, когда заявил: «Крестьянину нужен стимул, иначе он не будет работать. Под ударом плети я могу отойти в сторону, но не могу выращивать хлеб». – «И какой же это стимул?» – спросил делегат из Новгорода. «Простой. Установить фиксированный налог на зерно и скот» [14 - Ленин В.И. Указ. соч. Т. 42. С. 382 – 386.].

Ленин был обеспокоен тяжелым положением крестьян. Например, когда он узнал, что у крестьян одной из губерний конфисковали все зерно, не оставив даже семенного фонда, он высказался в их защиту.

Еще в ноябре 1920 года Ленин начал изыскивать возможность «преобразования реквизиции продовольствия в натуральный налог» [15 - Там же. С. 51.], то есть занялся тем, чего требовали сами крестьяне.

Но на VIII съезде Советов Ленин отклонил этот шаг, как преждевременный. Опасность возобновления Гражданской войны, сказал он, полностью не исчезла. Еще предстоит официально заключить мирный договор с Польшей. Армия Врангеля, снабжаемая Францией, стоит в соседней Турции и находится в состоянии готовности нанести удар при первой возможности. Исходя из этого, не стоит излишне поспешно переходить к новой экономической программе мирного времени.

Выступая на собрании представителей крестьян Московской губернии в октябре 1920 года, Ленин признал (под одобрительные крики из зала), что крестьянство стонет под тяжким бременем налогообложения – бременем, которое внесло серьезный разлад между городом и деревней, между рабочим и крестьянином. «Но если баран и козел ссорятся, – имея в виду пролетариат и крестьянство, спросил Ленин, – следует ли позволить гидре контрреволюции сожрать их обоих?» [16 - Ленин В.И. Указ. соч. Т. 41. С. 362 – 363.]

Итак, несмотря на растущую опасность, Ленин крепко держался за политику военного коммунизма. В декабре 1920 года на VIII съезде Советов он поставил свою подпись под проектом Осинского, одоблив создание государственных зернохранилищ и план будущей посевной кампании. Съезд вынес резолюцию, согласно которой следовало разработать «государственный план обязательного сева» под руководством Комиссариата сельского хозяйства. В каждой губернии, районе и деревне должны были быть сформированы посевные комитеты, отвечающие за сосредоточение и подготовку людских ресурсов и сельскохозяйственной техники, необходимых для увеличения посевных площадей.

Пока Ленин рассматривал любые дальнейшие проекты по коллективизации сельского хозяйства неосуществимыми. Он уже не думал, что социализм возможен в ближайшем будущем. Россия осталась крестьянской страной, сказал он, выступая на VIII съезде, а крестьяне не социалисты. Относиться к ним как к социалистам все равно что строить будущее России на песке. Хотя Сухаревский рынок, как его называли в народе – Сухаревка (знаменитый блошинный рынок в Москве), был закрыт, все мелкие собственники были по-прежнему проникнуты этим духом. «Пока мы живем в стране мелких собственников земли, – сказал Ленин, – капитализм в России будет иметь более крепкую экономическую основу, чем коммунизм. Но если переход к социализму будет долгим и трудным, тем больше причин не отступать перед капиталистическими силами в деревне». Таким образом, в сельском хозяйстве большевики предпочли придерживаться политики принуждения, а не уступок.

Положение в городах, до настоящего времени главном оплоте большевизма, было во много раз хуже, чем в деревнях. Шестилетние беспорядки разрушили промышленность. Картина, согласно опубликованным статистическим данным, несмотря на множество расхождений в зависимости от источников, представляется близкой к краху.

К концу 1920 года общий уровень объема промышленной продукции снизился почти в пять раз по сравнению с уровнем 1913 года. Самое

критическое положение сложилось с поставками топлива и сырья. Хотя Бакинские нефтяные промыслы и Донецкий угольный бассейн удалось отвоевать весной и осенью 1920 года, колоссальные разрушения можно было восстановить только ценой титанических усилий. Многие шахты были затоплены, предприятия разрушены. В России в конце 1920 года добыча угля составляла четверть, а нефти – треть довоенного уровня производства. Еще хуже дело обстояло с добычей железной руды и производством чугуна: в 1920 году лишь 3 процента от выпуска 1913 года. Практически прекратилась добыча и выплавка меди. Испытывая недостаток основных видов сырья, главные промышленные центры страны были вынуждены сильно сократить производство. В результате резко уменьшилась численность рабочих на многих крупных предприятиях, которые трудились теперь неполный рабочий день. Полностью прекратили работу некоторые важные секторы тяжелой промышленности. Производство потребительских товаров составляло четверть довоенного уровня. Кожевенное производство сократилось в десять раз, работала только одна из двадцати текстильных фабрик.

Кроме прочего, на развал экономики повлияли еще два дополнительных фактора: удушающее воздействие недавно союзнической блокады и дезорганизация транспортной системы. Блокада, начавшаяся после заключения в 1918 году Брестского мира, была снята в 1920 году, но внешнеторговые связи восстановились только на следующий год, и то в очень незначительных масштабах. В результате Советская Россия была лишена самого необходимого оборудования, машин, механизмов, сырья, отсутствие которых препятствовало быстрому восстановлению промышленности. Серьезно пострадала транспортная система страны. Отступающие армии взрывали железнодорожные пути, дороги и мосты. Троцкий, выступая на VIII Всероссийском съезде Советов и объясняя положение, сложившееся на транспорте, особо отметил, что больше половины локомотивов находятся в неисправном состоянии; производство новых составляет 15 процентов от производства 1913 года.

В общей сложности было разрушено 3762 железнодорожных моста, 1200 миль железнодорожных путей; повреждено 60 тысяч миль телеграфных проводов.

Топливо поставлялось с перебоями, и железнодорожники были вынуждены использовать дрова, что, естественно, резко увеличило число поломок локомотивов. В некоторых районах движение было полностью парализовано.

Возникли серьезные проблемы с доставкой продовольствия в города: жители сидели буквально на голодном пайке. Разработанная система выдачи продовольственных пайков, при которой в наиболее выгодном положении

оказались рабочие военных отраслей промышленности, сохранилась даже после окончания Гражданской войны. Таким образом, в начале 1921 года петроградские рабочие, занятые в плавильном производстве, ежедневно получали 800 граммов черного хлеба, ударники труда – 600, а прочие категории рабочих – 400 и даже 200 граммов черного хлеба. Но даже эти скудные пайки выдавались нерегулярно. В среднем в день транспортные рабочие получали от 700 до 1000 калорий, что намного ниже нормы, необходимой для физической работы в течение полного рабочего дня.

Распавшийся в период Гражданской войны рынок усугубил продовольственный кризис в городах. В период военного коммунизма был введен запрет на частную торговлю, и натуральный обмен между городом и деревней фактически прекратил существование. Но освободившееся место было незамедлительно занято черным рынком. Толпы «мешочников» бродили от деревни к деревне, скупая хлеб и овощи, чтобы затем продать их голодающим жителям городов или обменять у них на вещи. К концу 1920 года незаконная торговля выросла до таких размеров, что в значительной степени вытеснила официальные источники поступления продовольствия. Одновременно инфляция достигла головокружительных высот. В течение 1920 года цена хлеба увеличилась более чем в десять раз.

Чтобы покрыть расходы, советское правительство запустило с бешеной скоростью печатный станок; в результате золотой рубль, стоивший в 1917 году 7 рублей 85 копеек, спустя три года дошел до 10 тысяч бумажных рублей.

К концу 1920 года, согласно официальным данным, реальная заработная плата заводских рабочих в Петрограде составляла 8,6 процента от довоенного уровня заработной платы.

По мере обесценивания денег увеличивалась доля заработной платы, выплачиваемой рабочим в натуральной форме. В дополнение к продовольственному пайку, который составлял основу заработной платы, рабочий получал обувь и одежду, а в каких-то случаях часть производимой им продукции, которую обычно обменивал на продукты.

Однако рабочие, как правило, не могли прокормить себя и свою семью, и горожане, оставив городские квартиры, толпой повалили в деревни в поисках еды. В период с октября 1917 года по август 1920 года (когда была проведена перепись) численность населения Петрограда с 2,5 миллиона человек сократилась примерно до 750 тысяч. За тот же период население Москвы уменьшилось почти в два раза, а общая численность городского населения России сократилась примерно на треть. Значительную долю переселенцев составляли рабочие промышленных предприятий, вернувшиеся в родные

деревни, к привычному крестьянскому образу жизни. В августе 1920 года Петроград, например, покинули порядка трети из 300 тысяч заводских и фабричных рабочих, а в целом по России уменьшение городского населения превысило 50 процентов.

Такое уменьшение численности горожан, частично связанное с высокой смертностью на фронте, а частично с возвращением в деревни, чтобы принять участие в разделе земли, нестабильная работа промышленных предприятий, перебои с топливом, дефицит товаров первой необходимости тоже явились причинами массового бегства из крупных городов. Но все-таки большинство людей отправилось на поиски продовольствия, особенно в 1919 – 1920 годах, когда в городах стал стремительно нарастать голод.

Даже среди тех, кто решил остаться, многие восстановили связи со своими деревнями, периодически отправляясь туда за продуктами, на время болезни или чтобы помочь во время посевной или при сборе урожая. По иронии судьбы это происходило в тот момент, когда страна, согласно идеологическим установкам большевистской партии, должна была приобретать все более и более городской, индустриальный характер. Вместо этого Россия (причинами послужили раздел земли и Гражданская война) вновь вернулась в отсталую сельскохозяйственную страну, едва успев начать выходить из этого состояния. Для советского правительства, которое руководило страной от имени промышленного пролетариата, подобная ситуация была чревата опасностью. Не только переезд людей из города в деревню подрывал социальную основу большевистской власти, но возобновление отношений между крестьянами и рабочими способствовало усилению существующей напряженности. Теперь приезжие из города, увидев собственными глазами последствия политики военного коммунизма в деревне, поддерживали крестьян, недовольных политикой правительства. От крестьян и рабочих недовольство мгновенно распространилось на их родственников, служивших в армии и на флоте. В результате по стране прокатилась волна крестьянских восстаний, начались беспорядки на промышленных предприятиях, в армии; взрыв наступил 21 марта 1921 года в Кронштадте.

Тем временем положение в городах продолжало ухудшаться. К началу 1921 года развалились важнейшие составляющие городского уклада жизни. Из-за топливного кризиса в зимние месяцы цеха, служебные здания, квартиры остались без отопления. Людям негде было купить теплую одежду и обувь. Поступали сообщения об умерших от холода в неотапливаемых помещениях. Сыпной тиф и холера опустошали города. Но, несмотря на резкое сокращение численности городского населения, продовольственная

проблема оставалась самой острой. К концу 1920 года средняя производительность труда составляла треть показателя 1913 года.

Доведенные до отчаяния голодом и холодом люди по несколько дней не выходили на работу, а отправлялись в окрестные деревни в поисках продовольствия и дров. Они добирались пешком и в переполненных железнодорожных вагонах, с личными вещами и украденными на фабриках и заводах, где они работали, товарами, чтобы обменять их на любые продукты. Правительство делало все возможное, чтобы прекратить эту незаконную торговлю. Вооруженные заградительные отряды блокировали дороги, охраняя подходы к городу и конфискуя мешки с продуктами, которые «спекулянты» везли домой, чтобы накормить семьи. О зверствах заградотрядов говорили по всей стране; они стали притчей во языцех, и комиссариаты в Москве были завалены жалобами на их бесчинства.

Негодование рабочего класса, помимо деятельности заградотрядов, вызывало распределение рабочих по группам, возникшее при военном коммунизме. Инициатором системы распределения был Троцкий, нарком по военным делам (военный комиссар). Подстегиваемый собственным успехом с быстрым наведением дисциплины в Красной армии, Троцкий стремился использовать те же военные методы в отношении разваливающейся на глазах промышленности. В январе 1920 года Совет народных комиссаров, в значительной степени при подстрекательстве Троцкого, принял декрет об общей трудовой повинности для всех трудоспособных лиц, достигших совершеннолетия. Одновременно было принято решение использовать личный состав армии, после прекращения боевых действий на фронте, на гражданских работах. Поскольку Гражданская война приближалась к концу, отряды красноармейцев, вместо увольнения из армии, отправлялись на работы в составе так называемых «трудовых армий», на лесозаготовки, на транспорт, строительство и на другие работы, требовавшие применения неквалифицированного труда [17 - Прецедент был создан, когда 15 января 1920 года вышел декрет, по которому 3-я армия на Урале преобразовывалась в «Первую революционную трудовую армию», располагавшую военной властью над местными гражданскими органами власти. (Примеч. пер.)].

Одновременно была предпринята попытка укрепить трудовую дисциплину на фабриках и заводах. Правительство повело борьбу с хищениями на производстве, с прогулами; принимались меры по увеличению индивидуальной производительности труда. Однако результаты этой политики выглядели неутешительно. Можно было заранее предположить, что усиление дисциплины и появление солдат на фабриках и заводах вызовет возмущение рабочих. На митингах они выражали гневный протест против

«милитаризации рабочего класса». А солдаты, со своей стороны, теперь, когда закончилась война, стремились как можно скорее попасть домой. Лидеры меньшевиков сравнивали распределение рабочих по группам с египетским рабством, когда фараоны принудительно использовали рабочую силу для строительства пирамид. Никогда с помощью принуждения, подчеркивали меньшевики, не удастся добиться успехов в промышленности и сельском хозяйстве.

Правительство с тревогой отмечало, что выступления меньшевиков вызывают одобрение со стороны рабочих и солдат, разочаровавшихся в большевиках и программе военного коммунизма и готовых открыто выступить против существующего режима.

«Милитаризация рабочего класса» была только частью программы по установлению централизованного управления над пошатнувшейся национальной экономикой. На протяжении 1917 – 1918 годов рабочие проводили в жизнь синдикалистский лозунг о «рабочем контроле» над производством.

Это означало, что местные фабричные и заводские комитеты принимали участие в приеме и увольнении рабочих, установлении размеров заработной платы и длительности рабочего дня и т. п., в общем, внимательно следили за действиями администрации. На некоторых предприятиях были уволены неугодные рабочим директора, инженеры, диспетчеры и рабочие комитеты взяли на себя задачи управления производством, как правило приводившие к плачевным результатам. К лету 1918 года из российской промышленности практически исчезли квалифицированные руководители; страна стремительно приближалась к экономическому краху. Большевики, поощрявшие в 1917 году создание рабочего контроля над производством как способ подрыва авторитета Временного правительства, теперь были вынуждены действовать, чтобы не оказаться смытыми тем же неудержимым потоком, который уничтожил их предшественников в октябре 1917 года. С июня 1918 года началась национализация крупных предприятий, и постепенно на смену рабочему контролю пришла жесткая трудовая дисциплина и единоначалие. К ноябрю 1920 года четыре из пяти крупных предприятий были национализированы, и началась национализация более мелких фабрик и заводов.

По мере возможности к своим обязанностям возвращались технически грамотные, знающие производство «буржуазные специалисты». Теперь произошел перекоп в другую сторону: количество служащих почти вдвое превышало количество неквалифицированных рабочих.

Пышным цветом расцвела новая бюрократия, состоявшая из опытного административного персонала и необученных новичков, и, несмотря на уровень профессионализма и взгляды, все эти служащие в первую очередь преследовали собственные интересы.

Для рядовых рабочих восстановление «чуждых элементов» на ключевых постах на заводах и фабриках означало предательство идеалов революции. Их мечты о пролетарской демократии, реализованные в 1917 году, были растоптаны и заменены принудительными, бюрократическими методами, свойственными капитализму. Большевики установили на заводах и фабриках железную дисциплину, сформировали вооруженные отряды для обеспечения исполнения распоряжений руководства и предполагали использовать такой отвратительный метод повышения производительности труда, как «система Тейлора». И все это делало правительство, которому рабочие доверяли и которое во всеуслышание заявляло, что управляет страной в интересах рабочего класса. Рабочие не собирались проглатывать приготовленную для них горькую пилюлю. Поэтому нет ничего удивительного в том, что зимой 1920/1921 года, когда экономические и социальные проблемы достигли критической точки, уже ничем нельзя было заглушить недовольный ропот, даже угрозой потери продовольственного пайка. На рабочих митингах под одобрительные крики собравшихся ораторы гневно осуждали милитаризацию и бюрократизацию промышленности, говорили о незаслуженных привилегиях и благах большевиков, занявших государственные посты. «Коммунисты всегда занимают лучшие места и, похоже, меньше страдают от голода и холода», – звучали недовольные голоса. Поднимали голову антисемитизм и антиинтеллектуализм. Звучали обвинения в адрес большевиков, предавших Россию, русский народ, запятнавших революцию, и все потому, что на поверку они оказались враждебным племенем еврейских интеллектуалов.

Растущее недовольство и разочарование совпало с периодом острых противоречий внутри коммунистической партии. Внутрипартийная полемика, продолжавшаяся с декабря 1920 года по март 1921 года, достигла своей кульминации на X съезде партии во время обсуждения вопроса о роли профсоюзов в Советском государстве.

После долгих и бурных споров выявились три позиции. Троцкий, руководствуясь военной концепцией в отношении налаживания производства, предлагал полностью подчинить профсоюзы государству, которое будет обладать единоличным правом назначать и увольнять профсоюзных деятелей. Самыми яростными противниками этого предложения были члены Рабочей оппозиции – группы, возникшей в ходе

профсоюзной дискуссии, в которую вошли такие личности, как Александр Шляпников, Юрий Лутовинов, Александра Коллонтай, сохранившие преданность пролетариату. Особую тревогу Рабочей оппозиции вызывал тот факт, что Советское государство медленно, но верно превращается в новую бюрократию, где доминирующее положение занимает привилегированное меньшинство, не имеющее никакого отношения к рабочему классу. Шляпников, Лутовинов, Медведев, Коллонтай и их сторонники открыто критиковали милитаризацию рабочего класса и введение единоначалия на заводах и фабриках. Они требовали не только полной независимости профсоюзов от государственного и партийного руководства, но и передачи управления предприятиями профсоюзам и местным рабочим комитетам. Партия, настаивала Рабочая оппозиция, не должна позволять «бюрократической машине, пропитанной духом «буржуазной капиталистической системы», подавлять творческую инициативу рабочих [18 - Коллонтай А. Рабочая оппозиция в России. Чикаго, 1921. С. 22 – 23.].

Ленин и его сторонники, составлявшие подавляющее большинство в партии, стремились уладить разногласия между Троцким и Рабочей оппозицией. Они считали, что государство не должно поглощать профсоюзы, как предлагал Троцкий, но и нельзя передавать профсоюзам управление промышленностью, как считала Рабочая оппозиция. Профсоюзам, скорее, следует предоставить независимость (в рамках разумного); наделить их правом самим выбирать профсоюзных лидеров и участвовать в открытом обсуждении производственных проблем, в то время как бразды правления экономикой будут оставаться в руках правительства. Ленин надеялся, что его компромиссное предложение устроит и тех и других. Он был глубоко озабочен острой полемикой, которая в этот критический для советской истории момент грозила разрушить и без того хрупкое единство партии. В январе 1921 года Ленин подчеркивал, что партия больна, ее лихорадит, и если не удастся вылечить эту болезнь быстро и радикально, то произойдет неизбежный раскол, губительный для революции.

Внутрипартийные споры отражали возросшее напряжение в советском обществе. На протяжении трех последних лет люди вели отчаянную борьбу, чтобы сохранить плоды революции и добиться более удобной и достойной жизни в свободной стране. Они верили, что, как только враг будет побежден, правительство откажется от жесткой дисциплины военного образца и вскоре политика военного коммунизма будет вспоминаться только как один из эпизодов сурового времени, ушедшего в историю. Однако ничего подобного не произошло. Гражданская война закончилась, а политика военного коммунизма не только не была предана забвению, а даже не стала более

мягкой и гибкой. Через несколько месяцев после разгрома Врангеля правительство вроде бы обнаружило некоторые признаки восстановления элементарных прав и свобод. Но надо признать, что основой политики Советского государства по-прежнему оставались принуждение и жесткое руководство. Общество охватило чувство жесточайшего разочарования. Именно это лежало в основе нарождавшегося кризиса. Даже те, кто допускал, что военный коммунизм соответствовал политической ситуации, что во время борьбы не на жизнь, а на смерть с белыми он спас армию от разгрома, а города от голода, убедились, что идея принуждения изжила себя. С их точки зрения, военный коммунизм был не чем иным, как временно продиктованной мерой, на случай чрезвычайной ситуации, но выбрать его в качестве программы мирного времени означало заведомо обречь общество на провал. У людей кончилось терпение.

Однако у большевиков не было большего желания, чем задушить политическую оппозицию. Приводя разные оправдания, они упорно настаивали на том, что в стране сохраняется чрезвычайное положение, так как отрезанная от мира Россия окружена могущественными врагами, готовыми, почувствовав внутренние разногласия, при первой возможности перейти в наступление. Но теперь любые репрессивные меры, даже продиктованные необходимостью безотлагательного решения экономических или политических проблем, только способствовали дальнейшему неприятию требований правительства. Оппозиция доказывала, что именно большевики предали идеалы революции. Александр Беркман, известный анархист, который поддерживал советский режим во время Гражданской войны, заявлял, что большевики ногами втоптали в грязь лозунги 1917 года. В 1921 году он писал, что повсюду царил несправедливость, предательство, обман и притеснения. Большевики, управляя страной в интересах рабочих и крестьян, «лишили людей инициативы и уверенности в собственных силах, от которых зависело развитие революции, ее жизнеспособность» [19 - Беркман А. Большевицкий миф: Дневники 1920 – 1922. Нью-Йорк, 1925. С. 319.].

Взгляды Беркмана разделяли другие партии левых, которых, подобно анархистам, большевики грубо отодвинули в сторону после взятия власти. В своем выступлении на VIII съезде Советов Федор Дан зашел так далеко, что, обвинив большевиков в удушении народной инициативы, заявил, что советская система прекратила функционировать, являясь просто фасадом для диктатуры партии: наложен жесточайший запрет на свободу слова и собраний, людей кидают в тюрьму, высылают, расстреливают без суда и следствия, причем в массовом масштабе. Открыто осуждая эти

террористические методы, Дан потребовал немедленного восстановления политических и гражданских свобод и призвал повсеместно провести новые выборы в Советы. Речь известного левого эсера Штейнберга перекликалась с выступлением Ф. Дана. Бывший министр юстиции в первом советском правительстве, Штейнберг призвал возродить советскую демократию, предоставив полную автономию на местном уровне.

На съезде левое крыло направило против большевиков их же ленинский лозунг «Вся власть Советам». В рядах коммунистической партии демократические центристы требовали передать больше полномочий местным Советам, считая это средством от чрезмерной централизации политической власти, происшедшей в период Гражданской войны. Подобные призывы исходили не только от кучки радикальной интеллигенции – ширилось народное возмущение, охватывая не только крестьян и рабочих, но и солдат и матросов, тех, кто тосковал по анархической свободе 1917 года, одновременно стремясь к восстановлению стабильности в обществе, кто мечтал покончить с кровопролитием, голодом, холодом. Результатом этих противоречивых стремлений явился один из наиболее серьезных внутренних кризисов, с которым большевики столкнулись впервые после захвата власти. К марту 1921 года вся страна была охвачена волнениями. Наряду с крестьянскими восстаниями начались беспорядки в городах, брожение в армии и на флоте. Кульминацией стало восстание в Кронштадте. Над советским режимом нависла угроза уничтожения.

Толчком для кризиса в первую очередь послужили голод и лишения. Большевикам, как и любому правительству, требовалось время, чтобы оценить создавшееся положение. Переход от войны к миру совсем не простое дело. Никто не мог с уверенностью сказать, как следует действовать; не было никакого стратегического плана, никаких прецедентов, которые позволили бы выбрать правильный курс. С момента захвата власти большевики двигались ощупью, пробуя, сомневаясь. И теперь, спустя три года, их действия по-прежнему были отмечены печатью сомнений; они все еще находились в стадии эксперимента. Некоторые руководители партии, включая Ленина, уже в ноябре 1920 года стали задумываться о смягчении политики военного коммунизма, но в то время (осознание пришло только двумя-тремя месяцами позже) еще не было столь очевидно, что только немедленная переориентация может предотвратить социальный взрыв.

Однако факт остается фактом: большевики слишком долго не обращали должного внимания на внутреннее положение в стране. Продолжая мыслить категориями военного времени, не желая отказаться от программы, которая соответствовала их идеологии, большевики упорно цеплялись за политику

военного коммунизма до февраля 1921 года, когда Ленин сделал первые шаги по пути установления новой экономической политики (нэп), но, к сожалению, слишком поздно. Трагедии Кронштадта было уже не избежать.

Глава 2

ПЕТРОГРАД И КРОНШТАДТ

Очевидный разрыв между большевиками и их основным оплотом, рабочим классом, обнаружился в феврале 1921 года. С начала зимы, суровой даже по меркам москвичей, холод и голод в сочетании с жесткой политикой военного коммунизма привели к созданию чрезвычайно напряженной атмосферы в крупных городах, особенно в Москве и Петрограде, где было достаточно искры, чтобы произошел взрыв чудовищной силы. Такой искрой стало заявление правительства 22 января о сокращении и без того скудного пайка на треть.

Со всей очевидностью можно утверждать, что эта мера была неизбежной. Сильные снегопады и дефицит топлива стали причиной задержки поездов с продовольствием, следовавших из Сибири и с Кавказа в города Центральной и Северной России. В начале февраля ни один продовольственный состав не прибыл в Москву; склады опустели.

Понятно, что сокращение пайка было продиктовано чрезвычайными обстоятельствами, но голодающее население городов уже не воспринимало никаких заявлений о чрезвычайном положении. Взрыв казался неминуем.

Волна первых серьезных беспорядков прокатилась по Москве в середине февраля. Все началось со стихийных рабочих митингов, на которых разгневанные собравшиеся призывали к немедленному пересмотру доктрины военного коммунизма в пользу системы «свободного труда». Рабочие столь яростно настаивали на своем требовании, что правительство направило на фабрики и заводы представителей, поставив перед ними задачу попытаться оправдать проводимую политику. Надо сказать, задача была почти невыполнимой. Оказавшись лицом к лицу с враждебно настроенными слушателями, официальные представители правительства редко могли закончить объяснения; их освистывали раньше, чем они успевали подойти к сути вопроса. По слухам, Ленин, появившийся перед кричащей толпой рабочих Московского металлического завода, которые обвиняли большевиков в развале страны, спросил, не хотят ли они в таком случае возвращения белых. «Пусть приходит кто хочет: белые, черные, хоть черти, а вот вы выметайтесь», – раздались крики из толпы [20 - Нью-Йорк таймс.

1921. 6 марта.].

В Москве стремительно нарастала волна возмущений; за митингами последовали забастовки и демонстрации. Рабочие вышли на улицы с плакатами и знаменами, требуя повысить пайки, разрешить свободу торговли, отменить реквизицию зерна. Но они не ограничивались экономическими требованиями. Демонстранты требовали восстановления политических прав и гражданских свобод. Повсюду звучали призывы возродить Учредительное собрание. Мелькали плакаты «Долой коммунистов и евреев».

Поначалу власти пытались покончить с народными волнениями с помощью обещаний, но это не дало никаких результатов. Тогда на восстановление порядка были брошены войска и курсанты военных училищ. Только беспорядки в Москве пошли на убыль, как мощная волна забастовок прокатилась по Петрограду. Над городом сгустились грозовые тучи; витал «призрак прошлого», по словам современницы, «души загубленных революцией и контрреволюцией» [21 - Балабанова А. Моя жизнь мятежницы. Нью-Йорк, 1938. С. 261.].

Петроград, находившийся в северо-западной части России, в отдалении от основных продовольственных и топливных центров, сильнее, чем Москва, страдал от голода и холода. В городе осталось всего пять продовольственных складов.

Горожане пешком ходили в окрестные леса за дровами, чтобы обогреть дома. В начале февраля из-за отсутствия топлива более 60 процентов фабрик и заводов были вынуждены закрыться.

Продовольственные запасы подходили к концу. По свидетельству меньшевика Федора Дана, голодные рабочие и солдаты бродили по улицам, выпрашивая корку хлеба [22 - Дан Ф. Два года скитаний (1919 – 1921). Берлин, 1922. С. 104 – 105.].

Возмущенные люди протестовали против несправедливой системы распределения пайков. Слухи о том, что члены партии получили новую обувь и одежду, обострили и без того напряженную ситуацию. Слухам такого рода, ходившим везде и всегда в смутные времена, охотно поверили, ввергнув города в пучину беспорядков, которые предшествовали восстанию в Кронштадте.

Призывы к уличным демонстрациям в Петрограде, как и в Москве, раздавались на митингах протеста, проходивших на фабриках и заводах. В перечне экономических требований на первом месте стоял продовольственный вопрос. Один за другим ораторы требовали прекратить реквизицию зерна, отменить дифференцированную систему распределения

пайков, разрешить обмен личного имущества на продукты. На Трубочном заводе, одном из крупных заводов Петрограда, основанном в 1869 году, 23 февраля состоялось собрание. Была принята резолюция с требованием увеличить продовольственные пайки, немедленно распределить имеющуюся в наличии зимнюю одежду и обувь. На следующее утро люди, придя на завод, вскоре оставили свои рабочие места и вышли за ворота. Массовая демонстрация двинулась по Васильевскому острову. Делегацию рабочих направили в казармы Финляндского полка, но солдат не удалось вовлечь в демонстрацию, однако присоединились рабочие близлежащих предприятий и студенты Горного института. Вскоре собравшаяся на митинг двухтысячная возбужденная толпа стала громко выражать неодобрение действиями правительства. По свидетельству очевидца, член Петроградского совета профсоюзов примчался на митинг, чтобы убедить мятежников вернуться на рабочие места, но его вытащили из машины и избили [23 - События в Петрограде / Из архива Маклакова // Новая русская жизнь. 1921. 8 марта.].

Председатель Петроградского Совета Г.Е. Зиновьев, опасаясь, что ситуация может полностью выйти из-под контроля, направил отряд вооруженных курсантов военного училища с приказом разогнать демонстрацию. Бастующих рабочих удалось разогнать довольно быстро, без кровопролития – курсанты стреляли только в воздух.

Демонстрация на Васильевском острове была всего лишь предвестником будущих событий. На следующий день, 25 февраля, трудящиеся Трубочного завода опять рассеялись по улицам, призывая рабочих других фабрик и заводов принять участие в забастовке. Их усилия не пропали даром: присоединились рабочие табачной фабрики «Лаферм», обувной фабрики «Скороход», Балтийского и Патронного заводов. Когда же поползли слухи, что накануне красные курсанты убили и ранили некоторых участников демонстрации на Васильевском острове, к забастовке примкнули рабочие некоторых и других крупных предприятий, в том числе Адмиралтейских верфей и Галерных доков. На улицах собирались толпы, чтобы послушать выступления ораторов, подвергавших критике политику правительства; для разгона толпы опять призвали красных курсантов.

После забастовок в Москве петроградские власти под руководством Зиновьева внимательно следили за происходящим в городе, чтобы не допустить волнений в собственной епархии. Стоило им узнать о стихийном митинге, как они молниеносно восстанавливали порядок. В день проведения демонстрации на Васильевском острове, 24 февраля, Петроградский комитет партии создает Чрезвычайный комитет обороны, в который вошли М. Лашевич, член Реввоенсовета, Д. Авров, командующий Петроградским

военным округом, и Н. Анцелович, председатель Петроградского губпрофсовета. (Анцелович проработал в комитете только первые несколько дней, затем все приказы и декреты шли за подписями Зиновьева, Лашевича и Аврова.) Наделенный особыми полномочиями, Комитет обороны отдает приказ создать в каждом районе города «для проведения военного положения, водворения революционного порядка революционные тройки под председательством районного организатора соответствующего районного партийного комитета. Все приказания и распоряжения революционной тройки в области военно-административной для всего населения района обязательны... Все воинские силы, расположенные на территории района, подчиняются соответствующей ревтройке и могут быть использованы в каждом отдельном случае с разрешения Военного совета». В тот же день Петроградский Совет под председательством Зиновьева объявил в городе военное положение; воспрещалось хождение по улицам после 11 часов вечера, а также «всякие митинги, сборища и собрания как на открытом воздухе, так и в закрытых помещениях без надлежащего на то разрешения военного совета» [24 - Петроградская правда. 1921. 25 и 26 февраля; Известия Петроградского Совета. 1921. 26 февраля.].

Пока забастовщики с Трубочного завода обходили фабрики и заводы, призывая рабочих присоединиться к их протесту против властей, Зиновьев с товарищами изыскивал способ предотвратить кровопролитие. Петроградский Совет, профсоюзный и партийные комитеты выступили 25 февраля с призывом «К рабочим красного Петрограда» оставаться на рабочих местах. Рабочие вынесли много лишений, говорилось в обращении, но это необходимая цена за защиту революции от посягательств врагов. Даже сейчас белогвардейцы при поддержке меньшевиков и эсеров стремятся использовать продовольственный кризис в собственных интересах. Неужели рабочие «красного Петрограда» уже забыли Юденича и Колчака, Деникина и Врангеля? Что может дать людям реставрация старого режима? Только «плеть помещика и царскую корону». Что последует за уходом с работы? Еще больший холод и голод. Рабочие действительно принесли огромные жертвы, но тем меньше причин отказываться от идеалов революции в тот момент, когда удалось одержать победу.

Это обращение большевиков Петрограда открыло пропагандистскую кампанию по удержанию беспорядков в пределах города. Все официальные источники призывали забастовщиков не играть на руку контрреволюции. Лишения, голод, холод являются неизбежными следствиями «семилетней войны», из которой совсем недавно вышла страна, убеждало правительство. Так есть ли смысл терять так дорого доставшуюся победу в угоду

белогвардейцам и их сторонникам? В выигрыше от забастовок и манифестаций, объяснял Петроградский Совет, окажутся только польские помещики в Риге и английские капиталисты в Лондоне, то есть те, кто надеется потребовать большие уступки за столом переговоров. В том же духе было написано обращение красных курсантов к работникам и работницам Петрограда, опубликованное 25 февраля 1921 года. Оно начиналось с горького упрека в адрес той части пролетариев Трубочного завода, которые дали увлечь себя на демонстрацию и оказались вместе «с самыми злостными врагами рабочих и крестьян» [25 - Известия Петроградского Совета. 1921. 25 февраля.]. Курсанты подчеркивали свою кровную классовую связь с трудящимися. Они горячо опровергали провокационную клевету, будто им созданы какие-то особо благоприятные материальные условия. «Мы живем так же, как и вы. Мы питаемся так же, как и вы... Мы не выпустили вчера ни одного боевого патрона. Но мы говорим вам: отгоните от себя мерзавцев, подбивающих вас на выступление... Опомнитесь! Возьмите себя в руки, товарищи!» [26 - Петроградская правда. 1921. 26 февраля.]

В обращении Комитета обороны Петрограда – «Остерегайтесь шпионов! Смерть шпионам!», опубликованном в городских газетах 26 февраля, говорилось, что по улицам Петрограда расхаживают подозрительные личности и распространяют всяческие слухи. Среди этих личностей есть просто болтуны, досужие сплетники, но есть также и «определенные шпионы». Доподлинно известно, что Англия, Франция, Польша и др. имеют своих шпионов в Петрограде... Военный совет предлагает через комиссии по борьбе с контрреволюцией «немедленно принять меры к раскрытию всех шпионских организаций и аресту тех, кто распространяет злостные слухи, сеющие панику и смуту» [27 - Кронштадтский мятеж: Сб. статей, воспоминаний и документов / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 138.].

Самыми популярными эпитетами, которыми награждали предполагаемых нарушителей спокойствия, были «шкурники» и «корыстолюбцы». Вместо привычных слов «стачка», «забастовка», «бойкот» использовалось слово «волынка». Под это определение попали не только обычные забастовки, но и сидячие, и так называемые итальянские забастовки – снижение темпа работы. По мнению Федора Дана, власти предпочли использовать слово «волынка», только чтобы не признаться, что в знак протеста против политики «правительства рабочих и крестьян» забастовщики перешли к стачечной борьбе [28 - Дан Ф. Указ. соч. С. 105.].

В связи с усилением беспорядков Петроградский Совет принял решение обсудить сложившееся положение и выработать дальнейшую тактику; 26

февраля открылось расширенное заседание пленума Петроградского Совета. Зловещим предупреждением прозвучало выступление Н.Н. Кузьмина, начальника политотдела Балтийского флота, обратившего внимание на бунтарские настроения в матросской среде и предупредившего, что если не положить конец забастовкам в Петрограде, то может произойти взрыв. Член Петроградского комитета обороны М. Лашевич заявил, что в отношении забастовщиков следует принять самые строгие меры, только таким способом можно подавить растущие беспорядки. Он потребовал закрыть Трубочный завод и тем самым лишить главных подстрекателей, рабочих этого завода, продовольственного пайка. Предложение поддержали, выпустив соответствующий приказ. Закрыли и второй рассадник недовольства пролетариата, фабрику «Лаферм». Рабочим остальных предприятий Петербурга было приказано вернуться на рабочие места, в противном случае их ждала участь рабочих Трубочного завода и табачной фабрики.

Эта кое-как замаскированная попытка уморить голодом забастовщиков только усилила и без того напряженную ситуацию. В оставшиеся дни февраля забастовочное движение набирало темп; все больше фабрик и заводов останавливали работу; 28 февраля к забастовщикам примкнули рабочие Путиловского завода.

Приближалась четвертая годовщина Февральской революции. Тревожная атмосфера в Петрограде, как заметил Ф. Дан, очень напоминала атмосферу 1917 года перед свержением самодержавия.

В эти последние февральские дни серьезное беспокойство властей было связано с изменением характера требований, выдвигаемых рабочими. Поначалу на митингах, проходивших на фабриках и заводах, поднимались хорошо знакомые экономические проблемы: регулярность выдачи продовольственных пайков, выдача теплой одежды и обуви, прекращение деятельности заградотрядов, разрешение поездок в деревни за продовольствием и свобода торговли с крестьянами, отмена привилегий для определенных категорий работников и т. п. Теперь резко изменился тон выдвигаемых рабочими требований; в листовках приводились примеры умерших от холода или голода рабочих.

Но еще более тревожным с точки зрения властей был тот факт, что видное место в забастовочном движении стали занимать политические требования. Рабочие, среди прочего, хотели, чтобы с фабрик убрали не только специальные вооруженные отряды, выполнявшие полицейские функции, но и рабочие армии, которые недавно появились на крупных предприятиях Петрограда; рабочие требовали восстановить политические и гражданские свободы; причем если поначалу эти требования носили случайный характер,

то постепенно они становились все настойчивее.

Вполне понятно, что в такой критический момент политическая оппозиция не могла оставаться в стороне. Организации меньшевиков и эсеров, хотя аресты и преследования изрядно подкосили их, распространяли в городе прокламации. Например, 27 февраля на улицах появилась прокламация такого содержания.

Необходимы коренные изменения в политике правительства. Рабочие и крестьяне в первую очередь нуждаются в получении свобод. Они не хотят жить в соответствии с декретами большевиков. Они хотят сами управлять своей судьбой. Товарищи, сохраняйте революционный порядок.

Организованно и настойчиво требуйте: освободить всех арестованных социалистов и беспартийных; отменить военное положение; предоставить свободу слова, печати и собраний всем работающим; провести открытые выборы в заводские и фабричные комитеты, профсоюзы и Советы.

Созовите собрания, примите резолюции, направьте к властям делегатов, заставьте претворить в жизнь ваши требования [29 - Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 26.].

Прокламация не была подписана. Она носила агитационный характер, и, по собственному признанию Ф. Дана и его товарищей меньшевиков, они развернули активную деятельность к концу февраля. Петроградская меньшевистская организация напечатала много листовок и прокламаций, призывающих провести открытые выборы в Советы и профсоюзы, восстановить гражданские свободы, освободить социалистов и других политических заключенных из большевистских тюрем. Меньшевики обращались к правительству с требованием отменить реквизицию зерна, разрешить свободную торговлю между городом и деревней.

Эти требования меньшевики выдвигали еще в самом начале Гражданской войны, а на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года на их выполнении решительно настаивали Ф. Дан и Д. Даллин. По сути, меньшевики требовали выполнять существующую конституцию: все партии имели право на существование в советской системе, а пролетариат мог пользоваться свободами, отобранными у него большевистской диктатурой. В соответствии с ролью законной оппозиции, которую они играли с 1917 года, меньшевики избегали призывов к свержению правительства вооруженным путем. Они обращались к рабочим Петрограда, призывая их устраивать митинги, принимать резолюции, подавать петиции – короче, действовать законными методами, «организованно и решительно» оказывать давление на правительство в части принятия политических и экономических реформ. Однако их критика вызвала беспокойство и негодование правительства –

ведь они обвиняли большевиков ни много ни мало как в предательстве основных принципов революции. Кроме того, кто мог гарантировать, что рабочие, начав действовать, останутся на законных методах протеста, а не поднимут восстание?

В отличие от меньшевиков эсеры долго возлагали надежды на массовое восстание, чтобы отобрать власть у большевиков. Они стремились восстановить избираемое народом Учредительное собрание, в котором их партия получила большинство, но в январе 1918 года большевики распустили Учредительное собрание. В 1921 году две эти цели – свержение власти большевиков и возрождение Учредительного собрания – составляли основу программы эсеров. Листовки, появившиеся на стенах домов 28 февраля, подписанные «Группа рабочих-социалистов Невского района», по всей видимости, имели отношение к эсерам. В листовке говорилось: «Мы знаем, кто боится Учредительного собрания. Они больше не будут обкрадывать народ. Они будут держать ответ перед народными представителями за обман, грабежи, за все свои преступления... Долой ненавистных коммунистов! Долой советское правительство! Да здравствует народное Учредительное собрание!» [30 - Правда о Кронштадте. Прага, 1921. С. 6 – 7; Беркман А. Кронштадтский мятеж. Берлин, 1922. С. 7 – 8; Слепков А. Кронштадтский мятеж. М., 1928. С. 18.]

Эта листовка (и другие подобного рода) была во много раз бескомпромисснее, чем листовки меньшевиков. Фактически по тону и содержанию они были ближе к пропаганде, которую вели такие нелегальные организации, как Союз возрождения России, союз либералов и социалистов правого крыла, которые стремились положить конец правлению большевиков.

Во время февральских забастовок потоком хлынула антибольшевистская пропаганда, и невольно встал вопрос о руководстве движением. Кто, ломало голову правительство, выведет рабочих на улицы, меньшевики или эсеры? Совершенно ясно, что и те и другие старались поддержать забастовщиков. Особенно меньшевики, которые к 1921 году в основном вернули поддержку рабочего класса, утерянную во время революции 1917 года. Во время волнений в Петрограде меньшевики оказывали серьезное влияние на рабочих Трубочного завода и других бастующих предприятий.

На митингах рабочие одобрительно слушали выступления меньшевистских агитаторов, и листовки меньшевиков нетерпеливо передавались из рук в руки. Однако, несмотря на то что деятельность антибольшевистских группировок, несомненно, сыграла свою роль в разжигании страстей, нет никаких доказательств, что меньшевики или какие-то другие группировки

заранее планировали и организовывали выступления рабочих. Пролетариат Петербурга имел достаточно причин, чтобы открыто выступить против правительства. Февральские забастовки, в каком-то смысле незапланированные, но вполне мотивированные, были спонтанным выражением народного гнева.

После недельного смятения власти Петрограда все-таки смогли взять ситуацию под контроль. С помощью умелого сочетания силы и уступок Зиновьев с товарищами решил эту проблему. Их задача сильно осложнялась тем, что значительная часть гарнизона приняла участие в общих беспорядках, и нельзя было надеяться, что солдаты станут выполнять приказы правительства. Подразделения, не вызывавшие доверия, разоружили и заперли в казармах. Ходили слухи, что у солдат отобрали сапоги, чтобы они не могли выйти на улицы и смешаться с толпой.

Все надежды власти возлагали на красных курсантов, которые получили приказ патрулировать город. Кроме того, были мобилизованы все члены партии на случай, если понадобится наводить порядок.

Петроград превратился в военный лагерь. На каждом углу у прохожих проверяли документы. Закрылись театры и рестораны. Действовал комендантский час. На улицах то и дело звучали выстрелы. Напряжение росло. Взрыв антисемитских настроений, особенно среди индустриальных рабочих, произошел, по мнению Петроградского Совета, по вине белогвардейских агитаторов, которые распространяли литературу о преследовании евреев.

Возможно, эти обвинения в какой-то степени оправданны, хотя в самые тяжелые периоды антисемитизм всегда был реакцией русских рабочих и крестьян на происходящее. Как бы то ни было, но евреи, жившие в Петрограде, предчувствовали недоброе, и некоторые заранее покинули город. Если правительство не устоит и толпа ринется на улицу, рассуждали они, то погромов не избежать.

Помимо сосредоточения в городе военной силы, большевики пытались сломить сопротивление, не впуская большую массу рабочих на фабрики и заводы. В этом случае, как это было на Трубочном заводе и фабрике «Лаферм», рабочие теряли продовольственные пайки. Одновременно ЧК Петрограда занималась арестами, и в первую очередь тех, кто выступал на митингах, критикуя советский режим, и уличных демонстрантов. В последние февральские дни, по подсчетам Ф. Дана, за решеткой оказалось порядка 500 рабочих и представителей профсоюза.

При облавах были задержаны тысячи студентов, представителей интеллигенции, других жителей города, многие из которых входили в

оппозиционные партии и группы. Особенно пострадала меньшевистская организация. Фактически все активные члены меньшевистской организации, избежавшие к настоящему времени ареста, были отправлены в тюрьму. В конце февраля, после объединенной рабочей демонстрации, были арестованы Кажуков и Каменский. Несколько меньшевиков, включая Рожкова и Ф. Дана, лихорадочно печатали и распространяли прокламации и листовки; их арестовали спустя пару дней после ареста Каменского и Кажукова. По приблизительным оценкам, в первые три месяца 1921 года в России было арестовано 5 тысяч меньшевиков.

В эти же дни были арестованы несколько видных эсеров и анархистов, которые еще гуляли на свободе. В своих «Воспоминаниях революционера» Виктор Серж [31 - Виктор Серж – литературный псевдоним Виктора Львовича Кибальчича (1890 – 1947). (Примеч. пер.)] пишет, что ЧК собиралась расстрелять арестованных меньшевиков как основных подстрекателей рабочих к забастовкам, и только благодаря вмешательству Максима Горького они не были расстреляны.

Большевики с помощью пропаганды сделали последнее усилие, чтобы, не допустив кровопролития, заставить забастовщиков вернуться на рабочие места. Члены партии, в особенности те, кто пользовался уважением, вели агитацию на улицах, фабриках, заводах, в казармах. Честно говоря, их принимали не слишком сердечно. В отличие от большинства своих товарищей Михаил Калинин (возможно, причиной было его крестьянское происхождение) преуспел в агитационной деятельности, ему удавалось собирать слушателей на фабриках и заводах, на военных объектах, расположенных вокруг города. Большевистские агитаторы делали упор на то, что за забастовками и демонстрациями стоят белогвардейцы, меньшевики и эсеры, вынашивающие план свержения советской власти. Три года большевики обвиняли меньшевиков, эсеров и белогвардейцев в организации заговора, и, как пишет Эмма Гольдман, их обвинения уже набили оскомину, однако 28 февраля выступления агитаторов все-таки произвели определенный эффект, тем более что меньшевики и эсеры не предпринимали никаких попыток скрыть свою активную роль в беспорядках.

Порядок в Петрограде был восстановлен не только благодаря силе и пропаганде, но и ряду значительных уступок, сделанных властями с целью ослабления оппозиционного движения. В первую очередь были увеличены нормы пайков для солдат и рабочих; теперь они ежедневно получали банку мясных консервов и фунт с четвертью хлеба. «Этот паек пробил серьезную брешь в продовольственных запасах Петрограда», – заметил американский консул.

27 февраля Зиновьев объявил о ряде дополнительных уступок, сделанных под давлением требований рабочих. Горожанам разрешалось уезжать из Петрограда в поисках продовольствия. Зиновьев даже пообещал выделить дополнительные поезда, чтобы облегчить людям поездку в близлежащие деревни. Заградительные отряды получили приказ не трогать простых рабочих и ограничиться конфискацией продовольствия только у заведомых спекулянтов. Зиновьев объявил, что правительство закупило за границей около 18 миллионов пудов угля, который в скором времени прибудет в Россию. И, что самое главное, сказал Зиновьев, планируется заменить принудительную конфискацию зерна на налог в натуральной форме.

Другими словами, на смену военному коммунизму в конце концов пришла новая экономическая политика, которая, по крайней мере, должна была частично восстановить свободную торговлю между городом и деревней. Словно в подтверждение добрых намерений, 1 марта Петроградский совет труда и обороны объявил о снятии заградотрядов по всей территории губернии. В тот же день президиум Петроградского совета профсоюзов принял решение принципиальной важности: о демобилизации всех привлеченных по трудовой повинности. Демобилизованные получали расчет вперед за две недели и бесплатный проезд домой.

В результате после нескольких дней напряженного ожидания беспорядки прекратились. К 3 марта почти все бастующие предприятия приступили к работе. Уступки сделали свое дело больше, чем что-либо другое. Однако не следует думать, что использование армии, проведение массовых арестов, не говоря уже об активной пропаганде, не сказались на восстановлении порядка в Петрограде. Это были необходимые меры. В связи с этим нельзя не упомянуть о дисциплине, продемонстрированной членами Петроградской партийной организации. Забыв о внутренних разногласиях, большевики сомкнули ряды и смогли подавить волнения в Петрограде. Большевики, это относится в равной степени и к Зиновьеву, председателю Петроградского Совета, и к любому из его сподвижников, проявили полное единодушие. Пользуясь репутацией трусливого, подверженного панике человека, в критической ситуации Зиновьев продемонстрировал редкое присутствие духа.

Но надо понимать, что не удалось бы так быстро восстановить порядок в городе, если бы жители Петрограда не были настолько деморализованы. Рабочие были просто слишком измучены, чтобы долго удерживать политическую активность. Голод и холод довели многих до состояния равнодушия, граничащего с полной апатией. Но главное, у рабочих не было настоящих лидеров и последовательной программы действий. Раньше эту

роль выполняла радикальная интеллигенция, но в 1921 году, как отмечает Эмма Гольдман, интеллигенция Петрограда была не в состоянии оказать рабочим действенную поддержку, не говоря уже об активном руководстве. Однажды выступив в роли вдохновителя революционного протеста, теперь интеллигенция Петербурга чувствовала себя слишком усталой и затерроризированной, чтобы громко заявить о своем несогласии с политикой действующего режима. Большинство томилось в тюрьмах и ссылках, некоторые были уже расстреляны, а те, кто остались в живых, не хотели разделить судьбу товарищей, особенно когда преимущество было не на их стороне и когда при малейшем протесте их семьи могли лишиться пайка.

Кроме того, для многих представителей интеллигенции и рабочих большевики со всеми их ошибками были пока еще наиболее действенным препятствием на пути восстановления «белой» власти.

Вот причины, по которым забастовщикам в Петрограде был отпущен недолгий срок. Они прекратили бастовать так же внезапно, как начали свои выступления, так и не дойдя до вооруженного восстания против режима. Однако значение их выступления трудно переоценить; они подготовили почву для самого значительного восстания в советской истории.

На острове Котлин в Финском заливе, примерно в 26 километрах от Петербурга, находится город Кронштадт. Построенный в начале XVIII века, город перекрывал главный фарватер, ведущий к устью Невы, где строилась новая столица империи – знаменитое петровское «окно в Европу». Город, по замыслу Петра I, должен был стать не только преградой на пути вражеских кораблей, но и базой российского военного флота. Сам остров Котлин был известен с древних времен, когда устье Невы стало отправной точкой водного торгового пути, известного под названием «из варяг в греки», по которому в IX – XII веках шла торговля Руси и Северной Европы с Византией: от Балтийского моря по реке Неве, Ладожскому озеру, реке Волхову, озеру Ильмень, реке Ловать, а затем волоком до реки Западная Двина, волоком до реки Днепр и далее в Черное море.

В наши дни экскурсанты, приехавшие полюбоваться загородной резиденцией Петра I в Петергофе, могут с берега Финского залива увидеть очертания Котлина, охранявшего морские рубежи царской столицы. Котлин – узкая полоска земли длиной около 12 километров, максимальная ширина менее 3 километров, в форме неправильного треугольника. К началу XX века неприятеля встречали мощные крепости и форты, построенные и постоянно модернизируемые с учетом последних достижений военной науки, 17 искусственных островов с укреплениями, а также батареи на северном и южном берегах Финского залива.

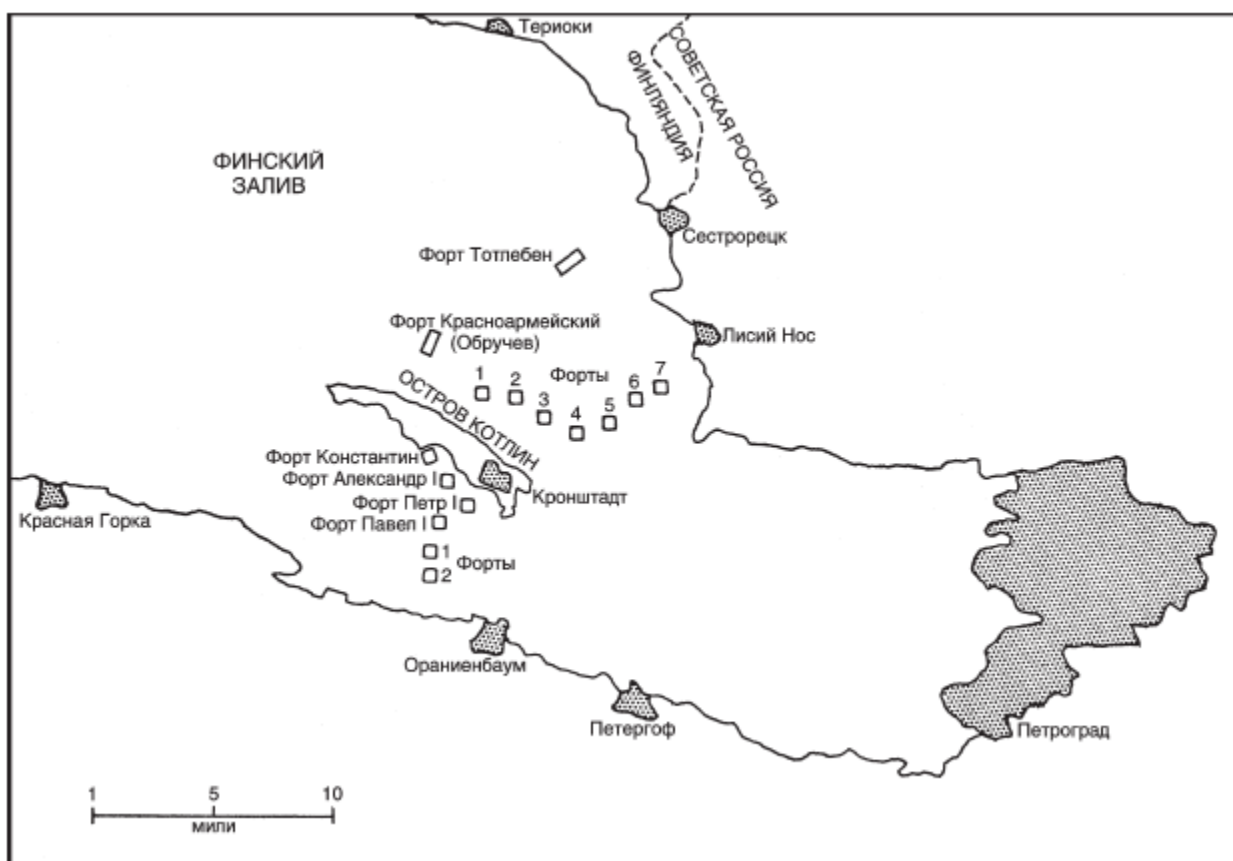
Город Кронштадт занимает восточную часть острова, обращенную к Петрограду. С южной стороны находятся гавани и сухие доки для кораблей Балтийского флота. Финский залив скован льдом с конца ноября по апрель. В летние месяцы перед Первой мировой войной между Петербургом и Кронштадтом регулярно курсировали прогулочные пароходы. Чтобы добраться из Петербурга в Кронштадт зимой, надо было доехать на поезде до Ораниенбаума (город и военная база на материке в 5 милях к югу от острова Котлин), а оттуда на санях по льду Финского залива. В начале XX века Кронштадт, по свидетельствам очевидцев, был невероятно живописным городом: многочисленные каналы, окаймленные деревьями, по-столичному широкие улицы, величественные здания, большие площади. Петр I считал Кронштадт частью столицы; здесь работали лучшие архитекторы. Среди основных достопримечательностей великолепный собор Святого апостола Андрея Первозванного с золотым куполом, здания Арсенала и Адмиралтейства, Морского инженерного училища.

В центре города, на огромной Якорной площади, расположен Морской собор, построенный в конце XIX века. Свое название площадь получила в середине XVIII века, когда на ней были построены магазины – склады для хранения якорей и якорных цепей.

Вмещающая более 25 тысяч человек площадь использовалась для военных парадов. В 1905 и 1906 годах во время кронштадтских восстаний площадь была местом проведения массовых митингов. В дни Февральской революции на митинге, проходившем на Якорной площади, в марте 1917 года рабочие, матросы и солдаты Кронштадта образовали первый орган революционной власти – Временный кронштадтский комитет движения. В мае 1917 года участники митинга на Якорной площади приняли резолюцию в поддержку постановления Кронштадтского Совета о неподчинении приказам Временного правительства. С Якорной площади отряды кронштадтцев отправлялись в Петроград для участия в апрельской, июньской и июльской демонстрациях 1917 года, на подавление Корниловского мятежа, для участия в Октябрьском вооруженном восстании, на фронты Гражданской войны.

В 1921 году Кронштадт являлся главной морской базой Балтийского флота. Население города насчитывало порядка 50 тысяч человек; примерно половину из них составляли военные. В свою очередь, военные делились на матросов, составлявших большинство, и солдат гарнизона, в основном артиллеристов, обслуживавших главный бастион, форты и огневые позиции. Многие гражданские лица работали в крепости и на военно-морской базе, на верфях, складах, в береговых службах. Остальные в основном были фабричными рабочими, ремесленниками, рыбаками, мелкими торговцами,

служащими государственных учреждений.

Балтийские моряки оправдывали название острова Котлин – котел, на котором расположен Кронштадт, – они постоянно кипели от возмущения [32 - В 1703 году при появлении на острове Петра I и его солдат шведы настолько быстро бежали с острова, что после них остались котлы с кашей, поэтому остров и назвали Котлин. (Примеч. пер.)].

Беспокойные, независимые, ненавидевшие власти, матросы, казалось, были готовы в любой момент взорваться и перейти в открытое наступление против своих офицеров и советского правительства, по их мнению враждебного, использующего принудительные методы. По темпераменту они напоминали отчаянных флибустьеров прошлого, казаков и стрельцов XVI – XVIII веков, чьи гарнизоны были очагами бунтов, стихийных восстаний. Как их предшественники, балтийцы были морской вольницей, людьми необузданных страстей, инстинктивно сопротивлявшимися навязываемой извне дисциплине, и жаждали свободы и приключений. Под влиянием слухов или винных паров они, как и их предшественники, были готовы переступить дозволенные границы и выплеснуть ярость на богатых и облеченных властью людей.

История Кронштадта – это история изменчивого радикализма, уходящего в прошлое, к первому крупному перевороту в России в XX веке, революции

1905 года. Нелегальная литература впервые появилась на морской базе в 1901 году. Вскоре матросы организовали кружки для обсуждения политических и социальных вопросов. Они высказывали накопившиеся обиды: низкая заработная плата, некачественная пища, жесткая дисциплина. Волна забастовок, крестьянских восстаний, терроризм, охватившие страну в период с 1902 по 1905 год, задели чувствительные струны. Неподчинение офицерам, другие нарушения дисциплины стали обычным явлением. В 1905 году, после начала войны и революции, несмотря на сохранявшуюся видимость боевого духа, им был нанесен сокрушительный удар в Цусимском сражении, во время которого японцы уничтожили большую часть русского флота. Стимулом для дальнейшей революционной активности стал мятеж на броненосце «Князь Потемкин Таврический» в июне 1905 года.

Первые серьезные волнения произошли в Кронштадте в октябре 1905 года, в разгар революции. Эти волнения стали прообразом будущих выступлений моряков Кронштадта. Все началось с массового митинга на Якорной площади. Тысячи возбужденных матросов и солдат шумно выражали недовольство. Наряду с уже знакомыми требованиями о повышении заработной платы, улучшении качества пищи, выдачи одежды, смягчении жесткой дисциплины звучали призывы к свержению самодержавия и провозглашению демократической республики с предоставлением всему народу гражданских свобод. События развивались с головокружительной скоростью. Беспорядки начались 25 октября, после того как кто-то из матросов пожаловался на качество пищи. Крики «Бей командира!» заглушили топот ног и стук подносов.

На следующий день в Кронштадте вспыхнуло восстание. Поначалу стихийное, восстание мгновенно обернулось разгулом грабежей и насилия, удивительно напоминая бунт стрельцов во времена Петра Великого. Толпы обезумевших матросов и солдат мчались по улицам, разбивая витрины, поджигая дома. На улицах выросли баррикады: восставшие заняли несколько зданий в ожидании прибытия карательных отрядов из Петербурга. Порядок удалось восстановить через два дня: 17 человек были убиты, 82 ранены, почти 3 тысячи мятежников арестованы. Военно-полевой суд вынес суровые наказания в виде длительных тюремных заключений и ссылки, однако ни одного человека не приговорили к смертной казни.

19 июля 1906 года в Кронштадте произошел второй, более серьезный, чем в 1905 году, взрыв, спровоцированный Свеаборгским восстанием. Подобно своему октябрьскому предшественнику, новый взрыв был стихийным и дезорганизованным. Беспорядки продолжались в течение двух дней, пока правительству не удалось наконец навести порядок. К требованиям

мятежников, по сути тем же, что и в 1905 году, добавилось горькое разочарование, накопившееся за месяцы, прошедшие с первого восстания. Движущей силой по-прежнему была ненависть к властям и офицерам и жесткая дисциплина на флоте. «Вы уже достаточно попили нашей крови!» – выкрикнул один из матросов в лицо офицеру. Этот крик выражал общие чувства мятежных матросов [33 - Кронштадтское восстание 1906 года // Красный архив. 1936. № 4. С. 103.].

Стороны сражались с небывалой жестокостью; мятежниками руководили гнев и обиды, властями – уверенность в скорой победе, поскольку волна революционных выступлений пошла на убыль. Наступило время жестоких репрессий. На этот раз казнили 36 зачинщиков и сотни восставших были заключены в тюрьмы или высланы в Сибирь.

Мне казалось важным остановиться на двух первых случаях стихийных восстаний в Кронштадте, поскольку теперь мы ясно осознаем, по каким причинам они являлись предвестниками бурных событий марта 1921 года. В 1917 году Кронштадт опять стал центром революционной деятельности. Под влиянием крайне левых, которые на протяжении года оказывали идеологическое влияние на необузданное население острова Котлин, Кронштадт считал себя революционной коммуной по примеру Парижской коммуны 1871 года; факт, сохранившийся в истории восстаний, в рассказах и легендах. В мае 1917 года Кронштадтский Совет под руководством большевиков, анархистов, левых эсеров и радикалов анархо-народнического направления отказался подчиняться Временному правительству и объявил себя «единственной властью в городе» [34 - Браудер Р., Керенский А.Ф. Российское Временное правительство, 1917: В 3 т. Стэнфорд, 1961. Т. 3. С. 1296 – 1299.].

Ежедневно на Якорной площади митингующие выражали поддержку Совету, захватившему политическую власть. Якорная площадь, по высказыванию Ефима Ярчука, анархиста, члена Кронштадтского Совета, стала «свободным университетом», в котором перед огромными толпами матросов, солдат и рабочих выступали революционные ораторы разных политических движений. Местный лидер большевиков, Иван Флеровский, назвал Якорную площадь «кронштадтским вече».

Жителей Кронштадта, похоже, вполне удовлетворяла деятельность местного Совета, и они не стремились создавать национальный парламент или какой-либо центральный правящий орган. Социальные и экономические проблемы главным образом решались самими жителями Кронштадта через местные комитеты: домовые, судовые, продовольственные, фабричные и

заводские. Создание народной милиции было связано с необходимостью защищать город от любых внешних посягательств на его суверенитет. Жители Кронштадта продемонстрировали настоящий талант к самоорганизации. Мужчины и женщины, работавшие на одном предприятии или жившие по соседству, создавали небольшие сельскохозяйственные коммуны (в коммуны входило порядка 50 человек) и занимались обработкой свободных участков земли. Во время Гражданской войны, пишет Ярчук, эти коллективные огороды помогли спасти город от голода.

Оберегая автономию, жители Кронштадта горячо поддерживали лозунг «Вся власть Советам!», провозглашенный Лениным и его партией в 1917 году. Они восприняли этот лозунг буквально, считая, что каждый город будет сам вести свои дела с незначительным вмешательством центральной власти или вообще без него. Так, пишет Ярчук, они понимали истинную сущность социализма.

Они рассматривали свою революционную коммуну в качестве модели децентрализованного самоуправления и были уверены, что страна последует их примеру. «При всех их революционных достоинствах, – отмечает Иван Флеровский, – у моряков Кронштадта был один серьезный недостаток: они наивно полагали, что одного их энтузиазма будет достаточно, чтобы установить власть Советов на всей территории России» [35 - Флеровский И.П. Июльский политический урок // Пролетарская революция. 1926. № 7. С. 58 – 59.].

Однако их надеждам было не суждено сбыться. В последующие годы большевистской диктатуры либертарианскую [36 - До середины XX века термин «либертарианство» обозначал сторонников философской доктрины «свободы воли», противостоящей детерминизму; а также использовался для обозначения французских анархистов после государственного запрета на анархизм. Первым в современном значении термин употребил американец Леонард Рид, основатель Фонда экономического образования, вслед за которым многие сторонники личной и экономической свободы стали называть себя либертарианцами, чтобы отличать себя от «либералов», под которыми в США и некоторых других странах начиная с XX века понимают социал-демократов – сторонников личной свободы и государственного перераспределения ресурсов. (Примеч. пер.)] коммуну 1917 года отнесли к разряду революционной утопии.

Восстание 1921 года стало последним усилием жителей Кронштадта в попытке вернуть золотой век стихийности; их лозунгом был ленинский «Вся власть Советам!».

Во время революции 1917 года Балтийский флот находился в состоянии

брожения, прерываемом беспорядками, направленными против политической и военной власти. Как и в 1905 году, матросы срывали накопившуюся ярость на офицерах, которых ассоциировали с произволом и привилегиями властей. Жители Кронштадта более всего стремились избавиться себя от жесткой дисциплины, каторжной работы; не даром остров Котлин заслужил репутацию «матросского Сахалина» [37 - Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1925. С. 29 – 32.].

Итак, когда началась Февральская революция, они воспользовались возможностью вырваться из оков распределительной системы и свести счеты с ненавистными офицерами. 28 февраля разъяренные матросы вытащили из квартиры, приволокли на Якорную площадь и без долгих рассуждений казнили адмирала Р.Н. Вирена [38 - Вирен Роберт Николаевич с 16 февраля 1909 года был главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта; стремился к поддержанию строгого порядка и дисциплины, улучшил подготовку специалистов флота. Заколот штыками на Якорной площади Кронштадта утром 1 марта 1917 года. (Примеч. пер.)], командира военно-морской базы.

Убийство Вирена послужило сигналом к началу кровавой оргии, в результате которой было убито свыше 40 морских и армейских офицеров. Около 200 офицеров были арестованы и посажены за решетку. Во время февральских беспорядков волна насилия прокатилась по всему комплексу балтийских баз. В общей сложности от рук собственных матросов погибли 76 морских офицеров, в том числе контр-адмирал А.Г. Бутаков, сын знаменитого адмирала Г.И. Бутакова, командир военно-морской базы Свеаборга, и вице-адмирал А.И. Непенин, командующий Балтийским флотом, не говоря уже об офицерах армейских гарнизонов.

Жажда мести была только одним из аспектов революционного экстремизма, которому позволила вырваться на волю Февральская революция. Большевики, анархисты, эсеры-максималисты [39 - Эсеры – максималисты – левая группа эсеровского движения, отколовшаяся от партии социалистов-революционеров в конце 1904 года, стояла на позиции широкого применения террористических методов борьбы. (Примеч. пер.)] делали все возможное для подстрекательства населения Кронштадта к враждебным действиям.

Вскоре они появились в городе с намерением усилить влияние на матросов и остальных жителей Кронштадта. Их основной целью были не офицеры, а Временное правительство. В последующие месяцы они могли рассчитывать, что матросы поддержат любые революционные выступления, направленные против режима. Жители Кронштадта активно участвовали в уличных

демонстрациях в апреле 1917 года, а в июне они приехали оказать поддержку группе анархистов, забаррикадировавшихся в ожидании наступления правительственных отрядов. Затем, в грозные июльские дни, матросы, узнав о начавшихся волнениях, тут же примчались в Петроград и сыграли главную роль в неудавшемся восстании; тогда Троцкий впервые назвал матросов «красой и гордостью» революции (группа матросов захватила эсера Виктора Чернова, министра земледелия, и только благодаря вмешательству Троцкого Чернову удалось избежать расправы).

В конце августа, во время наступления войск генерала Корнилова на Петроград, матросы сплотились для защиты революции. Команда линейного корабля «Петропавловск», проявлявшая наибольшую активность во время июльских событий, опять была призвана в Петроград и потребовала ареста и расстрела Корнилова. Четырех офицеров, выразивших протест, расстреляли.

В последующие недели матросы, оправдывая репутацию непримиримых революционеров, упорно требовали свержения Временного правительства. Момент истины настал 25 октября, когда Ленин предпринял удачную попытку по захвату власти. Моряки немедленно отплыли в Петроград на помощь восставшим. Вместе с солдатами они участвовали в штурме Зимнего дворца. После участия в октябрьских событиях за моряками Кронштадта закрепилось определение, данное им Троцким во время июльских событий: «краса и гордость революции» .

Но даже после смещения Керенского у кронштадтских моряков не убавилось революционной воинственности. Победа еще больше обострила жажду мести в отношении тех, у кого они отобрали власть. Взрывы их негодования приводили к трагическим результатам. В Петрограде в ночь с 6 на 7 января 1918 года несколько переполненных жаждой мести матросов ворвались в Мариинскую больницу, где в это время находились бывшие министры Временного правительства А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин (после ареста в ноябре 1917 года они содержались в Петропавловской крепости, а 6 января 1918 года были переведены в Мариинскую больницу), и убили обоих. По распоряжению Ленина И.З. Штейнберг, народный комиссар юстиции, начал расследование, но Ленин быстро пересмотрел решение, поскольку оно могло привести к конфронтации с балтийцами. В действительности именно из-за жестокости моряков Ленин хотел иметь их на своей стороне. Он, безусловно, даже не рассматривал их в качестве своего рода преторианской гвардии [40 - Преторианская гвардия – телохранители императоров Римской империи; преторианцы были одними из самых умелых и прославленных воителей Древнего мира. (Примеч. пер.)], готовой по первому зову взяться за оружие во имя общего дела.

В ночь перед убийством Шингарева и Кокошкина Ленин отправил отряд кронштадтских моряков во главе с молодым, известным своей жестокостью анархистом Анатолием Железняковым (матрос Железняк) на разгон Учредительного собрания, в котором большевики не смогли получить большинства.

У моряков были и собственные причины стремиться к роспуску собрания. Как мы уже знаем, они не видели особой пользы в централизованной политической организации, особенно если эта партия была, по их мнению, излишне консервативна. Они считали, что путь к демократии лежит через местные Советы. Учредительное собрание в таком случае было шагом назад, возвратом к «буржуазному» обществу в лице Временного правительства, которое они всеми силами старались уничтожить.

Во время Гражданской войны моряки Кронштадта и Балтийский флот в целом являлись вдохновителями революционной воинственности. Более 40 тысяч матросов бросились на борьбу с белыми.

Известные своей храбростью и жестокостью в бою, моряки входили в состав команд речной флотилии, бронепоездов и пополняли ряды краноармейцев. В боях за Свияжск ударные части моряков помогли развернуть большую неприятельскую армию, угрожавшую проникнуть в глубь большевистской территории.

Тем не менее между моряками и правительством наметились серьезные разногласия. Когда после октябрьского переворота Ленин объявил состав нового кабинета, состоявшего исключительно из большевиков, послышался недовольный ропот. Кронштадтский Совет упорно настаивал на создании коалиционного правительства, в которое должны входить представители всех социалистических направлений. Матросы были обеспокоены возможностью установления нового диктаторского режима; волнение нарастало. Если Совет народных комиссаров посмел предать идеалы революции, то пушки, смотревшие на Зимний дворец во время его штурма, легко можно повернуть в сторону Смольного – штаба новой власти.

Ленин, очевидно, не обратил внимания на эти враждебные чувства. В ноябре 1917 года, когда несколько его соратников потребовали включить в состав правительства других социалистов, он пригрозил, что «пойдет к матросам» [41 - Шапиро А. Начало коммунистического самодержавия. С. 74.].

В начале 1918 года недовольство против произвола и бюрократизма коммунистического режима носило уже массовый характер. В марте, после роспуска Центрального комитета Балтийского флота (Центробалт) [42 - Центральный комитет Балтийского флота – высший выборный орган Советов

на Балтийском флоте, образованный в апреле 1917 года в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки, Финляндия). Председатель П.Е. Дыбенко проводил большевистскую политику на флоте, поддержал октябрьский переворот в Петрограде. Центробалт распущен в марте 1918 года. (Примеч. пер.)] и передачи его полномочий Совету комиссаров Балтийского флота, положение резко ухудшилось.

Большинство матросов сочли этот шаг предательством революции, и их убежденность в этом только окрепла после заключения в том же месяце Брестского мира. Балтийцев поддерживали левые коммунисты, анархисты и левые эсеры, выступившие против позорного договора, считая его уступкой немецкому империализму и отступлением от задач мировой революции. В апреле команды нескольких судов Балтийского флота приняли резолюцию, обвинявшую правительство в намерении уничтожить Балтийский флот в соответствии с требованиями Германии. В резолюции прозвучал призыв к всеобщему восстанию. Моряки призывали сместить большевиков и установить новый режим, который бы твердо придерживался революционных принципов. У них ничего не получилось, но многие матросы присоединились к восстанию левых эсеров в Москве в июле 1918 года, ворвались в здание ВЧК и арестовали М.И. Лациса, видного чекиста, назначенного временным председателем ВЧК (после ареста Ф.Э. Дзержинского).

Мятеж был подавлен, но в октябре 1918 года опять начались волнения. В Петрограде на военно-морской базе состоялся массовый митинг, который принял резолюцию с требованием немедленного расторжения Брестского мирного договора и призывом оказать сопротивление немецким войскам, оккупировавшим Украину.

Затем митингующие перешли к вопросу монополизации большевиками политической власти. Они призвали провести открытые выборы в Советы, в которых должно быть представлено все разнообразие партий левого крыла. И наконец, они осудили политику правительства в отношении принудительной конфискации зерна, назвав членов продотрядов «ворами», обкрадывающими крестьян [43 - Флеровский И. Мятеж мобилизованных матросов в Петрограде 14 октября 1918 г. // Пролетарская революция. 1926. № 8. С. 218 – 237.].

Октябрьский бунт 1918 года ничего не дал; войска разогнали митингующих и быстро навели порядок. Но лозунги мятежников удивительным образом предвосхитили программные лозунги восставших кронштадтцев в 1921 году, вплоть до лозунга «Советы без коммунистов!». Стоит проследить поведение балтийцев с 1905 по 1921 год, как становится понятным, что имел в виду бывший матрос Балтийского флота, а затем советский военный и

государственный деятель Павел Дыбенко, когда упомянул о «вечно мятежном» духе матросов [44 - Дыбенко П.Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1928. С. 69.].

На протяжении всех этих лет сохранялись неистребимая ненависть ко всякого рода привилегиям и властям, те же мечты об автономии и самоуправлении и, помимо этого, враждебное отношение к центральному правительству и должностным лицам. Эту ненависть питали анархистские и народнические традиции низших классов, появившиеся в XVII – XVIII веках в связи с возникновением сильного бюрократического государства. В силу оторванности от материка Кронштадт стал главной цитаделью анархического восстания. Кронштадтские матросы, известные своей революционной горячностью и независимым духом, не терпели деспотизм и принуждение, из каких бы источников они ни исходили. Их лозунгами были стихийность и децентрализация. Свои надежды они связывали с местными Советами, по-настоящему народной демократической моделью управления после древнерусского вече и казачьего круга. Матросы всегда были склонны к неожиданным проявлениям насилия в отношении властей, офицеров, бюрократов, людей, обладающих привилегиями. В марте 1921 года все эти побудительные мотивы нашли выход в мощном выступлении против существующего режима.

В ходе разрастания Гражданской войны накапливалось раздражение. Основное недовольство, как и раньше, вызывала жесткая дисциплина на флоте. Революция 1917 года привела к полнейшей дезорганизации армии и флота – распалась традиционная иерархическая система. Пустоту заполнили бесчисленные солдатские и матросские комитеты, избравшие собственных руководителей и отказывавшиеся выполнять приказы, поступавшие сверху. Похожее положение сложилось в промышленности: местные фабричные и заводские комитеты устанавливали «рабочий контроль» над производством. В первые месяцы после Октябрьской революции большевики поддерживали этот стихийный процесс децентрализации. В соответствии с декретом правительства отменили все традиционные военные звания и было объявлено, что в основу создания новой, «социалистической» армии заложен принцип выборности офицеров, дисциплина должна базироваться не на страхе и принуждении, а на сознательном исполнении каждым своего служебного долга и на взаимоуважении.

На деле это привело к окончательному развалу армии и флота. Солдаты и матросы, выйдя из-под контроля, грабили, убивали, насиловали.

Стоило в 1918 году вспыхнуть Гражданской войне, как большевики круто изменили политику. Срочно потребовалось положить конец хаотической

децентрализации власти и восстановить дисциплину в Красной армии. Военный комиссар Л. Троцкий был главным противником «партизанщины» в Красной армии. В декабре 1919 года он издал приказ «О мерах по борьбе с партизанщиной в Красной Армии», по которому запрещалось принимать в действующие части членов партизанских отрядов. Повстанческие отряды рассматривались только как «материал для переработки», из которого «изымались неугодные» и «командный состав обновлялся». Тысячи бывших царских офицеров были возвращены в армию в качестве «военных специалистов» (военспецов), служивших под пристальным наблюдением политкомиссаров. Благодаря этому новый корпус красных командиров мог перенимать крайне необходимый военный опыт и технические знания, и никаких солдатских комитетов; неукоснительное исполнение приказов, любое нарушение дисциплины немедленно приводило к соответствующему наказанию.

Затем правительство решило применить подобные меры на флоте, но здесь оно столкнулось с серьезным сопротивлением. Как пишет П. Дыбенко, усилия большевиков по ликвидации комитетов и назначению комиссаров на командные посты вызвали бурю протеста на Балтийском флоте [45 - Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 199.].

Для матросов, чье отвращение к властям вошло в поговорку, любая попытка восстановить дисциплину означала посягательство на свободу, за которую они сражались в 1917 году. Они считали, что только свобода действий, проявление личной инициативы дадут возможность достигнуть наилучшего результата, а их заставляли вернуться к авторитарной системе. В результате постоянно возникали разногласия между рядовым составом и большевистскими комиссарами и командирами, стычки между чекистами и красноармейцами, сражавшимися бок о бок на фронтах Гражданской войны.

После ее окончания положение, казалось бы, должно было улучшиться, а оно резко ухудшилось. Жесткая политика правительства потеряла разумное основание. Как крестьяне не видели никакой необходимости в конфискации их продукции и запрещении свободной торговли, как рабочие были недовольны поглощением их профсоюза государством и восстановлением трудовой дисциплины, единоначалием и появлением «буржуазных» специалистов, так и матросы и солдаты требовали восстановления демократических принципов в армии и на флоте. Балтийский флот бурно отреагировал на ужесточение дисциплины, отмену комитетов и назначение комиссаров и военспецов на командные посты. Недовольство принимало угрожающие размеры. Следует добавить, что появилось еще несколько факторов, донельзя накаливших обстановку не только на флоте, но и в армии.

После войны солдаты и матросы впервые за многие месяцы получили отпуск и, приехав в родные места, не понаслышке, а лично столкнулись с проводимой правительством политикой принудительной конфискации зерна. В городах они видели, до какой степени нищеты довела людей война. Они выслушивали жалобы отцов и братьев, которые совпадали с их собственными обидами на власти. «Большевистская цензура скрывала от нас многое, что происходило у нас дома, пока мы были на фронте и в море. Когда мы вернулись домой, наши родители спросили нас, почему мы воевали за угнетателей. Это заставило нас задуматься», – отмечал лидер Кронштадтского восстания Степан Петриченко [46 - Нью-Йорк таймс. 1921. 31 марта.].

Легко представить, до какой степени люди, подобные Петриченко, возвращаясь из отпуска, разжигали страсти среди своих товарищей. Не менее сильное воздействие на моральный дух матросов оказали предпринятые правительством шаги по сокращению отпусков. В декабре 1920 года это решение вызвало резкий протест со стороны матросов линейного корабля «Севастополь» – одного из двух дредноутов, сыгравших главную роль в событиях февраля – марта 1921 года. Зимой 1920/1921 года резко умножились случаи дезертирства балтийских матросов. В начале 1921 года флот уже не являлся единой военной силой – он разваливался на части.

Еще одна весьма серьезная проблема возникала в связи с надвигающимся продовольственным и топливным кризисом на флоте. Моряки не многим меньше страдали от голода и холода, чем гражданское население. Зима в тот год на Балтике была непривычно суровой и длилась с ноября по апрель. От холода в казармах и на борту кораблей жизнь стала попросту невыносимой, если еще учесть, что у матросов не было зимнего обмундирования, а продовольственный паек становился все меньше и меньше.

Во время прежних беспорядков матросы традиционно выказывали недовольство качеством питания. Теперь, к концу 1920 года, на Балтийском флоте вспыхнула цинга. В декабре, согласно эмигрантским источникам в Гельсингфорсе, кронштадтские моряки направили делегатов в Москву с просьбой улучшить качество пайка. По прибытии в Москву моряки были арестованы. Федор Федорович Раскольников [47 - Раскольников Федор Федорович (настоящая фамилия Ильин) – российский политический деятель, дипломат, литератор. С 1918 года заместитель наркома по морским делам, член реввоенсовета Восточного фронта, член РВСР. В 1919 – 1920 годах командовал Волжско-Каспийской военной флотилией; в 1920 – 1921 годах командовал Балтийским флотом; в 1921 – 1923 годах полпред в Афганистане; в 1930 – 1938 годах – полпред в Эстонии, Дании, Болгарии; в 1938 году был

отозван. Остался за рубежом. Выступил с обвинением И. В. Сталина в массовых репрессиях. Заочно объявлен «врагом народа». Реабилитирован посмертно. (Примеч. пер.)], командующий Балтийским флотом, предупредил власти, что, если делегаты не будут немедленно освобождены, Кронштадт может повернуть пушки в сторону Петрограда. Однако его пророческие слова остались без внимания [48 - Общее дело. 1921. 2 января.].

Даже матросы, являвшиеся членами коммунистической партии, не остались в стороне. Разделяя независимые взгляды товарищей, они никогда не были приверженцами жесткой дисциплины на флоте. К концу 1920 года «флотская оппозиция» приобрела конкретные очертания и, как и «воинская оппозиция» в Красной армии и «рабочая оппозиция» в промышленности, выступала против жесткого контроля со стороны центральных органов, за местную инициативу и партийную демократию. Отстаивая выборные судовые комитеты, матросы с одинаковым пренебрежением относились как к «военным специалистам», так и к «диктаторству» некоторых большевистских представителей в политическом командовании флота.

Еще более тревожным был тот факт, что росло число моряков, решившихся на смелый шаг – разорвать свои партийные билеты. В январе 1921 года порядка 5 тысяч балтийских моряков вышли из коммунистической партии. В период с августа 1920 года по март 1921 года Кронштадтская партийная организация потеряла половину своих членов.

Партийные чиновники обвиняли в массовом выходе из партии ненадежные элементы, которые наводнили ее ряды во время Гражданской войны, когда процедура приема была упрощена. В значительной степени именно новички, согласно источникам, и были этими отступниками. В качестве предупредительной меры была проведена чистка в рядах партии. Сотни моряков были лишены партбилетов; некоторых перевели на Черноморский и Каспийский флот, некоторых отправили служить на Дальний Восток.

Борьба за политическое управление флотом между Троцким и Зиновьевым тоже подрывала авторитет партии. Зиновьев не мог простить Троцкому, что с октября 1917 года тот занял положение ближайшего соратника Ленина. В последние месяцы 1920 года, по свидетельству командующего Балтийским флотом Ф.Ф. Раскольников и начальника политуправления Балтийского флота (Побалт) Э.И. Батиса, разделявших позицию Троцкого, Зиновьев пытался дискредитировать конкурента, выставив его «диктатором», а себя поборником партийной демократии и местной инициативы. В ноябре 1920 года под давлением Зиновьева Петроградский комитет партии потребовал передать ему полномочия начальника Побалта. Сторонники Троцкого

категорически отвергли это требование.

В процессе этих споров комиссары и другие партийные чиновники теряли авторитет в глазах рядовых членов партии. В начале декабря большая группа матросов демонстративно ушла с митинга на военно-морской базе в Петрограде в знак протеста против поведения делегатов, избранных на VIII съезд Советов (как выяснилось, влияние на избранных делегатов оказывали партийные чиновники из местного политотдела флота). Напряжение продолжало нарастать и достигло апогея на II партийной конференции моряков-балтийцев, открывшейся 15 февраля в Петрограде. Доклад Э.И. Батиса о работе Побалта и деятельность этого органа подверглись суровой критике. В принятом на конференции решении говорилось о том, что Побалт оторвался не только от масс, но и от активных партийных работников и превратился в бюрократический, не пользующийся доверием орган. Он уничтожил всякую инициативу на местах, низвел всю работу до канцелярской переписки, что «крайне тяжело отразилось на деле организации масс на флоте» [49 - Пухов А.С. Кронштадтский мятеж. С. 50 – 52.]. Некоторые делегаты вышли с предложением об отмене политотдела флота; вскоре это требование повторят кронштадтские мятежники. Один из партийных чиновников заметил, что если срочно не провести необходимые реформы, то «через два-три месяца мы получим восстание» [50 - Там же.].

Таким образом, к середине февраля 1921 года положение на Балтийском флоте можно смело охарактеризовать как взрывоопасное. Месяцем раньше по Петрограду прокатилась волна забастовок. Известия о беспорядках тут же достигли Кронштадта, который с 1905 года следовал традиции революционной солидарности с рабочим классом «красного Питера». Массы самых противоречивых, невероятных слухов, первыми долетевших до Кронштадта, произвели на моряков эффект взорвавшейся бомбы. Например, прошел слух, что правительственные войска расстреляли демонстрантов на Васильевском острове, а инициаторов забастовки – в подвалах ЧК.

Слухи, вселяя в комиссаров небезосновательную тревогу, распространялись с быстротой молнии, и Кузьмин решил предупредить Петроградский Совет, что, если не удастся в короткие сроки подавить восстание в Петрограде, неминуемо произойдет взрыв в Кронштадте. Но Кузьмин опоздал со своим предупреждением: 26 февраля команды линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» провели экстренное совещание и решили направить в Петроград делегацию, с тем чтобы выяснить подробности забастовки. Оба корабля стояли бок о бок в закованной льдом гавани Кронштадта и уже давно стали источником бунтарских мыслей и действий. Как мы помним, в июльские дни 1917 года «Петропавловск»

проявил наибольшую активность; в августе четыре офицера этого линейного корабля были расстреляны якобы за поддержку генерала Корнилова. «Вечно бурным «Петропавловском» назвал корабль в своих воспоминаниях Павел Дыбенко, бывший его матрос, и в его словах нет преувеличения [51 - Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 159.].

«Севастополь» тоже имел репутацию «беспокойного» корабля: совсем недавно его команда устроила бунт из-за сокращения срока отпусков на флоте.

По прибытии в Петроград кронштадтская делегация моряков увидела фабрики, окруженные красноармейцами и красными курсантами. «Можно было подумать, – пишет С.М. Петриченко, лидер восстания, – что это не фабрики, а трудовые тюрьмы царских времен» [52 - Петриченко СМ. Правда о кронштадтских событиях. 1921. С. 6; Он же. О причинах Кронштадтского восстания // Знамя борьбы. Декабрь 1925 – январь 1926. С. 6 – 7.].

Матросы, отправленные на разведку в Петроград, вернулись 28 февраля в Кронштадт и доложили о результатах поездки на историческом собрании команды линкора «Петропавловск».

Требования питерских забастовщиков, конечно, вызвали горячее одобрение моряков. Собрание приняло резолюцию, которой было суждено стать политической программой Кронштадтского восстания. Вот полный текст этого исторического документа:

«Резолюция собрания команд 1-й и 2-й бригад кораблей от 1 марта 1921 г.

Заслушав доклад представителей команд, посылаемых общим собранием команд с кораблей в гор. Петроград для выяснения дел в Петрограде, постановили:

1. Ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы Советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

2. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов, левых социалистических партий.

3. Свободу собраний и профессиональных союзов, и крестьянских объединений.

4. Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов гор. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии.

5. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в

связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7. Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получить от государства средства для этой цели. Вместо них должны быть учреждены с мест выбранные культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпускатся государством.

8. Немедленно снять все заградительные отряды.

9. Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах – разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначить в воинских частях роты, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.

11. Дать полное право действия крестьянам над своею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом.

12. Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.

13. Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.

14. Назначить разъездное бюро для контроля.

15. Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом.

Резолюция принята бригадным собранием единогласно при 2 воздержавшихся.

Председатель Бригадного собрания Петриченко

Секретарь Перепелкин» [53 - Правда о Кронштадте. С. 44 – 47; Беркман А. Кронштадтский мятеж. С. 9 – 11.].

Принятая «Петропавловском» резолюция отражала недовольство не только Балтийского флота, но и огромного большинства русских людей, горожан и крестьян, по всей стране. Будучи и сами простого происхождения, моряки хотели облегчить жизнь крестьян и рабочих. Из всех пунктов принятой резолюции только один – ликвидация политотделов – не имел отношения к гражданскому населению. В целом документ обрушивал град упреков на политику военного коммунизма, необходимость в которой, по мнению моряков и всего населения в целом, давно исчезла. Дело в том, что некоторые из авторов резолюции недавно вернулись из отпусков и собственными глазами увидели бедственное положение крестьян, что, несомненно, повлияло на принятие решений в защиту крестьянства. Пункт резолюции, в

котором содержится требование о предоставлении крестьянам права самим распоряжаться собственной землей, подразумевал ни больше ни меньше как отмену реквизиции зерна и, возможно, ликвидацию государственных коллективных хозяйств. А появление требований, связанных со снятием заградотрядов, уравниванием пайков, упразднением боевых отрядов, объясняется результатами поездки моряков в Петроград.

Эти вовсе не экономические требования встревожили большевистские власти, когда стали известны результаты собрания на «Петропавловске». Петроградский Совет во главе с Зиновьевым действительно собирался удовлетворить некоторые требования, такие, например, как снятие заградотрядов. Кроме того, как раз в то время правительство разрабатывало план перехода к новой экономической политике, идущей значительно дальше, чем программа моряков-балтийцев, в удовлетворении пожеланий советского народа. Политические требования, направленные в самое сердце большевистской диктатуры, вызвали тревогу властей и побудили их призвать к немедленному подавлению Кронштадтского мятежа. На самом деле моряки не призывали к свержению советского правительства и не требовали восстановить Учредительное собрание и предоставить политические права дворянству и среднему классу. Они с невероятным презрением относились к умеренным и консервативным элементам русского общества и не собирались возрождать их надежды на будущее. Но первые строки документа, что «существующие Советы не выражают волю рабочих и крестьян», откровенно бросали вызов большевикам, захватившим политическую власть. Призыв к проведению новых выборов в Советы в сочетании с требованием свободно высказывать свое мнение рабочих, крестьян, социалистов левого крыла был тем, что Ленин и его сторонники не могли допустить. В действительности резолюция «Петропавловска» являлась обращением к советскому правительству с требованием выполнять Конституцию, предоставить те права и свободы, о которых Ленин говорил в 1917 году. Моряки, по сути, вернулись к прежнему ленинскому лозунгу «Вся власть Советам». Однако большевики смотрели на это совсем иначе: отвергать их право на единоличную защиту завоеваний революции, на представительство рабочих и крестьян могли только контрреволюционеры, а какие меры принимают к ним, понятно без всяких слов.

С момента принятия резолюции «Петропавловском» темп событий ускорился. На следующий день, 1 марта, на Якорной площади состоялся митинг матросов, солдат и рабочих. Собралось порядка 15 тысяч человек, военные и гражданские, – больше четверти населения Кронштадта. Свидетельства очевидцев (по коммунистическим и некоммунистическим

источникам) дают яркую и детальную картину происходившего в тот день на Якорной площади.

На трибуне два высокопоставленных официальных лица – большевики М.И. Калинин и Н.Н. Кузьмин, которого прислали из Петрограда спасать положение. Зиновьев, как следует из некоторых источников, проводил товарищей только до Ораниенбаума, опасаясь матросов.

Калинин, председатель ВЦИКа, по происхождению крестьянин, родился в Тверской губернии, токарь по специальности, работал на Путиловском заводе, вызывал у простых русских людей определенную симпатию. Выступая перед забастовщиками Петрограда за неделю до митинга на Якорной площади, он, один из немногих большевистских ораторов, пользовался благожелательным вниманием забастовщиков. Вероятно, большевики решили воспользоваться его популярностью у народа, чтобы привести моряков в чувство.

Калинина встречал военный караул, играла музыка, развевались флаги. Появилась надежда, что еще удастся предотвратить опасность. На Якорной площади царил дружеская атмосфера. Открыл митинг председатель Кронштадтского Совета, большевик П.Д. Васильев. Напряжение стало нарастать, когда зачитали отчет делегатов о поездке в Петроград. Когда же была обнародована резолюция «Петропавловска», толпа угрожающе зашумела. Тогда вперед вышел Калинин. Его выступление неоднократно прерывалось гневными выкриками: «Брось, Калиныч, тебе тепло», «Ты сколько должностей-то занимаешь и поди везде получаешь!», «Мы сами знаем, что нам надо. А ты, старик, возвращайся к своей жене».

Калинин какое-то время пытался заставить толпу слушать себя, но его слова потонули в выкриках и свисте.

Следом выступил комиссар Балтфлота Н.Н. Кузьмин. Напрягая голос, он напомнил собранию славные боевые традиции Кронштадта, Балтийского флота. Вдруг из толпы кто-то резко крикнул: «А ты забыл, как на Северном фронте через десятого расстреливал?» «Долой! Долой!» – бушевали кругом.

Трудно сказать, с чем были связаны эти выкрики, но, возможно, во время Гражданской войны Кузьмин был комиссаром на Северном фронте и принимал участие в расстрелах нарушителей дисциплины. (Подобное было обычным явлением; один из таких печально известных случаев произошел, когда группа рекрутов из Петербурга захватила пароход и отправилась в Нижний Новгород; по приказу Троцкого дезертиров догнали, и по решению военно-полевого суда командир, комиссар и каждый десятый рядовой были расстреляны.)

Кузьмин старался перекрыть толпу.

– Изменников делу трудящихся расстреливали и будем расстреливать. Вы на моем месте не десятого, а пятого расстреляли бы, – гремел он.

– Довольно, хватит! – кричали кругом. – Постреляли! Нечего нам грозить, не то видали... Гони, гони его!

Кузьмину ничего не оставалось, как тихо отступить. В заключительном слове он сделал попытку осудить решение «Петропавловска», как контрреволюционное. Кричал, что железный кулак пролетариата уничтожит недисциплинированность и измену. Он сошел с трибуны под свист и улюлюканье толпы [54 - Беркман А. Большевистский миф. С. 294; Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера, 1901 – 1941. С. 127.].

Стоило Калинину и Кузьмину спуститься с трибуны, как ею завладели матросы и солдаты. Один за другим они выкрикивали гневные упреки в адрес властей за нехватку продовольствия и топлива, за конфискацию зерна и кордоны на дорогах и, в первую очередь, что после окончания Гражданской войны так и не наступило облегчения. Народ страдает, кричали они, а комиссары сидят в тепле и «жиреют». Одним из главных ораторов был Петриченко, старший писарь с «Петропавловска» и лидер мятежников. Он обвинял большевиков, как раньше обвиняли бояр старой Московии, в том, что они скрывают от народа правду. Эта мысль занимала центральное место в довольно примитивной идеологии восстания. Петриченко убедил толпу поддержать резолюцию «Петропавловска» и потребовать свободных выборов в Советы на всей территории страны.

Резолюция была поставлена на голосование и принята подавляющим числом голосов; М.И. Калинин, Н.Н. Кузьмин и П.Д. Васильев проголосовали против. Далее было принято решение созвать экстренное совещание для подготовки новых выборов в Кронштадтский Совет, срок которого, как выяснилось, истекал именно в этот день. И наконец, собрание проголосовало за то, чтобы направить в Петроград делегацию из 30 человек, чтобы ознакомить власти с выдвинутыми требованиями и попросить прислать в Кронштадт беспартийных представителей для изучения ситуации на месте. По прибытии в Петроград делегированные матросы были арестованы, и больше о них никто никогда не слышал.

После окончания митинга Калинин и Кузьмин отправились в местный комитет партии, чтобы обсудить дальнейшие действия. Калинин, пишет Эмма Гольдман, известный анархист, следивший за событиями в Петрограде из гостиницы «Астория», покинул Кронштадт в дружеском расположении духа [55 - Гольдман Э. Проживая мою жизнь. Нью-Йорк, 1931. С. 877.].

Верится с трудом, если учесть, что с ним произошло перед отъездом из

Кронштадта. Согласно советским источникам, когда Калинин с группой сопровождающих направился через Петроградские ворота, намереваясь возвратиться в Петроград, мятежный караул отказался выпустить его из города. Позже, уже в Финляндии, из разговоров с участниками мятежа стало известно, что многие матросы хотели заключить Калинина в тюрьму, но их отговорили, доказав, что тем самым они нарушат принцип свободы, изложенный в их же собственной резолюции.

Но не этот момент стал переломным. Абсолютно ясно, что именно со времени обнародования резолюции на Якорной площади события резко повернули в направлении открытого мятежа.

За подобное развитие событий Виктор Серж возлагает вину на Калинина и Кузьмина, чья непреклонная позиция и неудачные выступления не могли не привести матросов в ярость. Вместо того чтобы успокоить возмущенных кронштадтцев, пишет Серж в своих воспоминаниях, эти двое обращались с ними как с негодяями и предателями, угрожая беспощадными репрессиями, если они не придут в чувство [56 - Серж В. Указ. соч. С. 127.].

Это, конечно, преувеличение. У мятежников имелись более глубокие причины, чтобы начать восстание, чем провоцирующие выступления Калинина и Кузьмина. Матросам, похоже, доставляло удовольствие дразнить коммунистов; каждую фразу ораторов они сопровождали криками и свистом. С другой стороны, следует признать, что Калинин и Кузьмин могли вести себя несколько осмотрительнее перед такой легковозбудимой аудиторией. Нет ни малейших сомнений, что их, мягко говоря, бестактность усилила враждебность моряков к бюрократическому аппарату.

Власти были всерьез встревожены тем, что кронштадтским коммунистам не удалось помешать принятию резолюции на Якорной площади. Рядовых членов партии – а их было немало на площади – словно подхватил бурный поток, и, когда Калинин и Кузьмин проголосовали против резолюции, ни один из большевиков (не считая Васильева) не поддержал их. Большинство, очевидно, проголосовало за резолюцию «Петропавловска», а остальные воздержались. Как отмечает Л. Шапиро, именно эта особенность отличает Кронштадтское восстание от всех предыдущих выступлений против советского правительства [57 - Шапиро А. Указ. соч. С. 303.].

На следующий день, 2 марта, восстание продвинулось еще на шаг. В 13 часов состоялось так называемое «делегатское собрание» для подготовки к переизбранию Кронштадтского Совета. Собралось более 300 делегатов, по два человека с каждого корабля, воинского подразделения, фабрики, профсоюза и т. д., которых в спешном порядке выбирали в течение предыдущей ночи и утра 2 марта. Выборы вызывали острые споры и

проходили весьма бурно. Когда коммунисты пытались обратиться к своим товарищам, их перебивали и прерывали точно так же, как накануне Калинина и Кузьмина. Например, в Управлении крепостной артиллерии по инициативе начальника артиллерии Кронштадта, бывшего царского генерала А.Н. Козловского, было созвано собрание. Комиссара управления, пытавшегося протестовать, отстранили от председательствования. Козловский не преминул сказать ему: «Ваше время прошло, я сделаю сам, что нужно».

Вероятно, в то утро подобные сцены повторялись во многих местах. Несмотря на то что беспартийные делегаты представляли большинство, коммунисты ухитрились перетянуть на свою сторону треть собравшихся делегатов.

Собрание проходило в большой аудитории Морского инженерного училища. Вооруженные матросы с линкора «Петропавловск» были расставлены по всему училищу, у входа и в самой аудитории, чтобы никто из посторонних не проник в здание. Вполне вероятно, что их присутствие, кроме того, должно было оказывать устрашающее воздействие на потенциальных защитников существующего режима. По вполне понятной причине открывал собрание Степан Петриченко. С самого начала он занял ведущую роль в Кронштадтском восстании – роль, которую сохранял на протяжении более двух недель, до страшного конца. Украинский крестьянин, он был от природы наделен талантом лидера. Тридцатилетний, красивый, великолепно сложенный, с сильным характером, этот молодой моряк обладал непреодолимой притягательной силой. Он был из тех ораторов, которые прекрасно владеют аудиторией. Петриченко был опытным моряком – пришел на флот в 1912 году, почти за десять лет до трагических кронштадтских событий. До службы во флоте он работал у себя на родине водопроводчиком. Петриченко обладал живым умом, и все, кто общался с ним, в один голос утверждали, что он невероятно энергичен и изобретателен.

Петриченко в качестве председателя открыл «делегатское собрание». В президиум выбрали пять человек. Перед тем как перейти к основному вопросу – организации новых выборов в Кронштадтский Совет, делегаты прослушали несколько выступлений. Первыми на трибуну поднялись коммунисты Кузьмин и Васильев, которые выступали на Якорной площади против принятия резолюции «Петропавловска». К удивлению собравшихся, они упорно стояли на своей прежней позиции. Выступление Кузьмина вызвало взрыв возмущения. Напомнив, что официально мир с Польшей еще не заключен, Кузьмин обратил внимание делегатов, что любые разногласия в правительстве, любой раскол, например двоевластие, может подвигнуть маршала Пилсудского на возобновление военных действий. Запад

пристально следит за Советской Россией, отыскивая признаки внутренней слабости. Что касается беспорядков в Петрограде, то Кронштадт дезинформирован в отношении серьезности сложившейся там ситуации. Да, в Петрограде действительно вспыхнула забастовка, но она была недолгой, и теперь город живет прежней жизнью. Говоря о волнениях на Балтийском флоте, Кузьмин стал защищать позицию большевиков, таких как он сам, кого моряки теперь выбрали в качестве объекта насмешек. Это едва ли могло понравиться делегатам. Но наибольший гнев зала вызвали последние слова Кузьмина, когда он произнес ту же угрозу, что и накануне на Якорной площади: «Я в вашем распоряжении. Вы даже можете меня расстрелять, если захотите. Но если вы посмеете поднять руку на правительство, большевики будут бороться с вами до последнего» [58 - Правда о Кронштадте. С. 116.].

Вызывающее поведение Кузьмина вызвало соответствующую реакцию аудитории. Учитывая взрывоопасность атмосферы в зале, следовало, конечно, быть более тактичным. Нет, он был прав в том, что договор с Польшей еще не подписали и нельзя было не учитывать угрозы возобновления военных действий со стороны Польши при поддержке французов. Петроград находился в особенно сложном положении, и советские официальные лица откровенно боялись, что любой признак внутреннего раскола может усилить позицию Польши за столом переговоров и даже привести к возобновлению военных действий. Кузьмин не грешил против истины и в том, что волна забастовок в Петрограде пошла на убыль, достигнув своего пика в последний день февраля. Однако слухи о полномасштабном восстании уже возбудили моряков до такой степени, что 2 марта, когда беспорядки в Петрограде практически прекратились, в составленном сообщении, для опубликования на следующий день, говорилось, что город во власти «всеобщего восстания» [59 - Там же. С. 47.].

Этот шаг с одобрения кронштадтцев подвигнул их на серьезные действия, о которых позже многие еще очень пожалеют.

Когда Кузьмин покинул трибуну, вышел Васильев, председатель несуществующего Совета, и обратился к собранию в том же ключе. Когда он закончил выступление, в зале царил уже откровенно антибольшевистская атмосфера, несмотря на присутствие большого числа коммунистов. Враждебность моряков, как отмечает Беркман, была направлена не против партии, а против партийных бюрократов и комиссаров, чье высокомерие лишней раз подтвердилось выступлениями Кузьмина и Васильева. Речь Кузьмина, по выражению Беркмана, была «головешкой, брошенной в порох» [60 - Беркман А. Кронштадтский мятеж. С. 12 – 13.].

Взбешенные делегаты прямо в зале обыскали несчастных Кузьмина,

Васильева и Коршунова, комиссара Кронштадтской эскадры линейных кораблей, в которую входили «Петропавловск» и «Севастополь», отобрали оружие, документы, под конвоем увели из зала и заключили в камеры. Это был скандальный акт неповиновения, более серьезный, чем инцидент с Калининым, гигантский шаг на пути к открытому мятежу. В то же время делегаты отвергли предложение арестовать присутствовавших в зале коммунистов и отобрасть у них оружие. Хотя меньшинство громогласно выражало антикоммунистические настроения, большинство делегатов твердо решило придерживаться принципов принятой на «Петропавловске» резолюции, гарантирующей право голоса всем политическим группировкам левого крыла, включая большевиков.

После того как арестованных под конвоем вывели из зала, Петриченко призвал собрание к порядку. Опять была зачитана резолюция, принятая на «Петропавловске», и зал с прежним энтузиазмом одобрил ее. Теперь собрание перешло к обсуждению главного вопроса повестки дня: выборам нового Совета. И тут неожиданно раздался голос из зала. Он принадлежал матросу с «Севастополя». Он выкрикнул, что сюда следуют пятнадцать грузовиков с вооруженными винтовками и пулеметами коммунистами, которые собираются разогнать собрание. Эта новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Делегаты пришли в замешательство, и потребовалось немало времени, чтобы восстановить относительный порядок. Кто-то предложил опять направить в Петроград делегацию, чтобы установить связь с забастовщиками, но это предложение отклонили, опасаясь, что и эта делегация будет арестована. Вот тогда участники собрания, выбитые из колеи сообщением о возможном нападении большевиков, сделали роковой шаг. Было решено сформировать Временный революционный комитет (ВРК), чтобы до выборов нового Совета взять в свои руки управление городом и гарнизоном. Не теряя даром времени, без проведения соответствующих выборов, в состав этого Временного революционного комитета вошел президиум собрания в полном составе во главе с Петриченко. С этого момента кронштадтское движение вышло за рамки обычного протеста. Началось восстание.

И опять слухи сыграли решающую роль в развитии событий в Кронштадте. Речи Кузьмина и Васильева, вызвав негодование делегатов, послужили отправной точкой для последующих необдуманных действий. Ложный слух о том, что коммунисты собираются разогнать собрание, ускорил ход событий. Делегаты в спешке сформировали Временный революционный комитет, а сделав этот шаг, моряки перешли Рубикон. Кто пустил слух? Кто отвечал за

непроверенную информацию? По словам Петриченко, распустили слух сами коммунисты, чтобы прервать работу собрания [61 - Революционная Россия. 1921. № 8. С. 8.].

Правда, нет никаких доказательств, подтверждающих его слова. Вполне возможно, матрос, выкрикнувший из зала, что приближаются вооруженные коммунисты, хотел внести разлад и настроить зал против коммунистов. Следует отметить, что Петриченко подхватил слова матроса и в свою очередь сообщил, что 2 тысячи коммунистов действительно едут, чтобы разогнать собрание. Опять поднялся страшный шум, и делегаты покинули зал в страшном волнении [62 - Правда о Кронштадте. С. 117.].

Вполне возможно, что слух возник и по иной причине: кто-то увидел, что из здания, где располагалась Высшая партийная школа, вышла группа коммунистов во главе с членом кронштадтской ЧК, в то время как в аудитории Морского инженерного училища проходило собрание. Эти люди были далеки от мысли о разгоне делегатов – на самом деле они спешили поскорее перебраться из Кронштадта на Красную Горку. Еще одно событие, случившееся накануне, возможно, тоже внесло свой вклад в опасения, охватившие мятежников. После митинга на Якорной площади несколько приверженцев большевистского режима действительно подумывали о том, чтобы с оружием в руках помешать выступлению мятежников. Новиков, комиссар Кронштадтской крепости, даже взял из арсенала ручные пулеметы, но, когда стало ясно, что самим не справиться, группа Новикова решила покинуть остров. Комиссара перехватили у форта Тотлебен, но он ухитрился ускакать верхом на лошади по льду.

А тем временем мятежники не тратили время даром. Штаб Временного революционного комитета расположился на борту флагманского корабля «Петропавловск». Комитет распорядился срочно направить вооруженные отряды для захвата арсеналов, телефонной станции, продовольственных складов, насосной станции, электростанции, редакции и типографии «Известий Кронштадтского Совета» и других стратегических объектов. В полночь без сопротивления мятежники захватили город. Все военные корабли, форты и батареи признали власть ВРК. Копии резолюции через курьеров были доставлены на материк, в Ораниенбаум, Петроград и другие близлежащие города. Морской воздушный дивизион в Ораниенбауме признал Временный революционный комитет и направил своих представителей по льду в Кронштадт. Восстание набирало силу.

3 марта Временный революционный комитет приступил к изданию ежедневной газеты «Известия Временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта», которая выходила до

16 марта. В первом номере Петриченко, как председатель комитета, обратился к жителям города с просьбой оказать поддержку: «Товарищи, Временный революционный комитет постановил, что не будет пролито ни единой капли крови... Задача Временного революционного комитета состоит в том, чтобы общими усилиями создать в городе и крепости условия для справедливых выборов в новый Совет. Итак, товарищи, за порядок, спокойствие, решительность, за новую, справедливую социалистическую структуру, которая будет способствовать обеспечению благосостояния всех трудящихся» [63 - Правда о Кронштадте. С. 46.].

В тот же день Временный революционный комитет отдал приказы: всем учреждениям города и крепости надлежит «неуклонно исполнять все распоряжения... ревкома» ; о запрещении выезда из Кронштадта без разрешения поставленного мятежниками коменданта; о запрещении ночного передвижения по городу «без особых удостоверений, выданных ревкомом» [64 - Там же. С. 49.]. Введен комендантский час и сформированы «ревтройки», словно в подражание зиновьевскому чрезвычайному Комитету обороны в Петрограде. Кронштадт переступил роковую черту. Мятежникам и правительству предстояло помериться силой.

Глава 3

КРОНШТАДТ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

С самого начала советские власти видели в Кронштадте источник возможных беспорядков. В атмосфере всеобщего недовольства восстание кронштадтских моряков могло разжечь огромный пожар, который бы охватил всю страну. Возможность вмешательства извне давала дополнительный повод для беспокойства. Расположенный в устье Невы Кронштадт представлял для Петербурга серьезную опасность. Большевики еще не успели забыть, как четыре года назад беспорядки в армии, забастовки и демонстрации в столице привели к свержению самодержавия. Теперь их режим подвергался такой же опасности. Если «красный Кронштадт» и «красный Питер» могут восстать против правительства, то что можно ожидать от остальной части страны? Так что нет ничего странного в том, что было сделано все, чтобы дискредитировать мятежников. Задача довольно сложная, поскольку Кронштадт имел репутацию города, преданного идеалам революции.

В 1917 году Троцкий назвал кронштадтских матросов «красой и гордостью» русской революции, а теперь он изо всех сил старался доказать,

что эти совсем не те преданные революции матросы, которых он знал четыре года назад, а новые, совершенно иного склада люди. Тысячи кронштадтцев погибли в годы Гражданской войны, доказывал Троцкий, а многие из оставшихся в живых рассеялись по всей стране. Таким образом, лучшие ушли, а их места заняли новобранцы с Украины и западных приграничных областей, крестьяне, в основной массе равнодушные к революционной борьбе, а некоторые, в силу классовых и национальных отличий, враждебно настроенные к советскому режиму. Многие рекруты прибыли из областей, где орудуют банды Махно, Григорьева и прочих, и привезли с собой «анархо-бандитские настроения», а кто-то из них даже воевал в этих бандах или в белых армиях Деникина и Врангеля [65 - Троцкий А. Так вооружалась революция. Т. III. Ч. 1. С. 203 – 204; Пухов А.С. Указ. соч. С. 40 – 41; Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 12 – 13; Курье М.А. Кронштадтский мятеж 1921 года в советской и белой литературе и печати // Красная летопись. 1931. № 2. С. 226.].

В изображении большевиков кронштадтский моряк 1921 года имел «другой социальный и психологический склад», нежели его предшественник времен революции и Гражданской войны. В худшем случае – аморальный, деморализованный мужлан, недисциплинированный, сквернослов, любитель карт и выпивки. В лучшем случае – «крестьянин в морской форме», обычный деревенский парень, носивший «пышные панталоны клеш и прическу сутенеров», чтобы привлечь женское внимание [66 - Слепков А. Указ. соч. С. 20.].

Для этих зеленых новичков, говорили большевики, бывалые моряки, «морские волки» придумали массу оскорбительных эпитетов: «клешники» – из-за непомерно широких «клешей»; «жоржики» – разряженные деревенщины, и самый обидный из всех – «иванморы», издевательская пародия на «военморы» (военные моряки), гордое название ветеранов Гражданской войны [67 - Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 21; Кузьмин М. Кронштадтский мятеж. Л., 1931. С. 17.].

Насколько точны эти характеристики? Не может быть ни малейших сомнений, что во время Гражданской войны состав Балтийского флота претерпел значительные изменения: на смену старым опытным морякам пришли молодые призывники, в основном из сельских районов. В 1921 году, согласно официальным данным, более трех четвертей общей численности матросов составляли крестьяне, в отличие от 1917 года, когда большую часть составляли рабочие Петрограда и близлежащих городов.

Позже Петриченко подтвердил, что многие из его товарищей по оружию были крестьянами, приехавшими из южных губерний. Однако это вовсе не

означает, что особенности поведения на флоте претерпели значительные изменения. В среде моряков – выходцев из рабочего класса всегда был большой процент крестьян, недисциплинированных, готовых взбунтоваться при малейшей провокации. В 1905 и 1917 годах именно из-за них, тогда еще совсем молодых крестьянских парней, Кронштадт заработал репутацию очага революционного экстремизма. Во время Гражданской войны город оставался независимым и своевольным, трудноуправляемым и далеко не всегда готовым оказать поддержку правительству. По этой причине многих матросов, особенно постоянных нарушителей спокойствия и оппозиционеров, отправляли подальше от центров большевистской власти. Многие из тех, кто оставался служить на Балтийском флоте, жаждали обрести свободы, которые они завоевали в 1917 году, до того как новый режим начал устанавливать во всей стране однопартийную диктатуру.

На самом деле старослужащие мало чем отличались от новичков. И те и другие были по большей части из крестьян. Одни во время отпуска, другие до поступления на флот могли убедиться в бедственном положении русского крестьянства. А главное, все они, старые и молодые, стремились избавиться от политики принуждения центрального правительства. Так что нет ничего удивительного в том, что, когда наконец вспыхнуло восстание, ветераны, много лет прослужившие на флоте (некоторые начали службу еще до Первой мировой войны), взяли на себя руководство восстанием. Петриченко пришел на флот в 1912 году и служил в команде «Петропавловска» с 1918 года. Его заместитель во Временном революционном комитете, старый морской волк Яковенко, сражался на баррикадах в 1917 году. Вполне естественно, если учесть их зрелость и опыт, не говоря уже о горьком разочаровании, постигшем их, как бывших участников революции, что эти закаленные в боях моряки оказались в центре восстания. Они по праву занимали главенствующее положение, как стоявшие выше по рангу и более компетентные (Петриченко, например, был старшим писарем на линкоре), выделявшиеся даже среди наиболее энергичных и грамотных молодых матросов и привыкшие брать инициативу на себя. К тому же близость Петрограда с его напряженной интеллектуальной и политической жизнью способствовала обострению их политического чутья.

Кронштадтцы долго считались вдохновителями революционной воинственности – репутация, остававшаяся практически незапятнанной на протяжении Гражданской войны, несмотря на беспечность и отсутствие дисциплинированности. Еще осенью 1920 года, вспоминает Эмма Гольдман, коммунисты поддерживали моряков, считая их поведение блестящим образцом доблести и неустранимой отваги: 7 ноября, в третью годовщину

захвата большевиками власти, моряки шли в первых рядах, и толпа шумно приветствовала их появление [68 - Гольдман Э. Слишком много протестов Троцкого. Глазго, 1938. С. 7.].

Никто в то время не говорил о «классовом вырождении». Утверждение, что политически отсталые мужики охладили революционный пыл моряков, кажется в этом случае не более чем желанием найти объяснение диссидентским выступлениям моряков и поступить с ними как в октябре 1918 года после неудавшегося мятежа на военно-морской базе в Петрограде, когда социальный состав флота еще не подвергся такому существенному изменению.

Таким же безосновательным является заявление, что кронштадтцы были главным образом не русскими, а украинцами, латышами, эстонцами, финнами, то есть теми, кто враждебно относился к советской власти. В списке участников Кронштадтского восстания порядка трехсот – четырехсот фамилий. Насколько можно судить по этим фамилиям (это, конечно, весьма сомнительное доказательство), среди восставших подавляющее большинство составляли русские. Несколько иначе обстоит дело со списком членов Временного революционного комитета, Генерального штаба восстания:

Петриченко, старший писарь, линкор «Петропавловск».

Яковенко, телеграфист службы связи, Кронштадтский район.

Ососов, машинист, линкор «Севастополь».

Архипов, машинист, старшина.

Перепелкин, электрик, линкор «Севастополь».

Патрушев, старшина-гальванер, линкор «Петропавловск».

Куполов, старшина, медбрат.

Вершинин, матрос, линкор «Севастополь».

Тукин, рабочий электромеханического завода.

Романенко, сторож в сухих доках.

Орешин, директор Третьей Рабочей школы.

Вальк, мастер на лесопильной фабрике.

Павлов, рабочий минного завода.

Байков, начальник управления строительства крепости.

Кильгаст, штурман дальнего плавания [69 - Правда о Кронштадте. С. 113, 158; Как началось восстание в Кронштадте. Архив Миллера, д. 5М, л. 5.].

Из пятнадцати членов комитета у троих – Петриченко, Яковенко и Романенко – явно украинские фамилии, а у двоих – Вальк и Кильгаст – немецкие. Петриченко, Яковенко и Кильгаст занимали ключевые посты в

Революционном комитете – председателя, заместителя председателя и секретаря соответственно. Согласно советским источникам, Петриченко был ярким националистом, за что товарищи прозвали его «Петлюрой», в честь вождя националистического движения на Украине.

По свидетельству Петриченко, «три четверти» Кронштадтского гарнизона были выходцами с Украины; некоторые из них прежде, чем попасть на советский флот, воевали в антибольшевистских армиях.

Это указывает на то, что националистические чувства играли определенную роль в разжигании мятежа, но насколько велика эта роль, сказать трудно. Зато с полной очевидностью можно судить о социальном статусе членов Революционного комитета Кронштадта. Основное большинство составляли матросы из крестьянских или рабочих семей. Среди них были те, кто служил на «Петропавловске» и «Севастополе» – пороховой бочке восстания, на заводе и даже занимал руководящие посты (например, директор школы). Одним словом, лидеры движения, в отличие от белых, были простого происхождения, и этот факт явно приводил власти в замешательство, хотя они упорно утверждали, что главари мятежников происходят из антипролетарских социальных слоев. Вершинина, матроса с «Севастополя», который на начальном этапе восстания попал в руки большевиков, назвали «спекулянтом» и «жоржиком». Еще хуже обошлись с Павловым, объявив его бывшим агентом сыскной полиции. Байков якобы имел собственность в Кронштадте; Тукин, бывший жандарм, имел ни много ни мало как шесть домов и три магазина в Петрограде; Кильгаст был осужден за присвоение государственных денег, но освобожден по амнистии в связи с третьей годовщиной большевистской революции.

Дискредитация членов Временного революционного комитета продолжалась и после подавления Кронштадтского восстания. Помимо порочащих фактов в отношении участников восстания, советские авторы стремились связать их с политической оппозицией: Петриченко называли левым эсером, Валька и Романенко – меньшевиками, Орешина – народником-социалистом. Ламанова, который, считалось, был главным идеологом движения и редактором ежедневной газеты, причисляли к эсерам-максималистам.

К сожалению, нет никакой достоверной информации, которая могла бы подтвердить или опровергнуть эти заявления. Согласно советским источникам, Петриченко «бывший коммунист», вступил в партию во время «партийной недели» в августе 1919 года, когда зачислялись все желающие рабочие и крестьяне без всяких рекомендаций, и был исключен из партии во время следующей перерегистрации.

Недолгий союз с коммунистами (как в случае с Петриченко) был довольно распространенным явлением. Тысячи матросов-балтийцев прошли тем же путем. В Кронштадте к марту 1921 года число членов партии сократилось ровно вдвое по сравнению с сентябрем 1920 года. Некоторые из исключенных из партии, воспользовавшись первой возможностью, уехали в отпуск. Петриченко вернулся в родную деревню в апреле 1920 года и оставался там до сентября или октября, имея вполне достаточно времени, чтобы понаблюдать за деятельностью продотрядов и проникнуться враждебными чувствами к правительству. Власти, скажет он впоследствии американскому журналисту, не единожды арестовали его по подозрению в контрреволюционной деятельности. Он даже пытался присоединиться к белым, но ему отказали, как бывшему большевику. Тем не менее он упорно настаивал, что Революционный комитет не имел связей ни с одной политической группировкой. Наше восстание, сказал Петриченко, было просто желанием избавиться от большевистского давления.

Большевистская пропаганда стремилась доказать, что восстание являлось не стихийной вспышкой массового протеста, а очередным контрреволюционным заговором. В советской прессе сообщалось, что моряки под влиянием меньшевиков и эсеров, затесавшихся в их ряды, без зазрения совести связали свою судьбу с «белогвардейцами» во главе с бывшим царским генералом Козловским. «За спинами эсеров и меньшевиков уже обнажили клыки бывшие царские генералы» [70 - Правда. 1921. 5 марта.].

Это только часть заговора, говорили большевики, тщательно планируемого в Париже русской эмиграцией совместно с французской контрразведкой. Кроме того, были выдвинуты обвинения в адрес организаций Красного Креста – международного, американского и российского в Финляндии – как объединения заговорщиков.

2 марта 1921 года Совет труда и обороны принял в связи с мятежом специальное постановление. На следующий день за подписью Ленина и Троцкого оно было опубликовано в печати. Бывший генерал Козловский и его сподвижники объявлялись вне закона. Принятая на «Петропавловске» резолюция называлась черносотенно-эсеровской. Город Петроград и Петроградская губерния переходили на осадное положение. Вся полнота власти в Петроградском укрепленном районе передавалась Комитету обороны Петрограда.

В доказательство, что восстание было задумано антисоветскими группировками в Париже, большевики подчеркивали, что сообщения о восстании в Кронштадте появились во французских газетах за две недели до

реальных событий. Эти сообщения, говорилось в заявлении, сделанном Троцким британским и американским журналистам, ясно свидетельствуют о гнусных интригах, замышляемых русской эмиграцией и их сторонниками из Антанты. Выбор Кронштадта в качестве объекта продиктован его близостью к Петрограду, тем, что к нему легко подобраться с запада, а кроме того, притоком ненадежных элементов на Балтийский флот.

Выступая 8 марта на X съезде партии, Ленин повторил высказывания Троцкого. За восстанием, заявил Ленин, «маячит знакомая фигура белогвардейского генерала». Совершенно ясно, сказал он, сославшись на статьи в «Ле Матэн» и «Л'эхо де Пари», что «это является работой эсеров и белогвардейцев» [71 - Десятый съезд РКП(б). С. 33.].

Поскольку большевики отвели главную роль парижским сообщениям, следует внимательно изучить, что же в них было такого, что советское правительство настаивало на участии в заговоре белоэмигрантов. В статье, появившейся 13 февраля в «Ле Матэн» под заголовком «Москва принимает меры против кронштадтских мятежников», говорилось о том, что на Кронштадтской военно-морской базе вспыхнул мятеж и большевистские власти принимают меры, чтобы не допустить его распространения на Петроград. В «Ле Матэн» 14 февраля появилась вторая статья, объяснявшая, что арест кронштадтской делегации, поехавшей в Москву с просьбой об увеличении продовольственного пайка, и явился причиной начавшегося восстания. Ситуация в Кронштадте, говорилось в статье, постепенно обострялась, и «мятежники повернули оружие на Петроград». В тот же день появилась статья в «Л'эхо де Пари» с очередными новостями из Кронштадта: мятежники арестовали комиссара Балтийского флота и несколько боевых кораблей (вероятно, с помощью ледокола) держат курс на Петроград. В статье от 15 февраля говорилось, что мятежники рассчитывают на поддержку Петроградского гарнизона, а власти проводят массовые аресты в прилегающих к Петрограду районах. В период с 13 по 15 февраля подобные сообщения появились и в других западных газетах. «Нью-Йорк таймс» пошла дальше всех, заявив, что моряки заняли Петроград и войскам, брошенным Троцким на Петроград, не удастся выбить мятежников из города [72 - Нью-Йорк таймс. 1921. 14 марта.].

Конечно, в феврале 1921 года ни в Кронштадте, ни на одной из баз Балтийского флота не происходило ничего подобного. В то время ложные слухи – а этому, безусловно, способствовала волна беспорядков, прокатившаяся по России, и стремление выдать желаемое за действительное – были не редки. Однако в случае с Кронштадтом они стали предвестником событий, которые действительно произошли две недели спустя. Некоторые

историки полагают, что поводом к мятежу послужила II партийная конференция моряков-балтийцев, на которой делегаты, подвергнув резкой критике работу Побалта, вышли с предложением об отмене политотдела флота.

Но это предположение следует исключить, поскольку ложные слухи появились за несколько дней до открытия II партийной конференции. Следует признать, что впервые подобные сообщения появились в русских эмигрантских газетах, явившись основой для статей в зарубежной прессе. Эсеровская газета в Праге, «Воля России», сообщила о вспышке восстания на Балтийском флоте 12 февраля. Двумя днями раньше в парижской газете «Общее дело» появилась статья народника Владимира Бурцева под заголовком «Восстание моряков в Кронштадте». Судя по всему, это было первое сообщение, вслед за которым появились статьи в разных газетах, которые с удивительной точностью воссоздали реальную картину событий, случившихся двумя неделями позже: кронштадтские моряки поднялись против правительства, заняли порт, арестовали комиссара Балтийского флота, планируют начать военные действия против Петрограда, власти Петрограда объявили осадное положение и проводят массовые аресты [73 - Общее дело. 1921. 10 февраля.].

Слухи поступали из единственного источника – от корреспондента «русского» агентства новостей в Гельсингфорсе, печально известного центра антисоветской пропаганды. Однако остается неясным, что именно вызвало эти слухи. Беспорядки на флоте и арест в Москве делегации из Кронштадта вполне могли отчасти послужить причиной восстания. Командующий Балтийским флотом Раскольников предупреждал, что моряки могут открыть огонь по Петрограду, если не освободят их товарищей, но правительство с пренебрежением отнеслось к его словам и даже стало угрожать Кронштадту репрессиями.

Временный революционный комитет категорически отверг обвинение в заговоре, как заведомую клевету, не подтвержденную ни единым доказательством, а только лишний раз демонстрирующую низость существующей власти. В заявлении Временного революционного комитета, обращенном к рабочим и крестьянам России, говорилось: «Наши враги пытаются обмануть вас. Они говорят, что кронштадтское восстание было организовано меньшевиками, эсерами, агентами Антанты и царскими генералами. Ведущую роль они отводят Парижу. Вздор! Если наше восстание делалось в Париже, то луна делалась в Берлине» [74 - Правда о Кронштадте. С. 120.].

Ответ комитета на обвинение, что руководили восстанием белые офицеры,

был столь же категоричен: «В Кронштадте вся власть находится в руках революционных матросов, красноармейцев и рабочих, а не белогвардейцев, возглавляемых генералом Козловским, как клеветнически заявляет об этом радио Москвы». У нас здесь только один генерал, язвительно заявили мятежники, «комиссар Балтийского флота Кузьмин. И он арестован» [75 - Там же. С. 57, 65.].

Временный революционный комитет опубликовал полный список участников восстания, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений в том, кто в действительности организовал мятеж. Как мы знаем, в списках не было никаких офицеров, не говоря уже о генералах, а только матросы и рабочие. «Все это наши генералы, брусилковы, Каменевы и т. д.», – написали кронштадтские «Известия», имея в виду множество бывших царских генералов, примкнувших как раз к лагерю большевиков [76 - Там же. С. 131, 158.].

А вот генерал Козловский действительно был в Кронштадте в марте 1921 года. Какую роль, если таковая вообще имелаась, он сыграл в восстании? Александр Николаевич Козловский родился в 1861 году в Красном Селе под Петроградом. Профессиональный военный: закончил Киевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Офицерскую артиллерийскую школу, Михайловскую артиллерийскую академию. Участник Первой мировой войны, генерал артиллерии. После большевистской революции в числе многих бывших царских генералов был принят на службу в армию в качестве «военного специалиста». С декабря 1920 года начальник артиллерии крепости Кронштадт. Когда вспыхнуло восстание, большевики сразу объявили его «закулисным руководителем мятежа». Козловского объявили вне закона, а его жену и детей ВЧК взяла в качестве заложников. Трех офицеров, служивших под его началом, объявили заговорщиками. Козловский утверждал, что только потому, что в Кронштадте он был единственным бывшим царским генералом, власти отвели ему роль белого генерала, планировавшего заговор с целью свержения советского режима.

Может, так и было. Есть основания считать, что Козловский и его подчиненные действительно принимали участие в мартовских событиях 1921 года. Когда в первые часы мятежа комендант крепости сбежал на материк, Козловский отказался последовать за ним, оставшись на своем посту. Временный революционный комитет назначил бывшего царского офицера Соловьянова начальником внутренней обороны крепости, с ним Козловский работал в тесном сотрудничестве. Большинство военспецов поступили в

распоряжение мятежников, оказывая им техническую помощь. Большевики практически не использовали опыт и знания бывших офицеров, особенно артиллеристов. Отношение этих офицеров к большевикам характеризует фраза, сказанная Козловским большевистскому комиссару 2 марта: «Ваше время прошло. Я сам сделаю, что нужно».

С начала восстания военспецы занялись планированием военных операций мятежников; 2 марта, как объяснил Козловский, он и его сослуживцы посоветовали комитету немедленно перейти в наступление, чтобы перехватить инициативу [77 - Социалистический вестник. 1921. 5 апреля. С. 5 – 6.].

Офицеры разработали план: высадиться в Ораниенбауме, захватить боевую технику, установить контакт с воинскими подразделениями, сочувствующими кронштадтцам, и двинуться на Петроград, не дожидаясь, пока правительство подтянет туда войска. Кроме того, офицеры предлагали совершить набег на паровую мельницу в Ораниенбауме, – там хранилось около 60 тысяч пудов муки, а запасы продовольствия в Кронштадте были ограничены. Военспецы-артиллеристы разработали план по освобождению скованных льдом «Петропавловска» и «Севастополя» с помощью орудий и предложили обнести крепость рвом, чтобы затруднить действия пехоты.

При всей активности офицеров их использовали во время мятежа только в качестве консультантов, не более. Они не принимали участия ни в руководстве восстанием, ни в составлении политической программы. Никто из офицеров не участвовал в составлении резолюции, принятой на «Петропавловске», не выступал на Якорной площади, не присутствовал на «делегатском собрании» в Морском инженерном училище, не входил в состав Временного революционного комитета. Как и при большевиках, они были всего лишь техническими консультантами восставших. Позже, находясь в тюрьме, некоторые из мятежников сказали Ф. Дану, что Козловский просто продолжал выполнять свои обычные обязанности и не обладал никакими полномочиями в их восстании [78 - Дан Ф. Указ. соч. С. 154.].

Учитывая независимый характер моряков и их традиционную ненависть к офицерству, очень сомнительно, чтобы Козловский и другие офицеры могли оказывать серьезное влияние на мятежников. Временный революционный комитет демонстрировал недоверие к военспецам, неоднократно отклоняя предложенные ими планы, правда выслушивая и, возможно, присваивая их идеи. Несмотря на уговоры офицеров, мятежники даже не пытались освободить скованные льдом корабли. Они не стали занимать плацдарм на материке и не воспользовались царившим поначалу замешательством в стане

большевиков. Мятежники ограничились тем, что в ночь со 2 на 3 марта, после известия о том, что Морской воздушный дивизион решил присоединиться к восстанию, направили небольшой отряд в Ораниенбаум, который был встречен пулеметным огнем.

Теперь остался только один, но наиважнейший вопрос: насколько правы были большевики, обвиняя русскую эмиграцию в Париже в руководстве восстанием? Конечно, эмигранты не отказывали себе в удовольствии помечтать об антибольшевистском восстании – об этом много говорилось и писалось, особенно в группе, известной как «Всероссийский национальный центр» во главе с Национальным комитетом, чья штаб-квартира находилась в Париже, туда входили кадеты, октябристы и другие умеренные. Возьмем, например, статью одного из лидеров партии кадетов Ф.И. Родичева, появившуюся в газете «Общее дело» за десять дней до начала восстания: «Взять Петроград не представляет трудности. Трудность состоит в том, чтобы накормить город и привести его в порядок. Когда все будет готово, наступит время действовать. Петроград ближе других расположен к западной границе. До этого города в Советской России проще всего добраться, чтобы начать работу по возрождению... Пора начинать» [79 - Родичев Ф. В поисках спасения // Общее дело. 1921. 20 февраля.].

В то время откровенные угрозы такого характера не вызывали беспокойства у большевистских лидеров – их намного больше тревожили заговоры, которые, как они подозревали, тайно замыслили эмигранты. И надо сказать, эти подозрения были вполне обоснованны. По сведениям из неизвестного источника, Всероссийский национальный центр составил план антибольшевистского восстания за несколько недель до Кронштадтского мятежа. Прежде чем пояснить, о каких сведениях идет речь, хотелось бы сказать несколько слов о деятельности центра.

Он возник в Москве в мае – июне 1918 года, в начале Гражданской войны, как «нелегальная организация, сформированная в России для борьбы с большевиками» [80 - Образование северо-западного правительства / Архив русской революции. 1922. С. 295; Аукомский А.С. Воспоминания: В 2 т. Берлин, 1922. Т. 2. С. 116.].

Образованный А.В. Карташевым, П.Б. Струве и другими лидерами партии кадетов, центр ставил основной целью свержение правительства Ленина и установление конституционного режима [81 - Главными задачами Всероссийского национального центра были «борьба с Германией, борьба с большевизмом, восстановление единой и неделимой России, верность союзникам, поддержка Добровольческой армии как основной русской силы для восстановления России, образование Всероссийского правительства в

тесной связи с Добровольческой армией и творческая работа для создания новой России – России после февральского переворота, форму правления которой может установить сам русский народ через свободно избранное народное собрание». (Примеч. пер.)].

Руководящее ядро организации располагалось в Москве. До конца 1918 года отделения центра были созданы в крупных городах европейской части России, в том числе в Петрограде, в крепостях Кронштадт и Красная Горка. В 1919 году центр был вовлечен в попытку генерала Юденича захватить Петроград. Антон Владимирович Карташев, бывший профессор Петербургской духовной академии, последний российский обер-прокурор Священного синода, первый и последний министр по делам исповеданий Временного правительства, в числе пяти представителей центра входил в политический совет Юденича. Согласно советским источникам, среди представителей центра в Кронштадте был профессор Давид Давидович Гримм, бывший ректор Петербургского университета, сыгравший заметную роль в событиях 1921 года.

Во время наступления Юденича на Петроград Кронштадт сохранял преданность большевикам, отражая нападения британцев с воздуха и торпедные атаки; несколько кораблей Балтийского флота получили повреждения и были потоплены. В отличие от Кронштадта на форте Красная Горка вспыхнул мятеж. Форт перешел на сторону белых и открыл огонь по Кронштадту. Очевидно, здесь не обошлось без участия центра, с молчаливого согласия британской разведки.

Резидент британской разведки, находившийся в то время в России, Пол Дюкс, которого Советы обвинили в участии в мятеже, отрицал личное вмешательство и связь Британии с Всероссийским национальным центром.

Мятеж был подавлен орудийным огнем с линкора «Петропавловск»; отряд кронштадтских моряков и красноармейцев пошел на штурм и захватил Красную Горку.

Вслед за поражением Юденича ЧК арестовала многих членов Национального центра, которых приговорили к расстрелам или длительным тюремным срокам. Однако ряд лидеров центра, и среди них профессор Карташев, смогли убежать из страны и, организовав новый штаб в Париже, приступили к восстановлению организации. К концу 1920 года у центра были уже отделения в Лондоне, Берлине, Гельсингфорсе во главе с профессором Гриммом и в других городах. Помимо Карташева, Струве и Родичева, в руководство центра входили такие известные кадеты и октябристы, как В.Д. Набоков (от Конституционно-демократической партии народной свободы) и А.И. Гучков (от Либеральной республиканской партии), несколько

народников правого крыла, в том числе В.Л. Бурцев, редактор газеты «Общее дело» [82 - Бурцев Владимир Львович – историк, издатель, журналист. В 1907 году эмигрировал в Париж. Издавал газеты «Общее дело» (1909 – 1910 гг.) и «Будущее» (1911 – 1914 гг.). В августе 1914 года вернулся в Россию. Издатель и редактор газет «Общее дело», «Наше общее дело». В октябре 1917 года арестован, в феврале 1918 года освобожден. Эмигрировал в Финляндию, затем во Францию, возобновил в Париже издание газеты «Общее дело» (1918 – 1922, 1928 – 1933 гг.), один из организаторов и член президиума Национального комитета (1921 г.), соредактор журнала «Борьба за Россию» (1926 – 1931 гг.). (Примеч. пер.)].

Некоторые из известных либералов, такие как Павел Милюков [83 - Милюков Павел Николаевич – политический деятель, историк, публицист. Один из создателей Конституционно-демократической партии (1905 г.), ее теоретик и лидер. В 1917 году министр иностранных дел Временного правительства 1-го состава. После октября 1917 года эмигрировал. (Примеч. пер.)] и Максим Винавер [84 - Винавер Максим Моисеевич – один из основателей партии кадетов, член ЦК, лидер Еврейской народной группы. После Октябрьской революции активно боролся против советской власти, в 1919 году был министром внешних сношений белогвардейского Крымского краевого правительства. В этом же году эмигрировал во Францию. (Примеч. пер.)], не захотели войти в организацию, отказавшись от надежды освободить Россию путем вооруженного вторжения, даже с помощью союзников.

В конце 1920 года Всероссийский национальный центр начал заблаговременно вести подготовку к съезду национального объединения. На съезде, проходившем в июне 1921 года в Париже, был создан Национальный комитет под председательством профессора Карташева. Основная цель вновь созданного комитета – «освобождение России из коммунистического рабства» [85 - Общее дело. 1921. 6 июня.].

С момента образования Национальный центр преследовал эту же цель, но постепенно один за другим командующие Белой армией – Юденич, Колчак, Деникин – терпели поражение. Однако генерал Врангель сумел эвакуировать большую часть своей армии. Примерно 70 – 80 тысяч белогвардейцев оказались в Константинополе, на Галлипольском полуострове (в Турции) и на острове Лемнос (в Греции), в Сербии и Болгарии, сохранив воинские звания и дисциплину. В августе 1920 года Франция признала де факто правительство Врангеля как правительство Юга России [86 - Правительство Юга России создано в Севастополе в апреле 1920 года как Совет начальников управлений, реорганизованный затем в Совет при главкоме ВСЮР Врангеле (с 11 мая – главком Русской Армии); с заключением соглашения с верхушкой

казачества Дона, Кубани, Терека и Астрахани (с 16 августа) стало называться правительством Юга России. Являлось фактически преемником деникинского Южнорусского правительства, последнего правительства из числа претендовавших на всероссийскую власть. (Примеч. пер.)] (единственная страна, оказавшая барону подобную честь).

С помощью Франции Врангель смог разместить свою армию в турецких военных лагерях. Его армада в составе дредноута [87 - Дредноут (от англ. dreadnought) – «неустрашимый» – английский линейный корабль, положивший начало этому классу кораблей. (Примеч. пер.)], нескольких эскадренных миноносцев и десятков других кораблей Черноморского флота и порядка 5 тысяч членов экипажей располагалась в Тунисском порту Безерта.

В ноябре 1920 года Париж формально отказался от поддержки армии Врангеля, но продолжал снабжать оружием «из гуманных соображений», одновременно убеждая Врангеля распустить армию.

Но их усилия не увенчались успехом. В марте 1921 года британский верховный комиссар в Стамбуле сэр Х. Румбольд заметил, что «генерал Врангель вероятнее всего выступит категорически против любых предложений, связанных с расформированием его армии, поскольку утверждает, что его армия является единственной антибольшевистской силой, готовой извлечь выгоду из событий, происходящих в России» [88 - Сэр Х. Румбольд – лорду Керзону, 17 марта 1921 года.].

Однако вернемся к деятельности Национального центра. В архивах этой организации хранится рукописный документ с пометкой «Совершенно секретно», озаглавленный «Докладная записка по вопросу об организации восстания в Кронштадте» [89 - Докладная записка по вопросу об организации восстания в Кронштадте: Рукопись / Колумбийский русский архив. См. полный текст «Записки» в Приложении 1.].

В «Докладной записке», датированной 1921 годом, излагается детальный план предполагаемого восстания в Кронштадте. Из записки становится ясно, что план составлен в январе или в начале февраля агентом Национального центра, расположенного в Выборге или Гельсингфорсе. Агент предполагает, что восстание матросов вспыхнет «предстоящей весной». В наличии «множество безошибочных признаков» недовольства большевиками, и, если «небольшая группа быстро и решительно захватит власть в Кронштадте», остальная часть флота и гарнизона последует за этой группой. «Среди матросов уже сформировалась такая группа, готовая и способная предпринять энергичные действия». При поддержке извне «можно полностью рассчитывать на успех восстания».

По всей видимости, автор «Записки» хорошо знаком с положением в Кронштадте. Он приводит точный план крепости, проводит анализ фортификационных сооружений. В «Записке» подчеркивается необходимость заранее подготовить продовольственные запасы для мятежников, воспользоваться помощью французов, загрузить продовольствие на транспортные суда в Балтийском море, которые по получении приказа двинутся к Кронштадту. Далее: следует мобилизовать Русскую Армию генерала Врангеля, которая будет действовать при поддержке французской морской эскадры и кораблей Черноморского флота, стоящих в Безерте. (Основное допущение: восстание должно начаться после весенней оттепели, когда растает лед и Кронштадт будет защищен от вторжения с материка, будут подготовлены продовольственные запасы и армия Врангеля будет в полной боевой готовности.)

Далее в «Записке» говорилось: по прибытии Русской Армии в Кронштадт командующий армией должен немедленно взять власть в свои руки. Крепость будет служить в качестве «неприступного опорного пункта» для высадки на материк, чтобы «свергнуть советскую власть в России». Однако успех операции будет зависеть от готовности французов оказать поддержку с моря и обеспечить деньгами и продовольствием. В противном случае, даже если восстание начнется, оно будет обречено на провал. Если правительство Франции согласится оказать помощь, то было бы желательно назначить «человека, с которым представители организаторов восстания смогут более детально обсудить все вопросы и кому смогут сообщить детали плана и дальнейшие действия, а также уточнить информацию о требующихся организации фондах и дальнейшем финансировании восстания».

Хотя автор «Записки» не известен, но все указывает на профессора Цейтлера, представителя русского (эмигрантского) Красного Креста в Выборге. До большевистской революции Цейтлер возглавлял Красный Крест в Петербурге. После революции он эмигрировал в Финляндию, где стал представителем русского Красного Креста. Цейтлер был тесно связан с Давидом Гриммом, бывшим коллегой по университету. Теперь Гримм стал главным представителем Национального центра в Гельсингфорсе и официальным представителем генерала Врангеля в Финляндии. Как представитель Красного Креста, Цейтлер занимался вопросами поставки продовольствия в Кронштадт и Петроград, а эта проблема занимает одно из основных мест в секретной «Записке». Например, в октябре 1920 года он направил сообщение в парижское отделение американского Красного Креста о продовольственном кризисе в Петрограде [90 - Нью-Йорк трибюн. 1921. 7 октября.].

Затем, спустя несколько месяцев, Цейтлер направил в адрес Национального центра в Париже весьма многозначительную телеграмму: «В связи с моей запиской. Ситуация требует немедленного решения вопросов о необходимости продовольственных поставок. Действия могут начаться в любой момент» [91 - Докладная записка по вопросу об организации восстания в Кронштадте.].

Дата на телеграмме «28. .1921». К сожалению, месяц не указан, но вполне вероятно, что это февраль: 28 февраля забастовочное движение в Петрограде достигло высшей точки, а в Кронштадте на линкоре «Петропавловск» была принята упомянутая выше резолюция. Под текстом приписка от руки «Здорово!» и подпись: «Г.Л. Владимиров» (бывший царский генерал, военный эксперт Национального центра). «Записка о необходимости продовольственных поставок», на которую ссылается Цейтлер, вполне может быть той самой секретной «Запиской». Еще один факт, говорящий о том, что ее автором является Цейтлер: 5 апреля 1921 года, вскоре после того, как большевики заняли Кронштадт, Цейтлер издал брошюрку, в которой сокрушался, что эмиграция не смогла обеспечить мятежников продовольствием, и предлагал новый план обеспечения поставок в Петроград, в случае если там опять начнутся беспорядки [92 - Цейтлер Г. О снабжении Петербурга. Выборг, 1921. (Один из фактов указывает на то, что авторство может принадлежать другому человеку с инициалами «Л. Г.»; во время мятежа статьи, подписанные инициалами «Л. Г.», появились в гельсингфорсской газете «Новая русская жизнь» за 15 и 17 марта 1921 года и несколько напоминали содержание секретной «Записки».)].

Во время мартовского восстания Цейтлер превзошел сам себя в усилиях обеспечить мятежникам поставки, чтобы предотвратить трагический конец.

Помимо секретной «Записки», имеются и другие доказательства того, что Национальный центр внимательно следил за событиями в Кронштадте с начала 1921 года. Следует, например, отметить, что первым газетные утки о восстании моряков в феврале 1921 года напечатал Союз русских литераторов и журналистов в Париже – организация, тесно связанная с Национальным центром. Владимир Бурцев – ведущая фигура центра и редактор газеты «Общее дело», газеты, на страницах которой появилась первая из серии статей о восстании в Кронштадте, – был одним из руководителей Союза русских литераторов и журналистов; редакция «Общего дела» одновременно являлась парижской штаб-квартирой Союза. Следует также отметить, что летом 1921 года там же проходили заседания Национального комитета под председательством профессора Карташева (см. объявление в газете «Общее дело» за 23 июня 1921 года).

Возможно, слухи просто отражали искреннюю уверенность экспатриантов [93 - Экспатриант – лицо, вынужденное покинуть родину и теряющее гражданство. (Примеч. пер.)], что восстание начнется в самое ближайшее время.

Однако лондонская газета «Дейли геральд» не разделяла этого мнения. Статьи в «Ле Матэн» и других газетах, писал корреспондент «Дейли геральд», показывают, что существовала «уверенность в том, что произойдет» в Кронштадте, а это свидетельствует о существовании контрреволюционного заговора, планируемого белой эмиграцией при поддержке союзников [94 - Дейли геральд. 1921. 7 марта.].

Не оставляет сомнений, что Национальный центр информировал, по крайней мере французов, относительно своих планов на Балтике и просил оказать помощь в претворении этих планов в жизнь [95 - По словам рижского корреспондента «Дейли геральд», примерно в январе 1921 года известный эсер Борис Савинков сообщил планы белой эмиграции в отношении восстания в Кронштадте и французам и англичанам // Дейли геральд. 1921. 18 марта.].

Итак, совершенно ясно, что в Национальном центре разрабатывались планы поддержки будущего Кронштадтского восстания. Судя по секретной «Докладной записке», представители центра на Балтике не собирались ограничиваться второстепенной ролью. Скорее всего, они стремились как можно быстрее наладить активное сотрудничество с мятежниками, предварительно заручившись обещанием французского Верховного командования о совместных действиях «в период подготовки и проведения восстания». Понятно, что центр собирался использовать восстание в собственных интересах.

Но была ли предварительно установлена связь с моряками, поднявшими восстание? В «Докладной записке», написанной в начале 1921 года, говорится о «наличии группы энергичных организаторов для проведения восстания» и что эта информация исходит из Кронштадта, возможно, из источников, дружески расположенных к центру. Маловероятно, что подобная группа была не только сформирована, но и активно действовала, если учесть, что у балтийцев в течение нескольких месяцев накапливалось недовольство правительством. Столь же маловероятно, что в такую организацию, даже если предположить, что она действительно существовала, входили будущие члены Временного революционного комитета. Доминирующая роль Петриченко с первых часов восстания – его подпись под резолюцией «Петропавловска», выступление на Якорной площади, руководство делегатским собранием 2 марта и Временным революционным комитетом –

дает возможность предположить, что он начал действовать еще до начала мятежа. Доказательством может послужить и заявление одного из членов ВРК, сказавшего: «Мы приказали отпустить Калинина 1 марта», то есть за день до образования ВРК Петриченко и его товарищи уже отдавали приказы [96 - Интервью с членами Временного революционного комитета: Рукопись / Библиотека Гувера. Ср. с таинственной ссылкой на письмо из Кронштадта, датированное 21 февраля 1921 года, в котором «участник восстания» заявляет, что он и его товарищи будут бороться до конца, чтобы свергнуть большевиков (барон Розен – М.Н. Гиерсу; архивы Миллера).].

Тогда получается, что Петриченко и его сообщники были той самой «группой энергичных организаторов», на которую возлагались надежды, и что в январе или феврале 1921 года представители Национального центра вступили с ними в переговоры. Имеется бесспорное доказательство, о котором будет сказано позже, что после подавления мятежа Временный революционный комитет вступил в переговоры с Национальным центром и некоторые из его членов нашли убежище в Финляндии, так что нельзя исключать возможность, что это было продолжение давних отношений. Тем не менее тщательный поиск не дал никаких доказательств, подтверждающих такую возможность. Ничто не указывает на то, что секретная «Докладная записка» была применена на практике или что до начала восстания существовала связь между эмиграцией и моряками-балтийцами. Как раз то, что восстание носило стихийный характер и на первый план быстро выдвинулась группа лидеров, свидетельствует об отсутствии контактов между эмиграцией и мятежниками. У каждого восстания, даже самого элементарного, есть свои «агитаторы» и «вожди», которые заставляют действовать, организуют и руководят возмущенными массами. В случае с Кронштадтом трудно предположить, что велась какая-то предварительная подготовка. Во-первых, если бы имелся заранее подготовленный план, то моряки, конечно, выждали бы несколько недель, пока растает лед. В этом случае исключалась возможность нападения пехоты с материка; два линкора, освободившись ото льда, были бы приведены в боевую готовность – и открыт путь для поставок с Запада. Во-вторых, имея такого ценного заложника, как Калинин, мятежники позволяют ему вернуться в Петроград. В-третьих, они не делают никаких попыток перейти в наступление. В-четвертых, в восстании принимало участие большое количество коммунистов. По крайней мере, на начальной стадии кронштадтцы рассматривали себя не как революционных заговорщиков, а как группу, оказывающую давление на правительство с целью проведения социальных и

политических реформ. В это верили и власти Петрограда, считает Катков, иначе они бы не направили 1 марта в Кронштадт Калинина и Кузьмина, а Васильев, председатель большевистского Кронштадтского Совета, не председательствовал бы на митинге, проходившем на Якорной площади, где была поставлена на голосование резолюция «Петропавловска» [97 - Катков Г. Кронштадтский мятеж. С. 27.].

Морякам не требовалось давление со стороны, чтобы поднять знамя восстания. Их недовольство правительством усиливалось от месяца к месяцу: уменьшение пайков, нехватка топлива, сокращение срока отпусков, бюрократизм на флоте, письма из дома с жалобами на большевистскую тиранию. В январе 1921 года порядка 5 тысяч моряков-балтийцев, недовольные политикой правительства, вышли из коммунистической партии. Увеличились случаи дезертирства с флота. Во время отпуска моряки получали представление о деятельности продотрядов и заградотрядов. Так что нет ничего странного в том, что к февралю 1921 года Кронштадт был готов к мятежу; толчком же послужили не заговоры русских эмигрантов и агентов иностранных разведок, а волна крестьянских восстаний, прокатившаяся по стране, и забастовки рабочих в соседнем Петрограде. Восстание разворачивалось по той же схеме, что и прежние выступления против центрального правительства начиная с 1905 года, – не важно, было это правительство царским, Временным или большевистским. Поразительное сходство наблюдается между мартовским мятежом 1921 года и мятежом на Петроградской военно-морской базе в октябре 1918 года, который опередил Кронштадт в своем протесте против реквизиции зерна и назначения политических комиссаров сверху, в своих призывах «Свободные Советы» и «Долой комиссарократию», и в участии левых эсеров, эсеров-максималистов, анархистов и беспартийных смутьянов ультрарадикального направления в роли подстрекателей.

Сами кронштадтцы, и во время мятежа, и находясь в изгнании, с негодованием отвергали все обвинения правительства относительно сотрудничества с какими-либо контрреволюционными группировками. В первую очередь, мятежники были категорическими противниками реставрации старого режима. «Мы защищаем власть всех трудящихся, и мы против тиранической власти одной-единственной партии», – писали «Известия ВРК» [98 - Правда о Кронштадте. С. 120.].

Мятежники утверждали, что их восстание было стихийным с начала до конца. До начала восстания в их среде не действовали никакие агитаторы, никто не распространял никакой антибольшевистской литературы, они не получали денег из-за границы, да и вообще никакой помощи. Это

высказывания оставшихся в живых мятежников, которым удалось убежать в Финляндию во время последней атаки большевиков [99 - Интервью с членами Временного революционного комитета.].

Особый интерес представляют заявления Петриченко. «Мы, кронштадтские моряки, – писал он в 1925 году, находясь в изгнании, – не контрреволюционеры, а самые что ни на есть защитники революции. Во время Гражданской войны мы с отчаянной храбростью защищали Петроград и всю Россию от белогвардейцев, и в марте 1921 года мы не утратили преданности общему делу. Отрезанные от внешнего мира, мы не могли получить помощи из зарубежных источников, даже если бы захотели. Нам не помогали ни капиталисты, ни меньшевики, ни эсеры. Наше восстание было стихийной попыткой ликвидировать большевистское давление. У нас не было никакого определенного плана действий, но мы понимали, что наш путь продиктован обстоятельствами. Возможно, кто-то составлял планы восстания – так часто случается в подобных ситуациях, но к Временному революционному комитету эти планы не имели никакого отношения. На протяжении всего восстания мы не выпускали инициативу из рук. Когда мы узнали, что представители правого крыла стремятся воспользоваться нашим восстанием в собственных интересах, мы немедленно предупредили об этом наших сторонников в статье, озаглавленной «Господа или товарищи» [100 - Петриченко С. О причинах Кронштадтского восстания // Знамя борьбы. Декабрь 1925 – январь 1926.].

Нижеприведенный отрывок из передовицы, напечатанной в «Известиях ВРК» 6 марта 1921 года.

«Товарищи, сейчас вы празднуете большую, бескровную победу над коммунистической диктатурой, но вместе с вами празднуют и ваши враги. Однако у вас с ними разные поводы для радости. Вы руководствуетесь горячим желанием восстановить власть Советов и благородной мечтой предоставить рабочему право свободного труда, а крестьянину право распоряжаться своей землей и плодами своего труда – они же лелеют надежду вернуть царский хлыст и генеральские привилегии. У вас разные стремления, а значит, они для вас не попутчики. Вы хотите свергнуть власть коммунистов ради мирного переустройства и творческой работы – они же для порабощения рабочих и крестьян. Вы стремитесь к свободе – они хотят опять заковать вас в кандалы. Смотрите в оба! Не позволяйте волкам в овечьей шкуре приближаться к капитанскому мостику» [101 - Правда о Кронштадте. С. 61.].

Если, несмотря на секретную «Докладную записку», русская эмиграция не являлась ни организатором, ни вдохновителем восстания, то с момента

начала мятежа она уж точно не оставалась без дела. Что и говорить, стремления мятежников никак не совпадали с целями эмиграции. Балтийцы стремились создать систему свободных Советов, в которых будут только представители рабочих и крестьян; они не собирались восстанавливать ни Учредительное собрание, ни свободы и политические права помещикам и представителям среднего класса. Тем не менее восстание пробудило надежды экспатриантов. Для Александра Керенского, возглавлявшего злополучное Временное правительство, Кронштадтский мятеж означал неизбежный крах большевизма.

Как и Керенский, лидер кадетов Милюков, утративший веру в вооруженную интервенцию, тоже приветствовал восстание как начало освободительного движения русского народа. В интервью парижскому корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» он оптимистично заявил, что дни большевистского режима сочтены, и обратился к американскому правительству с просьбой отправить мятежникам продовольствие, ничего не сказав о войсках и оружии. Винавер, однако, был более осторожен в своих высказываниях. «Трудно сказать, какие шансы на успех имеет этот мятеж. Сейчас большевики вполне могут подавить его» [102 - Нью-Йорк таймс. 1921. 9 марта.].

А вот Национальный центр ликовал. О том, что произошло в Кронштадте, хотя это и случилось несколько раньше, автор секретной «Докладной записки» предупреждал еще несколько недель назад. Теперь следовало немедленно собрать средства, чтобы оказать помощь мятежникам. Из секретного циркуляра, хранившегося в архиве Национального центра:

«Восстание в Кронштадте нашло отклик в сердцах всех русских изгнанников. Мы должны направить продовольствие и медикаменты под эгидой Красного Креста. Помимо этого, следует обеспечить мятежников самолетом, лодками, топливом и теплой одеждой. Необходимо, чтобы восстание распространилось на материк, пока большевики будут собирать силы для его подавления» [103 - Незаглавленный рукописный текст / Колумбийский русский архив.].

6 марта в «Общем деле» было опубликовано страстное обращение ко всем эмигрантским группам с просьбой объединить усилия для оказания помощи мятежникам, чтобы не упустить последний шанс спасти Россию: «Момент, который мы сейчас проживаем, больше не повторится. Не может быть и речи, чтобы оставаться равнодушными свидетелями событий. Мы обращаемся ко всем русским, а через них к нашим союзникам, оказать кронштадтским революционерам материальную помощь, обеспечить мятежников оружием, продовольствием для захвата Петрограда. Борьба с

большевиками наше общее дело! Если эти страшные дни мы проведем в пустопорожней болтовне, если не сможем вытащить себя из трясины бесконечных споров и принятий резолюций, горе нам, горе России! Если Европа, которая и так уже упустила много возможностей, упустит и эту, то горе ей, горе всему миру!» [104 - Общее дело. 1921. 6 марта.]

Хотя в эмигрантской среде не было согласия, обращение через «Общее дело» не прошло незамеченным. Уже на следующий день, 7 марта, Торгово-промышленный и финансовый союз в Париже объявил о намерении направить продовольствие в Кронштадт, сообщив о своем решении представителям в Гельсингфорсе. В адрес Временного революционного комитета была направлена радиogramма (радист с «Петропавловска» имел возможность получать сообщения через Ревель), убеждающая мятежников в полной поддержке. В радиogramме говорилось, что уже собрана сумма в два миллиона финских марок для помощи Кронштадту «в священном деле освобождения России» и, кроме того, В.А. Маклаков, посол Временного правительства во Франции, заручился обещанием министра иностранных дел Франции оказать помощь в поставке продовольствия кронштадтским мятежникам. Торгово-промышленный и финансовый союз в Париже 9 марта сформировал специальный комитет для организации поставок в Кронштадт и Петербург. На следующий день было проведено совместное заседание представителей всех антибольшевистских групп для выработки совместного плана действий.

Отделение Национального центра сформировало комитет по доставке ресурсов мятежникам. Профессор Гримм, представитель Врангеля в Финляндии, был избран председателем, а профессор Цейтлер, ставший самым активным членом комитета, спешно отправился в Париж, финансовый центр русской эмиграции, для сбора денег мятежным кронштадтцам. От председателя Торгово-промышленного и финансового союза, Н.Х. Денисова, Цейтлер получил 100 тысяч французских франков. После возвращения Цейтлера в Финляндию граф В.Н. Коковцов [105 - Коковцов Владимир Николаевич по окончании Александровского лицея работал в Министерстве юстиции и Главном тюремном управлении Министерства внутренних дел. В 1896 – 1902 годах занимал должность товарища министра финансов СЮ. Витте. В феврале 1904 года назначен министром финансов. После смерти Столыпина назначен председателем Совета министров, сохранив пост министра финансов. Всегда стремился к поддержанию бездефицитного бюджета за счет винной монополии и введения новых налогов. Способствовал укреплению союза с Францией и смягчению противоречий с Германией. Правительство Коковцова неоднократно вступало в конфликты с

Государственной думой. Критика крайне правых, обвинявших Коковцова в недостатке монархизма, и отрицательное отношение Коковцова к Г.Е. Распутину привели к его увольнению. Одновременно Коковцову был пожалован титул графа. В 1917 году входил в совет Русского внешнеторгового банка. В 1918 году эмигрировал во Францию, занимал пост председателя Международного коммерческого банка. (Примеч. пер.)], министр финансов при Николае II, а теперь председатель Международного коммерческого банка в Париже, отправил Цейтлеру 5 тысяч английских фунтов, а Русско-Азиатский банк пожертвовал 225 тысяч франков.

В сборе средств приняли участие русские банки, страховые компании, финансовые предприятия по всей Европе. Собранные средства передавались через Красный Крест Цейтлеру. 16 марта Коковцов сообщил, что депозиты для Кронштадта уже превышают 775 тысяч франков, или 2 миллиона финских марок, первоначально обещанных Торгово-промышленным и финансовым союзом мятежникам.

Эмигранты, помимо кампании по сбору средств, добивались помощи от государств Антанты. Представители Национального центра направили телеграммы президенту Гардингу [106 - Гардинг Уоррен – 29-й президент США. (Примеч. пер.)] и Герберту Гуверу, министру торговли США, с просьбой о незамедлительной поставке продовольствия морякам Кронштадта.

Подобные просьбы поступили от Русского парламентского комитета в Париже и генерала Врангеля из Константинополя. Кроме того, генерал Врангель направил сообщение в Кронштадт Козловскому, предлагая помощь своей Русской Армии, как только она будет мобилизована.

Бывшие члены распущенного Учредительного собрания, собравшись в Париже, телеграфировали Борису Бахметьеву, послу Временного правительства в Вашингтоне, с просьбой попытаться убедить американцев в необходимости оказать помощь мятежникам. Но правительство Соединенных Штатов, не желая вмешиваться в политическую жизнь России, оставалось глухо ко всем просьбам. Что касается Англии, то в скором времени она должна была подписать торговое соглашение с Советской Россией.

Основную помощь оказала Франция, эта страна, из всех союзнических стран, была самым непреклонным противником большевистского режима. Из архивных документов стало известно, что во время Кронштадтского восстания Национальный центр поддерживал контакт с министерством иностранных дел Франции.

В газете «Дни» (газета Керенского, издававшаяся в Берлине и Париже) в

Берлине появилось сообщение, что французская эскадра получила приказ отплыть в Ревель для оказания помощи кронштадтцам, но нет никаких доказательств, подтверждающих это сообщение.

Согласно лейбористской газете «Дейли геральд», мятежники получили финансовую помощь от французов. «Могу с уверенностью сказать, что французское правительство заинтересовано в Кронштадте и большая сумма денег для мятежников отправлена профессору (очевидно, Цейтлеру) в Выборг. Под прикрытием Красного Креста мятежникам также направлено продовольствие», – пишет корреспондент «Дейли геральд» 14 марта 1921 года.

Вполне возможно, что часть денег, которые русские эмигранты отправили Цейтлеру в Выборг, была передана французским правительством (надо заметить, что в тот период французы продолжали снабжать армию Врангеля, находившуюся в Турции). В то же время Франция, хотя и медленнее, чем Англия, двигалась навстречу Советской России, и мало верится, что ее помощь Кронштадту была столь уж значительной. Согласно хорошо информированной парижской газете Павла Милюкова, французы отказались вмешиваться в ход восстания и ограничились тем, что обратились к Финляндии с просьбой пропустить через ее границу продовольствие для голодающего населения Кронштадта. Эта информация соответствует детальному и чрезвычайно важному сообщению Гарольда Куартона, американского консула в Выборге, госсекретарю США в Вашингтон; признавая, что из всех иностранных держав Франция оказалась в наибольшей степени вовлеченной в кронштадтские события, однако, заканчивает консул свое сообщение, ее помощь была незначительной.

Но в отношении участия Красного Креста у большевиков (и «Дейли геральд») имелись веские основания. Национальный центр для организации поставок в Кронштадт, вне всякого сомнения, использовал в качестве прикрытия русский Красный Крест. Этот факт подтверждает частная переписка представителей Национального центра на Балтике.

В то же время обвинения советской стороны, что и международный и американский Красный Крест тоже были привлечены к делу, безосновательны. Профессор Цейтлер надеялся воспользоваться продовольственными запасами международного Красного Креста в Щецине и Нарве, и русский Красный Крест в Париже телеграфировал в Женеву в надежде получить разрешение, но ответа не последовало. Кроме того, Цейтлер обращался к полковнику Райану, официальному представителю американского Красного Креста на Балтике, с просьбой передать имеющиеся в его распоряжении запасы продовольствия в Выборге кронштадтским мятежникам. (Национальный центр наверняка считал, что имеет полное

право потребовать это продовольствие, поскольку оно было куплено в 1919 году генералом Юденичем, чтобы накормить население Петрограда, как только удастся расправиться с большевиками. Позже продовольствие передали американскому Красному Кресту для оказания помощи беженцам на Балтике.)

Райан, желая помочь, поехал 11 марта в Париж, чтобы посоветоваться с руководителями европейского отделения американского Красного Креста. Однако переговоры ни к чему не привели. Как сказал Райан корреспонденту «Общего дела», перед ними были две серьезные проблемы. Первая – это та, что американский Красный Крест не может оказывать помощь ни одной политической или военной партии. Вторым, более серьезным препятствием было отсутствие возможности сообщаться с Кронштадтом и посылать туда помощь (Финский залив скован льдом). «Все мои попытки оказать помощь из Риги дали неудовлетворительные результаты, ибо с Кронштадтом можно снестись только через Финляндию», – сказал Райан, а финны не пропустят продовольствие через свои границы [107 - Общее дело. 1921. 17 марта. После восстания в письме руководителю русского Красного Креста в Париже Цейтлер признался, что ни британский, ни американский Красный Крест не оказывали никакой помощи. Он писал, что никогда не забудет «торжествующего тона» одного из представителей американского Красного Креста (Хопкинса), которым он произнес: «Как хорошо, что мы не отдали вам нашу муку». Цейтлер – Б.Е. Иваницкому, 20 марта 1921 года. Архив Гриерса.].

Несмотря на обвинения большевиков, что во время мятежа Финляндия сотрудничала с белыми, по словам Гарольда Куартона, финны «свято соблюдали недавно заключенный мирный договор» (от 14 октября 1920 года) с советским правительством. Финляндия считала Кронштадтский мятеж преждевременным и обреченным на неудачу и не хотела давать большевикам никаких поводов для ответных действий. В лучшем случае, как впоследствии заметил Цейтлер, финны могли отправить в Кронштадт медикаменты, но они не сделали и этого [108 - Куартон – Государственному секретарю США, 11 марта 1921 года / Национальный архив; Цейтлер Г. О снабжении Петербурга.].

В Париже Национальный центр и его сторонники были возмущены неожиданно возникшими проблемами с поставками через границу. Князь Г.Е. Львов, предшественник Керенского на посту главы Временного правительства, умолял посла Финляндии пересмотреть принятое решение, а затем попытался заставить французов вмешаться в возникший конфликт. Кроме того, Львов обратился в американский Красный Крест с просьбой

отправить продовольствие, хранящееся на складах в Выборге, в Кронштадт и Петербург; его усилия не увенчались успехом.

Однако время поджимало. В Кронштадте складывалась отчаянная ситуация с продовольствием, настолько отчаянная, что 13 марта Петриченко связался с профессором Гриммом и уполномочил его обратиться к Финляндии и другим странам с просьбой оказать помощь. По словам Куартона, финский Генеральный штаб придерживался мнения (и был прав, как показали события), что мятежникам может не хватить имеющихся у них запасов продовольствия. Однако Куартон отговаривал Вашингтон отправлять продовольствие на санях, опасаясь, что его могут перехватить.

Специальный представитель Соединенных Штатов в Берлине, Дрезел, придерживался того же мнения; любое вмешательство может только помочь Ленину выпутаться из трудностей, объединит Россию против иностранного вторжения. Следовательно, попытка удовлетворить просьбу русских эмигрантов из Парижа может быть «неправильно истолкована» [109 - Дрезел – Государственному секретарю США, 14 марта 1921 года / Государственный архив, 861.00/8323.].

Госсекретарь направил полученное от Дрезела сообщение в национальный штаб американского Красного Креста, и, возможно, оно повлияло на решение данной организации не вмешиваться в дела России. «Красный Крест не оказывал никакой помощи мятежникам в Кронштадте и даже не пытался этого делать», – написал генеральный секретарь американского Красного Креста спустя два месяца после восстания [110 - Генеральный секретарь американского Красного Креста – Государственному секретарю США, 21 мая 1921 года / Государственный архив, 861.00/8572. Во втором письме (от 24 мая 1921 года) он отмечает, что помощь оказывалась только кронштадтским беженцам в Финляндии.].

Со своей стороны русский Красный Крест делал все возможное, чтобы помочь мятежникам. Теперь Цейтлер не только продолжал сбор финансовых средств, но и мучительно искал способ переправить продовольствие в осажденный Кронштадт. Под видом представителя Красного Креста 16 марта барон фон Вилькен [111 - Вилькен Павел Викторович, капитан 1-го ранга, окончил Морской кадетский корпус, Николаевскую морскую академию. Участвовал в обороне Порт-Артура. На паровом катере «Победа» прорвался в Читу накануне сдачи Порт-Артура. Командовал эсминцами «Легкий» (1914 г.), «Сибирский стрелок» (1914 – 1916 гг.), 4-м (1916 г.), 1-м (1917 г.) дивизионами миноносцев Балтийского моря, линкором «Севастополь» (04.1917 – 05.1918). Участвовал в Ледовом походе Балтийского флота. Сражался против большевиков в Северо-Западной армии генерала от

инфантерии Н.Н. Юденича (1919 г.). Эмигрировал в Финляндию. Председатель группы русских морских офицеров в Финляндии (1931 г.). Награжден Золотым оружием «За храбрость» в 1905 году. (Примеч. пер.)] перешел по льду в Кронштадт.

Большевики называли его агентом белых, хотя он, несмотря на их утверждения, не прикрывался американским или международным Красным Крестом. Его «секретная миссия», как назвал ее Куартон, состояла в том, чтобы предложить Временному революционному комитету продовольствие и медикаменты, как только будет налажена линия поставки.

Раньше мятежники, несомненно, резко отклонили бы подобное предложение. Но сейчас они отчаянно нуждались в помощи: продовольствие и медикаменты были на исходе. Сомнения относительно мотивов, которые двигали Вилькеном (его офицерское прошлое было прекрасно известно мятежным лидерам), не стали принимать в расчет, и «вожди» восстания приняли его предложение. Красный Крест, по мнению Петриченко, был «благотворительной, а не политической организацией» [112 - Знамя борьбы. Декабрь 1925 – январь 1926. С. 8.].

Однако, утверждает Петриченко (и коммунисты подтверждают его слова), мятежники не дождались никакой помощи извне.

Финские контрабандисты привезли на санях несколько тонн муки и сала, но даже эта помощь пришла слишком поздно; груз захватили большевики.

Таким образом, все усилия русской эмиграции закончились полным провалом. Ни с каких складов Красного Креста мятежники не получали продовольствия и медикаментов. Финляндия заблокировала проход через границы. Попытки добыть ледакол и транспортные суда не увенчались успехом. Последний удар был нанесен 16 марта, когда было подписано советско-британское торговое соглашение. «Общее дело» назвало это «ударом в спину» [113 - Общее дело. 1921. 18 марта.].

Короче говоря, не было сделано ничего для претворения в жизнь секретной «Докладной записки». Возможно, если бы восстание не вспыхнуло так рано и не застало эмигрантов врасплох, им бы удалось сделать необходимые приготовления. После подавления восстания продовольствие и медикаменты, предназначавшиеся для мятежников, дошли до адресата, точнее, до тех, кто оказался в лагере для беженцев в Финляндии.

Несмотря на призывы Бурцева к сплочению ради «общего дела» – свержения большевистской власти, русских экспатриантов раздирали противоречия. Во время восстания меньшевики, социалисты-революционеры и либералы Национального центра не могли прийти к единому мнению – каждый шел своим путем.

События в Кронштадте вдохнули новую жизнь в организацию эсеров. В Париже, Берлине, Праге наиболее известные лидеры партии эсеров – Александр Керенский, бывший глава Временного правительства, и Виктор Чернов [114 - Чернов Виктор Михайлович – политический деятель, социолог, публицист. В революционном движении с конца 1880-х годов. В начале 1900-х годов – один из основателей партии эсеров, ее теоретик и член ЦК. Редактор ряда партийных изданий. В мае – августе 1917 года – министр земледелия Временного правительства; 5 января 1918 года избран председателем Учредительного собрания. В Гражданскую войну участник ряда антибольшевистских организаций. С 1920 года в эмиграции. (Примеч. пер.)], председатель недолго просуществовавшего Учредительного собрания, – взяли на себя решение задачи по увеличению фондов, необходимых для поддержки восстания.

Из частной переписки, перехваченной большевиками, а затем изданной в Советской России, стало известно, что им удалось собрать значительные средства. В письмах от 8 и 13 марта 1921 года, отправленных из Праги В.М. Зиновьевым в Париж члену эсеровского Административного центра, указываются суммы 100 тысяч французских франков и 25 тысяч долларов, присланные из Нью-Йорка Борисом Бахметьевым [115 - Бахметьев был назначен послом в Америку при правительстве Керенского. Правительство Вильсона, несмотря на свое заявление в начале 1918 года о благожелательном отношении к Советской России, не прекратило деятельности Бахметьева как посла. Впоследствии лишенный формальных прав посланника, Бахметьев тем не менее продолжал пользоваться поддержкой американских правительственных органов. (Примеч. пер.)], послом Керенского в Соединенных Штатах. В письмах содержалась информация и о том, что в Амстердаме находится порядка 50 тысяч фунтов муки, готовой к отправке в Кронштадт [116 - Работа эсеров за границей. М., 1922. С. 66 – 70.].

Собранные средства должны были стекаться в Ревель к Виктору Чернову, который играл у эсеров ту же роль, что Цейтлер и Гримм в Национальном центре кадетов. В первые дни восстания Чернов направил Временному революционному комитету радиogramму следующего содержания: «Председатель Учредительного собрания Виктор Чернов посылает братские поздравления героическим морякам и рабочим, которые в третий раз, начиная с 1905 года, сбрасывают оковы тирании. Предлагаю помощь людьми и продовольствием. Сообщите, что и в каком количестве вам требуется. Я готов приехать лично, чтобы направить свою энергию на дело служению

народной революции. Я верю в окончательную победу трудящихся масс. Да здравствуют первые, поднявшие знамя свободы! Долой деспотизм слева и справа!» [117 - Революционная Россия. 1921, № 8. С. 3 – 4; Беркман А. Кронштадтский мятеж. С. 16.]

Временный революционный комитет провел совещание по рассмотрению предложений Чернова. Только Вальк проголосовал за; Перепелкин был категорически против, а остальные поддержали Петриченко и Кильгаста, которые считали, что пока лучше отклонить это предложение.

Чернову направили ответную радиограмму примерно такого содержания: Временный революционный комитет выражает всем нашим братьям за границей глубокую благодарность за их поддержку. Временный революционный комитет благодарен за предложение Чернова, но отклоняет его, пока не прояснятся дальнейшие события [118 - Революционная Россия. 1921. № 8. С. 3 – 4.].

Вполне дружелюбный тон. Балтийцы, полагая, что восстание распространится на материк, не видели необходимости в помощи извне, но в то же время не хотели резко отказываться от предложенной помощи, полагая, что она еще может им понадобиться. В конечном итоге никакой помощи не понадобилось: никому не удалось добраться до Кронштадта.

В отличие от кадетов и эсеров меньшевики держались в стороне от антибольшевистских заговоров и не предпринимали попыток помочь мятежникам. С момента захвата Лениным и его сторонниками власти меньшевики действовали как законная оппозиция, надеясь получить свою долю власти с помощью открытых выборов в Советы. Во время Гражданской войны, считая белых большим злом, чем большевиков, меньшевики выступали против вооруженного восстания с целью свержения большевистского режима и предупреждали, что исключат из своей партии любого, кто присоединится к контрреволюции. Например, Иван Майский, будущий советский дипломат, был исключен из меньшевистской партии после того, как стал членом антибольшевистского эсеровского правительства [119 - В июне 1918 года в Самаре после занятия города чехами и словаками было создано самое крупное из эсеровских правительств – Комуч (Комитет членов Учредительного собрания). Председателем его стал В.К. Вольский. Комуч практически все время существования (до октября 1918 года) оставался однопартийным правоэсеровским парламентом, хотя в Совет управляющих ведомствами (высший орган центрального управления) помимо 13 министров-эсеров входили: 1 меньшевик (министр труда И.М. Майский) и 2 беспартийных. (Примеч. пер.)].

В 1921 году, обвиняя большевиков в деспотизме, меньшевики тем не менее

были глубоко убеждены, что вооруженная борьба против правительства Ленина будет только на руку контрреволюции. «Социалистический вестник», эмигрантский журнал меньшевиков, разделяя отношение кронштадтских моряков к однопартийной диктатуре и политике военного коммунизма, отмежевывался от попыток кадетов и эсеров вмешаться в политическую жизнь России.

Итак, подведем итог. Русские эмигранты приветствовали восстание в Кронштадте и всеми силами стремились помочь мятежникам, каждый по-своему. В этом смысле обвинения в их адрес со стороны Советской России справедливы, чего нельзя сказать относительно обвинений в том, что они организовали восстание. Кронштадтское восстание с начала до конца было стихийным, независимым от внешних влияний движением. Со всей очевидностью доказано, что восстание не базировалось на заговоре. В русских кругах за границей созрел заговор, но заговорщики, разделяя чувства моряков к существующему режиму, не играли существенной роли в самом восстании. Национальный центр предвидел мятеж, строил планы по оказанию поддержки мятежникам и с помощью французов надеялся организовать линию поставки продовольствия, медикаментов, оружия, людских ресурсов. Основная задача центра состояла в том, чтобы принять на себя руководство восстанием и превратить Кронштадт в плацдарм для нового наступления на большевиков. Их расчеты не оправдались. Восстание вспыхнуло слишком рано, когда еще не начал таять лед, не были налажены линии поставок, не удалось заручиться поддержкой Франции и т. д. и т. п.

Нет ничего странного, что кадеты и эсеры пытались использовать мятеж в собственных интересах, но тон задавали моряки и их Временный революционный комитет. Только когда положение стало безнадежным, кронштадтцы обратились за помощью, поскольку были твердо уверены, что их пример вызовет массовое восстание на материке. Однако они так и не получили никакой помощи, хотя эмигранты прикладывали максимум усилий, стараясь поддержать мятежников. Не считая появления в Кронштадте 16 марта барона фон Вилькена, за время восстания у мятежников не было непосредственных контактов с потенциальными сторонниками. Нет никаких фактов, доказывающих связь эмигрантов с бывшими царскими офицерами, находившимися в Кронштадте.

Однако после подавления мятежа между эмигрантами и участниками мятежа было заключено некое соглашение, и руководителям мятежа удалось бежать в Финляндию. В мае 1921 года Петриченко и несколько его товарищей, размещенные в форту Ино, приняли решение пойти добровольцами в армию генерала Врангеля. Они написали письмо

профессору Гримму, представителю Врангеля в Гельсингфорсе, выразив желание присоединиться к новой кампании по свержению большевистской власти и восстановлению завоеваний революции 1917 года. Моряки предложили программу действий как основу общего дела:

ЗЕМЛЮ КРЕСТЬЯНАМ.

НЕЗАВИСИМЫЕ ПРОФСОЮЗЫ РАБОЧИМ.

СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ КРОНШТАДТСКИМ БЕЖЕНЦАМ.

СНЯТЬ ПОГОНЫ С ФОРМЫ ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК.

ПРИНЯТЬ ЛОЗУНГ «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ, А НЕ ПАРТИЯМ».

Однако лозунг должен был использоваться только как «средство, пригодное для политического маневрирования», до тех пор пока не удастся свергнуть коммунистов. В случае победы устанавливалась военная диктатура, чтобы не допустить хаоса и анархии в стране. Последний пункт был явно предназначен лично Врангелю – что-то вроде подарка в знак благодарности. Единственное, на чем моряки настаивали с полной категоричностью, – это на том, что русский народ должен «сам для себя решить, какое хочет правительство» [120 - Петриченко – Гримму, форт Ино, 31 мая 1921 года; Петриченко – Врангелю, 31 мая 1921 года. Архивы Гримма и Гриерса.].

Гримм сразу согласился на эти условия, а спустя несколько недель пришел положительный ответ от Врангеля. Договор, похоже, вступал в силу. Летом 1921 года, если верить сообщениям советских чекистов, Петриченко в сотрудничестве с Гриммом и Вилькеном набрал группу моряков, сбежавших из Кронштадта, и тайком ввез их в Петроград. В нужный момент эта группа должна была принять участие в борьбе против коммунистов. Моряки действовали под руководством Петербургской боевой организации, возглавляемой В.Н. Таганцевым, профессором географии Петербургского университета, и связанной с Национальным центром. Рано или поздно армия Врангеля должна была начать действовать, но, прежде чем это произошло, Петербургская боевая организация была раскрыта и уничтожена.

Моряки, однако, не пали духом. В июне 1921 года на съезде Русского национального объединения, созданного по инициативе Национального центра, решался вопрос объединения эмиграции в походе против большевизма. Группа кронштадтских беженцев отправила из Финляндии письмо в адрес съезда, горячо одоблив принятую программу действий.

В архиве Национального центра есть секретный документ от 30 октября 1921 года, подписанный Петриченко и Яковенко, как председателем и

заместителем председателя Временного революционного комитета, который наделяет полномочиями действовать в качестве представителя кронштадтских беженцев Всеволода Николаевича Скосырева для «координации активной работы с другими организациями, стоящими на платформе вооруженной борьбы против коммунистов» [121 - Мандат. 1921. 30 октября / Колумбийский русский архив.].

Все это, конечно, не доказывает, что между Национальным центром и Временным революционным комитетом была связь до и во время Кронштадтского мятежа. Скорее взаимный опыт горечи и поражений и общее стремление свергнуть советский режим руководили их желанием объединить усилия. Большевики упорно отрицали стихийную природу восстания, обвиняя в заговоре различные оппозиционные группы – от монархистов до анархистов, действовавших в сотрудничестве с секретными службами союзников, но не выдвигая никаких убедительных доказательств, подкрепляющих эти обвинения. Выступая 15 марта 1921 года на X съезде партии, Ленин сказал, что в Кронштадте «не хотят ни белогвардейцев, ни нашу власть» [122 - Десятый съезд РКП (б). С. 414.].

Упорно настаивая, что эмиграция сыграла важную роль в Кронштадтском восстании, Ленин признавал, что восстание не было простым повторением Белого движения времен Гражданской войны. По его словам, «кронштадтские события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было» [123 - Десятый съезд РКП(б). С. 33 – 34.]. Он рассматривал восстание скорее как признак непримиримых разногласий, грозящих отделить его партию от русского народа. Восстание отразило недовольство русского крестьянства, мелких собственников, которые не нуждались в государстве и хотели по собственному разумению распоряжаться своей землей. «Эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной... в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности...» [124 - Там же. С. 33 – 34.], а демобилизация выпустила на свободу огромное количество потенциальных мятежников.

Бухарин придерживался того же мнения. Намного опаснее Кронштадта, сказал Бухарин, «мелкобуржуазная зараза», которой часть рабочих заразилась от крестьянства. Она представляет большую опасность, чем какой-то генерал, поднявший военный мятеж в Кронштадте. Спустя несколько месяцев Бухарин опять вернулся к этой теме. «Теперь у нас есть документы, – сказал он, выступая на IV съезде Коминтерна в июле 1921 года, – которые ясно показывают, что белогвардейские центры подстрекали к

восстанию, но в то же время кронштадтский мятеж был мелкобуржуазным восстанием против социалистической системы экономического принуждения» [125 - Там же. С. 224 – 225; Бухарин Н. Новая политика Советской России. Чикаго. 1921. С. 56.].

Кронштадтский мятеж явился следствием стихийных восстаний крестьян и выступлений рабочих, охвативших всю страну. В совокупности эти движения означали массовый протест против большевистской диктатуры и исчерпавшей себя политики военного коммунизма. Это было выступление народа против правительства, и восстание в Кронштадте стало наиболее красноречивым и драматическим выражением народного протеста.

Глава 4

ПЕРВАЯ АТАКА

Большевики, столкнувшись с сильнейшим внутренним кризисом, решили как можно скорее подавить восстание. Речь шла о судьбе их правительства. С одной стороны, название «Временный революционный комитет», принятое лидерами мятежников 2 марта 1921 года, было не чем иным, как провокацией, вызовом, брошенным в лицо существующему правительству. Однако еще более опасным было первое требование резолюции, принятой на линкоре «Петропавловск». Призывая к новым выборам в Советы, «ввиду того, что настоящие Советы не выражают волю рабочих и крестьян» [126 - Правда о Кронштадте. С. 45.], мятежники ставили под сомнение законность власти большевиков. 3 марта в первом номере кронштадтских «Известий» опять был поднят этот вопрос. Коммунистическая партия полностью отделилась от народа, гласила передовица. Только общими усилиями трудящихся масс, действуя через свободные выборы в Советы, можно спасти страну от дальнейшей нищеты и угнетения.

Учитывая недавние беспорядки в Москве и Петрограде, неутихающие крестьянские восстания, подобное заявление явно носило подрывной характер в глазах властей. Если не принять срочных мер, то Кронштадт может повлечь всеобщий переворот.

Оживление в эмигрантской среде являлось еще одной причиной для беспокойства. После Гражданской войны, длившейся почти три года, советские лидеры испытывали священный страх перед контрреволюционными заговорами. Партия, питаясь нескончаемым потоком слухов, была охвачена «белой паникой» (сравнимой с «красной паникой» на Западе). Многие большевики, особенно в первые дни восстания, когда

царило всеобщее замешательство и не было достоверной информации о происходящем, предполагали, что здесь не обошлось без антисоветского заговора. После длинного перечня генералов – Корнилов, Краснов, Миллер, Юденич, Колчак, Деникин, Врангель, – за спиной которых стояли Антанта и русская оппозиция, генерал Козловский казался подходящей фигурой. Когда известие о восстании достигло Петрограда, зять Зиновьева разбудил Виктора Сержа, жившего в «Астории». «Кронштадт захвачен белыми. Мы ждем распоряжений», – взволнованно сообщил он [127 - Серж В. Указ. соч. С. 124.].

Вряд ли большевики подозревали о существовании секретной «Докладной записки», поступившей в Национальный центр, но они понимали, что разрабатываются планы поставки продовольствия, медикаментов и оружия в мятежный Кронштадт. Как вы помните, советские чекисты перехватили переписку лидеров эсеров. Большевики знали и о предложении Чернова оказать помощь мятежникам. Кроме того, о кампании по сбору денег, проводившейся кадетами и октябристами, сообщалось в эмигрантских газетах. Не прошла незамеченной деятельность Цейтлера и Гримма в Финляндии.

То, что эмигранты в Париже, Берлине и Гельсингфорсе внезапно оживились, несомненно, повлияло на решение правительства быстро и решительно подавить мятеж.

Получается, что обвинения в контрреволюционном заговоре были не просто сфабрикованной пропагандистской уловкой, а скорее пропагандой в сочетании с искренним беспокойством, связанным с мрачной перспективой возрождения Белого движения. В любом случае, большевики пользовались всеми средствами, чтобы дискредитировать кронштадтцев в глазах народа. Какой эффект произведет восстание на армию? Ответ на этот вопрос вызывал особое беспокойство властей. Если придется привлечь армию к подавлению мятежа, то надо представить восстание как опасное контрреволюционное движение. По этой причине Козловского связали с белыми генералами и назвали «новым Юденичем» [128 - Петроградская правда. 1921. 4 марта.], угрожающим Петрограду с Балтики.

Циркуляр, направленный в Красную армию, обвинял мятежников в попытке прервать мирные переговоры с поляками в Риге; за Кронштадт, объяснили солдатам, их демобилизуют и позволят вернуться домой.

Кроме того, объясняли большевики, восстание является «частью большого плана спровоцировать волнения в Советской России, чтобы нанести вред ее положению на мировой арене» [129 - Правда о Кронштадте. С. 71.]. Белые задумали не только подтолкнуть поляков к интервенции – их не устраивает

ослабление напряженности в отношениях с Западом. Они стремятся не допустить никаких сбоев в политике Соединенных Штатов в сторону примирения с Советской Россией. Согласно большевистской печати, новый республиканский президент Уоррен Гардинг готов возобновить торговые отношения с Россией. Откуда эта удивительная уверенность? По всей видимости, ее внушил визит богатого бизнесмена Фрэнка А. Вандерлипа [130 - Вандерлип Фрэнк А. – известный американский банкир, представитель фирмы Моргана, приехавший в Россию в 1920 году для предварительных переговоров о заключении нефтяной концессии в Баку. Условия, предложенные советским правительством, не удовлетворили его, и он уехал обратно. (Примеч. пер.)], имевшего связь с влиятельными людьми в Вашингтоне.

На X съезде партии Лев Каменев столь же бездоказательно заявил, что контрреволюционеры твердо решили помешать заключению торгового соглашения с Британией.

Как сообщал Леонид Красин из Лондона, «некоторые лица стараются отсрочить, а если получится, сорвать переговоры» [131 - Дейли геральд. 1921. 7 марта.]. Однако Красин был уверен, что Кронштадт ждет та же судьба, что и предыдущие заговоры белогвардейцев. Советское правительство, говорил он, в течение трех лет успешно справлялось с трудностями, и Кронштадт не будет исключением.

Большевиков сильно беспокоила решимость эмиграции получить доступ к Кронштадту и использовать его в качестве плацдарма для высадки на материк. Это означало ни много ни мало как возобновление гражданской войны, а если учесть, что страна и так была на последнем дыхании, то советский режим мог не пережить этого удара. Другими словами, власти не столько боялись самого восстания, сколько его последствий. Реальная опасность, сказал Ленин в своем выступлении на открытии X съезда партии, состоит в том, что Кронштадт может стать «шагом, лестницей, мостом» [132 - Десятый съезд РКП (б). С. 34.] для возрождения Белого движения.

Именно по этой причине Ленин и его соратники видели в морях контрреволюционеров. Скажите нам, кто ваши сторонники, – и мы скажем вам, кто вы, – казалось, думали большевики. Они говорили о мятежниках не как о злейших врагах народа, а как о своенравных братьях, в равной степени достойных жалости и осуждения. «Мы очень долго ждали, – сказал Троцкий на параде войск, подавивших мятеж, – когда наши товарищи матросы увидят собственными глазами, кто руководит их мятежом». Примерно в том же духе высказался Бухарин на III съезде Коминтерна: «Кто говорит, что Кронштадтское восстание было белым? Нет. Ради идеи, ради нашей цели, мы

были вынуждены подавить мятеж наших допустивших ошибку братьев. Мы не можем видеть в кронштадтских моряках своих врагов. Мы любим их как братьев, как собственную плоть и кровь».

У зарубежных коммунистов вроде Виктора Сержа и Андре Моризе подобные заявления вызывали сильнейшее недоумение. Их убеждали, что Кронштадт является простым повторением антибольшевистских движений времен Гражданской войны, но они были удивлены и обеспокоены тем, что советские лидеры не говорят о преступных замыслах, которые разделяют белые легионы и их сторонники, придерживаются тактики умалчивания. Однако они понимали, перед какой дилеммой оказались их товарищи-большевики: удержать власть и при этом сохранить идеалы революции. После серьезной переоценки ценностей и с «невыразимой мукой» Серж принял сторону советских коммунистов, даже при том, что Кронштадт, по его словам, был по-своему прав, а партия, раздутая от непрерывного притока охотников за властью, не вызывала особого доверия у своего народа. Свержение диктатуры большевиков приведет к хаосу, восстанию крестьян по всей стране, уничтожению коммунистов, возвращению эмигрантов с их бесплодной политикой и в конечном итоге – к установлению очередной диктатуры, но на этот раз антипролетарской. Однако Серж поклялся, что не возьмется за оружие, чтобы бороться с голодными матросами и рабочими [133 - Серж В. Указ. соч. С. 126 – 129.].

Оружием, конечно, воспользовались, чтобы подавить мятеж, но действительно ли нужна была сила? Насколько серьезно большевики пытались достигнуть мирного урегулирования, прежде чем пустить в ход оружие? По их мнению, было сделано все возможное, чтобы избежать кровопролития, но на самом деле они могли сделать намного больше. В первую неделю восстания к мятежникам действительно неоднократно обращались с призывами прислушаться к голосу рассудка. Как вы помните, 1 марта в Кронштадт в качестве миротворцев приехали Калинин и Кузьмин. Они выступали на Якорной площади, а на следующий день Кузьмин выступил на делегатском собрании в Морском инженерном училище. Они не пошли на уступки, такие, например, как предоставление гарантий бастующим рабочим Петрограда. Хотя ситуация явно требовала тактичных, примирительных интонаций, таковые отсутствовали в выступлениях Калинина и Кузьмина. Их поведение было вызывающим, а говорили они в столь угрожающем тоне, что невольно провоцировали моряков на ответную грубость. Власти не были расположены к ведению серьезных переговоров – они начали с ультиматума: или вы приходите в чувство, или ответите за содеянное.

Начало было явно неудачным. Мятежники отозвались бы на более сочувственный тон, и у большевиков появились бы шансы закончить дело мирным путем, но они столкнулись с одним из наиболее серьезных кризисов в своей истории, и им было не до компромиссов. Нервы были напряжены. Большевики боялись поляков, эмигрантов, Антанты, а кронштадтские события могли положить начало новой интервенции. Восстание в Кронштадте могло распространиться на материк, бурлящий от недовольства. Они боялись потерять политическую власть, понимая, что следом наступит анархия, а затем к власти придут белые. В таких условиях было опасно начинать переговоры с мятежниками. Любые сомнения, проявления слабости могли ускорить крушение их режима. После захвата власти, пройдя через трехлетний кровавый кошмар Гражданской войны, они должны были пожертвовать всем в угоду горячим, независимым морякам? Могли ли они вести честную игру, выжидая и надеясь, что восстание без посторонней помощи потерпит неудачу? Время играло против них. Из «Известий ВРК» от 15 марта мы узнали, что снег на улицах города начал таять, превращаясь в слякоть [134 - Правда о Кронштадте. С. 162.]. Значит, через несколько недель на Финском заливе растает лед, и ни о какой пехотной атаке не может быть речи. Стоящие в кронштадтской гавани корабли освободятся ото льда. И даже если Финляндия будет упорствовать в своем решении в отношении блокирования границ, поставки и подкрепление смогут поступать в Кронштадт морским путем. Большевики поняли, что действовать надо быстро и решительно. Какое правительство будет долго терпеть мятежный флот на важнейшей стратегической базе, которую враги стремятся использовать в качестве плацдарма для вторжения в страну? «Мы ждали долго, но, опасаясь, что скоро растает лед, были вынуждены перейти... в наступление», – объяснил Троцкий после подавления мятежа [135 - Дойчер И. Вооруженный пророк. Нью-Йорк, 1954. С. 514.].

У властей было два основных повода для беспокойства: восстание может распространиться на материк и привести к мятежам в армии и на флоте. События в Ораниенбауме 2 марта только усилили их опасения. Днем 2 марта группа кронштадтских матросов перешла по льду в Ораниенбаум. Матросы должны были распространить листовки с резолюцией «Петропавловска» в Петрограде и в нескольких расположенных по соседству городах. В Ораниенбауме рядовые Морского воздушного дивизиона провели митинг, единодушно поддержав резолюцию кронштадтцев, и по их примеру решили избрать свой Революционный комитет. Несколько позже они выбрали трех

человек, которые должны были по льду перейти в Кронштадт и установить прямой контакт с мятежниками. В полночь, вероятно, после того, как из Ораниенбаума прибыла делегация с предложением примкнуть к мятежникам, Временный революционный комитет Кронштадта отправил в Ораниенбаум отряд, состоявший из 250 человек. Встреченные пулеметным огнем, они были вынуждены отступить. ЧК арестовала троих делегатов из Морского воздушного дивизиона при попытке вернуться на базу в Ораниенбаум. Комиссар гарнизона в Ораниенбауме, узнав о зарождающемся мятеже, позвонил в Петроградский комитет обороны с просьбой срочно прислать подкрепление. Всем коммунистам выдали оружие и дополнительный паек. В 5 часов утра из Петрограда прибыл бронепоезд с курсантами и пехотной бригадой. Дивизионные бараки окружили и арестовали находившихся там мятежников. Арестованных допрашивали в течение нескольких часов. Сорок пять человек расстреляли, и среди них начальника дивизиона, председателя и секретаря Революционного комитета.

Подавление ораниенбаумского мятежа стало первой серьезной неудачей лидеров кронштадтцев. В полной уверенности, что их восстание распространится на материк, они отказались от наступления, направив небольшой отряд в Ораниенбаум; результат оказался плачевным. (Ораниенбаумские мятежники проявили такую же наивность, не предприняв никаких усилий, чтобы вооружиться и захватить власть на базе.) По мнению Козловского, Ораниенбаум можно было захватить без особого сопротивления. В этом случае мятежники могли двинуться на Петроград, жители которого поддержали бы восстание против правительства, но все советы Козловского упорно отклонялись. Моряки чувствовали себя в большей безопасности на укрепленном острове, чем на материке в непривычной для себя роли пехотинцев. Опасаясь, что их слишком мало, чтобы перейти в наступление, они предпочли укрыться в неприступной крепости и сидеть там до тех пор, пока правительство не согласится с их требованиями.

С этого момента они оставались глухи ко всем призывам перехватить инициативу. Когда военспецы предложили расстрелять лед вокруг Котлина, чтобы пехота не смогла подойти к острову, Революционный комитет заявил, что нет смысла впустую растрачивать снаряды, поскольку вода опять замерзнет.

Таким образом, мятежники не предпринимали никаких попыток, чтобы защитить остров; они отказались взорвать лед, не обнесли крепость рвом, хотя на материке были уверены, что они поступят именно таким образом.

Когда военспецы предложили возвести баррикады в восточной части

города (как выяснилось, очень разумное предложение), Революционный комитет опять воспротивился, ссылаясь на нехватку людских и материальных ресурсов, хотя и того и другого было в избытке. Позже Козловский объяснял, что моряки отказывались сотрудничать из-за врожденного недоверия к офицерам и к любым вышестоящим властям. Презируя их за упрямство и недисциплинированность, Козловский объяснял, что восстание не следует начинать до тех пор, пока не растает лед на Финском заливе. Стремясь скорее сбросить коммунистическое иго, моряки поспешили начать мятеж.

Тем временем на материке не спешили последовать примеру кронштадтцев. Только в нескольких городах, таких как Ораниенбаум, Петергоф и Петроград, наблюдались движения, стремившиеся продолжить дело восставшего Кронштадта. Однако коммунисты не теряли бдительности и при первых признаках зарождающихся волнений принимали экстренные меры. В Петрограде, например, группа матросов из Кронштадта пыталась уговорить команду ледокола «Трувор» (из некоторых источников следует, что это был «Ермак») освободить из льда «Петропавловск» и «Севастополь». Большевики тут же направили на «Трувор» чекистов, которые арестовали и делегацию из Кронштадта, и сочувствующих с «Трувора».

Кронштадтцам не удавалось вовлечь в восстание материк. Из 200 агитаторов, направленных из Кронштадта в Петроград и близлежащие районы с копиями резолюции, принятой на «Петропавловске», ареста избежали буквально единицы. Мятежники, связавшись по телефону с Петроградом и Красной Горкой, пытались объяснить свою позицию, но их усилия были тщетны. В свою очередь власти разговаривали по телефону с Революционным комитетом Кронштадта, безуспешно убеждая лидеров восстания, что они попали в безвыходное положение. Одновременно с этим преданные коммунисты ухитрялись сообщать «на волю» об имеющихся в крепости боеприпасах, запасах продовольствия и моральном духе мятежников.

Мятежники решили перейти к оборонительной стратегии, которая, по их расчетам, должна была позволить удержаться до тех пор, пока не растает лед. Они направили свою энергию на усиление обороноспособности города. Моряки надеялись, что правительство пойдет на уступки, но не исключали возможности вооруженного нападения на остров. 4 марта Революционный комитет предупредил мятежный Кронштадт: «...в любой момент мы можем ждать наступления коммунистов, чтобы победить Кронштадт, опять подчинить нас своей власти, доводя до голода, холода и гибели» [136 - Правда о Кронштадте. С. 51.].

В первую неделю восстание было войной нервов, а не оружия. Почему правительство так долго не переходило в наступление? Задержка диктовалась в равной степени необходимостью сделать все необходимые приготовления и желанием достигнуть мирного урегулирования вопроса. В первых числах марта большевики спешили надежно защитить Петроград и важные стратегические пункты, особенно Красную Горку, Ораниенбаум, Лисий Нос и Сестрорецк. Все коммунисты Петрограда и близлежащих районов были мобилизованы и получили оружие. К 5 марта численность милиции составляла 4 тысячи человек; ее ряды усилили добровольцами из молодых коммунистов и членов местных профсоюзов. Кроме того, были подтянуты сотни курсантов не только из ближайших районов, но и из Москвы, Орла и Нижнего Новгорода, а также особые войска ЧК (ВОХР – войска внутренней охраны Республики) и члены заградотрядов. Особое внимание было сосредоточено на поездах, идущих из Петрограда в направлении Кронштадта, чтобы не допустить никаких контактов с мятежниками. Обеспокоенные недавним мятежом в Ораниенбауме (и, возможно, воспоминаниями о мятеже на Красной Горке в 1919 году), советские лидеры укрепили гарнизоны этих опорных пунктов и лично участвовали в инспекционных поездках, чтобы ликвидировать любые проявления подрывной деятельности.

Хотя в Петрограде было практически покончено с забастовками и демонстрациями, настроение в городе было мрачным, близким к паническому. Как-то утром в начале марта Виктор Серж вышел из «Астории» и увидел старушку, медленно бредущую с несколькими пакетами в руках. «Куда это вы идете так рано, бабушка?» – спросил Серж. «В городе пахнет бедой. Они хотят погубить нас. Они опять будут грабить и убивать» [137 - Серж В. Указ. соч. С. 125.].

Ходили слухи о еврейских погромах. Закрылись многие фабрики и заводы в опасении новых вспышек забастовочного движения. Петроградский комитет обороны, облеченный теперь всей полнотой власти и в отношении близлежащих районов, 3 марта принял жесткие меры с целью предупреждения любых беспорядков: город превратился в один большой гарнизон, каждый квартал патрулировался вооруженным отрядом, на стенах домов появились объявления, в которых жителей города предупреждали о запрете митингов и о том, что нарушителей будут расстреливать на месте. Улицы опустели даже в дневные часы, а с введением комендантского часа, с девяти вечера, жизнь в городе вовсе замирала.

Зиновьев, являясь одновременно председателем Петроградского Совета, членом Политбюро ЦК партии, председателем Комитета обороны,

сконцентрировал в своих руках всю полноту власти. В этой критической ситуации он действовал быстро и решительно. 4 марта состоялось заседание пленума Петроградского Совета; главным вопросом в повестке дня был Кронштадт. Помимо членов пленума, на заседание были приглашены представители фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, воинских частей и кораблей, делегаты секций женщин-работниц, представители комсомола, а также учащиеся рабфаков и техникумов. Присутствовали еще находившиеся в дружеских отношениях с правительством лидеры анархистов Александр Беркман и Эмма Гольдман. Они оставили яркие воспоминания о заседании пленума Петросовета.

Заседание проходило бурно. Зиновьев и Калинин обвинили в заговоре белогвардейцев, подстрекаемых меньшевиками, эсерами и агентами Антанты. Тут из первого ряда выскочил рабочий с завода «Арсенал» и стал защищать мятежников. Указав рукой на Зиновьева, он крикнул:

– Это полное равнодушие вас и вашей партии заставило нас начать забастовки и вызвало сочувствие наших братьев-моряков, которые сражались с нами плечом к плечу во время революции. Они не виновны ни в каких преступлениях, и вы это знаете. Вы сознательно стараетесь оклеветать их и призываете уничтожить!

В ответ раздалось:

– Контрреволюционер!

– Предатель!

– Меньшевик!

Поднялся страшный шум, но голос рабочего громко звучал в беснующейся толпе:

– Всего три года назад Ленина, Троцкого, Зиновьева обвиняли в том, что они немецкие шпионы. Мы, рабочие и матросы, пришли и спасли вас от правительства Керенского. Остерегайтесь, как бы подобная участь не постигла вас!

При этих словах со своего места встал матрос из Кронштадта. Он заявил, что его товарищи по-прежнему проникнуты революционным духом и готовы защищать революцию до последней капли крови. Затем он зачитал резолюцию, принятую на «Петропавловске», после чего, по словам Э. Гольдман, начался кромешный ад. Зиновьев, перекрикивая шум, требовал немедленной капитуляции Кронштадта. Под протесты нескольких делегатов было принято решение потребовать от моряков прекратить безобразия и восстановить власть Кронштадтского Совета. «Если прольется кровь, она будет на вашей совести, – говорилось в обращении. – Решайте немедленно. Вы или с нами против общего врага, или погибнете, навеки запятнав свое

имя» [138 - Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 42.].

Ожидалось, что пленум посетит Троцкий, специалист по улаживанию конфликтов в кризисных ситуациях, но в это время он был в Западной Сибири, где бушевали крестьянские восстания. Узнав о Кронштадтском мятеже, он сразу поехал в Москву, чтобы проконсультироваться с Лениным, и только 4 или 5 марта прибыл в Петроград. По приезду он первым делом потребовал от мятежных моряков немедленной и безоговорочной капитуляции:

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов.

Рабоче-крестьянское правительство постановило: вернуть незамедлительно Кронштадт и мятежные суда в распоряжение Советской Республики.

Посему п р и к а з ы в а ю:

Всем, поднявшим руку против социалистического Отечества, немедленно сложить оружие. Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей. Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить.

Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики.

Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой.

Ответственность за бедствия, которые при этом обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников.

Настоящее предупреждение является последним.

Петроград.

5 марта 1921 г. 14 час».

(Подписано наркомвоенмором тов. Троцким,

главнокомандующим т. Каменевым,

командармом т. Тухачевским

и начальником Штаба Республики т. Лебедевым.) [139 - Троцкий А. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. М.; Л., 1926.]

Если это и была искренняя попытка избежать вооруженного столкновения, то она была заранее обречена на провал. Троцкий не учитывал настроения моряков, и подобный ультиматум только укрепил их в стремлении добиться уступок от правительства. «По иронии судьбы именно Троцкому выпало обратиться с подобными словами к морякам. Это был его Кронштадт, те кронштадтцы, которых он называл «красой и гордостью революции», –

отмечает биограф Троцкого Исаак Дойчер. – Сколько раз он выступал на военно-морских базах во время горячих дней 1917 года! Сколько раз моряки восторженно приветствовали его, называя другом и вождем! Как преданно следовали за ним, куда бы он ни шел, всегда выслушивая его советы, почти слепо выполняя его приказы! Сколько им пришлось вынести вместе! Но теперь было другое время, и Временный революционный комитет ответил ультиматумом на ультиматум Троцкого: «Девятый вал революции смое с лица Советской России мерзких клеветников и тиранов, и нам не понадобится ваше милосердие, господин Троцкий» [140 - Цит. по: Дойчер И. Указ. соч. С. 512.].

В тот же день, 5 марта, было опубликовано воззвание Петроградского комитета обороны. Листовки с воззванием сбросили с самолета над Кронштадтом. В воззвании говорилось: «Теперь вы видите, куда вели нас негодяи. Достукались. Из-за спины эсеров и меньшевиков уже выглянули оскаленные зубы бывших царских генералов... Все эти генералы Козловские, Бурскеры, все эти негодяи Петриченки и Тукины в последнюю минуту, конечно, убегут к белогвардейцам в Финляндию. А вы, обманутые рядовые моряки и красноармейцы, куда денетесь вы? Если вам обещают, что в Финляндии будут кормить – вас обманывают. Разве вы не слышали, как бывших врангелевцев увезли в Константинополь и как они там тысячами умирали как мухи от голода и болезней? Такая же участь ожидает и вас, если вы не опомнитесь тотчас же... Кто сдастся немедленно – тому будет прощена его вина. Сдавайтесь немедленно! Если будете сопротивляться, вас перестреляют как куропаток» [141 - Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 188 – 189.].

Хотя угроза перестрелять мятежников «как куропаток» часто приписывается Троцкому, на самом деле она принадлежит председателю Комитета обороны Зиновьеву. Как бы то ни было, но моряки пришли в неопишемую ярость. Троцкий и Зиновьев превратились для них в главных злодеев, стали олицетворением всего самого мерзкого и ненавистного, что было в советском режиме. (В этот момент Ленин находился на заднем плане, и гнев моряков не обрушился на его голову.) Приказ властей взять в заложники членов семей кронштадтцев привел моряков в крайнее возбуждение. Во время Гражданской войны в качестве предупредительной меры Троцкий брал в заложники членов семей военных специалистов и бывших царских офицеров, у которых мог возникнуть соблазн совершить предательство в отношении Красной армии. «Пусть ренегаты знают, что они одновременно предают членов своих семей: отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей», – было написано в приказе от 30 сентября 1918 года за

подписью Троцкого.

Однако в случае с Кронштадтом решение брать заложников исходило не от Троцкого, а от Петроградского комитета обороны; решение было принято еще до прибытия Троцкого в Петроград. Комитет обороны потребовал немедленно освободить коммунистов, арестованных моряками 2 марта: «Если хоть один волос упадет с головы задержанных, пострадают заложники» [142 - Правда. 1921. 5 марта.].

В ответ 7 марта «Известия ВРК» потребовали в двадцать четыре часа освободить заложников: «Кронштадтский гарнизон заявляет, что коммунистам предоставлена полная свобода и их семьи находятся в полной безопасности. Мы не последуем примеру Петроградского совета, поскольку считаем подобные методы бесчестными и жестокими. Никогда прежде история не знала подобных фактов» [143 - Правда о Кронштадте. С. 73.].

Обращение кронштадтцев, конечно, ничего не изменило.

Александр Беркман и Эмма Гольдман, узнав об ультиматуме, предъявленном большевиками, решили, что могут остановить кровопролитие. 5 марта они направили письмо Зиновьеву, предлагая создать комиссию, которая станет посредником в разрешении спора между властями и мятежниками. Комиссия, в которую войдут пять человек – из них двое анархистов, – поедет в Кронштадт и попытается добиться мирного урегулирования конфликта. Голод и холод, говорилось в письме, невозможность высказать накопившиеся обиды заставили моряков заявить протест, но настоящие контрреволюционеры могут воспользоваться ситуацией, если не будет найдено решение – но не с помощью оружия, а с помощью мирного соглашения. Насилие только усугубит положение и сослужит службу врагу. Если рабоче-крестьянское правительство направит войска против рабочих и крестьян, это окажет деморализующее воздействие на международное революционное движение.

Такой примирительный шаг, после того как морякам не удалось получить поддержку на материке, мог умерить гнев кронштадтцев и предупредить трагедию. Обращение Беркмана осталось без ответа. Однако на следующий день, 6 марта, Петроградский Совет связался по телефону с Революционным комитетом и поинтересовался, как они смотрят на то, что в Кронштадт прибудет делегация, состоящая из членов партии и беспартийных, чтобы прояснить обстановку. Не имеет особого значения, чем или кем был продиктован этот шаг, но это был первый конструктивный, примиренческий поступок, совершенный большевиками с начала восстания. Моряки отклонили это предложение. В злобе на правительство, которое только что арестовало их жен и детей, мятежники ответили, что «не верят в

беспартийность ваших беспартийных представителей», потребовали, чтобы жители Петрограда направили в Кронштадт настоящих беспартийных рабочих, солдат и матросов, выбранных в присутствии представителей из Кронштадта; Петроградский Совет может включить в делегацию максимум 15 процентов коммунистов [144 - Правда о Кронштадте. С. 73 – 74.].

После такого резкого ответа предложение было снято с повестки дня. Больше правительство не пыталось договориться с мятежниками.

7 марта время истекло. Срок ультиматума, предъявленного 5 марта, был продлен еще на сутки, но и за сорок восемь часов стороны не пришли к соглашению. Теперь правительство собиралось действовать силовыми методами. Пока шел «обмен любезностями», в Петроград непрерывным потоком двигались люди и техника. Со всей страны в Петроград стекались отделения курсантов, отряды чекистов и наиболее преданные подразделения Красной армии. К составлению плана наступления на Кронштадт были привлечены некоторые военспецы и красные командиры: 5 марта в Петроград прибыл командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский. В тот же день появился важный оперативный приказ о мерах по ликвидации Кронштадтского мятежа. Суть приказа состояла в следующем:

- восстановить 7-ю армию;
- временное командование 7-й армией возложить на т. Тухачевского с оставлением его в должности командующего Западным фронтом;
- временному командарму-7 т. Тухачевскому подчинить во всех отношениях все войска Петроградского округа, командующего войсками Петроградского округа и командующего Балтфлотом;
- командующего войсками Петроградского округа т. Аврова одновременно назначить комендантом Петроукрепрайона.

Тухачевский родился в дворянской семье. В 1914 году окончил Александровское военное училище. Участвовал в Первой мировой войне в чине поручика. В 1915 году попал в плен. В 1917 году бежал в Россию. Он стал одним из выдающихся командиров во время Гражданской войны. В 1920 году в 27 лет он командовал Западным фронтом, но потерпел тяжелое поражение от белополяков под Варшавой.

Перед Тухачевским была поставлена трудная задача. Во время Гражданской войны 7-я армия обороняла Петроград, блокируя наступление армии Юденича в 1919 году, и сейчас в ней царили «демобилизационные настроения» [145 - Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 44; Рабинович С.Е. Делегаты 10-го съезда РКП (б) под Кронштадтом в 1921 году // Красная летопись. 1931. № 2. С. 26 – 31.].

Навоевавшись, солдаты мечтали вернуться домой. В основной массе это

были крестьяне, недовольные политикой правительства и в основном согласные с программой мятежников. Призывы кронштадтцев затронули самые чувствительные струны их души. На их настроении сказались и демонстрации рабочих в Петрограде. Отправлять этих людей воевать с братьями, «красой и гордостью революции», было крайне рискованно. Они могли отказаться стрелять в мятежников и даже перейти на их сторону. Тухачевский стремился поддержать боевой дух солдат, прилагал все усилия, чтобы обеспечить их теплой одеждой и продовольствием, но полагался он в основном на красных курсантов, войска ЧК и подразделения, сформированные из коммунистов и комсомольцев (в первых числах марта была проведена всеобщая мобилизация всеобуча).

Кронштадт – важный стратегический аванпост с многочисленным гарнизоном, мощной оборонительной системой – приготовился к атаке. Котлин окружен фортами, батареями, укреплениями, многие из которых строились в конце XIX века по планам и под руководством генерала Э.И. Тотлебена, известнейшего российского военного инженера. К северу от Котлина расположены форты Тотлебен, Красноармейский (Обручев) и цепь из семи номерных Северных фортов. С юга форты Петр, Павел, Константин, Александр и два номерных Южных форта. На форту Константин располагалась бронированная батарея и поднимавшиеся для выстрела из-под земли орудия системы генерала Г.Е. Паукера; форт Граф Милютин имел шесть бронированных башен. Для усиления крепости в 1825 – 1840 годах была сооружена мощная каменная крепостная ограда. «Петропавловск» и «Севастополь» имели на вооружении по двенадцать 305-миллиметровых орудий и по шестнадцать 120-миллиметровых. Постройка этих современных линкоров началась накануне Первой мировой войны. В годы Первой мировой войны «Севастополь» неоднократно серьезно повреждал днищевую обшивку, днищевой набор, килевую балку. Теперь оба линкора стояли в скованной льдом кронштадтской гавани. Кроме «Петропавловска» и «Севастополя», еще восемь военных кораблей, среди них один линкор и три крейсера, находились в гавани и ремонтных доках, а также пятнадцать канонерских лодок и двадцать буксиров. Отсутствие ледокола не позволяло ввести эти суда в действие. Тем не менее в случае артиллерийской дуэли между линкорами «Севастополь» и «Петропавловск» и фортом Красная Горка победителями, благодаря имевшемуся у них вооружению, наверняка вышли бы линкоры. Около 15 тысяч мятежников: примерно 13 тысяч матросов и солдат и 2 тысячи гражданских лиц – приготовились к отражению атаки.

Захватить крепость было совсем непростой задачей. Ледяное поле отделяло Кронштадт от большевистских цитаделей: Ораниенбаума, Красной Горки,

Лисьего Носа и Сестрорецка. Наступающая армия должна была пересечь открытое пространство под ураганным огнем артиллерии мятежников. Ни с чем не сравнимый кошмар!

Однако у неприступной крепости были свои слабые места. Запасов «магазинов» – флотских складов – было недостаточно для ведения длительной осады. Мятежники нуждались в теплой одежде и обуви. У «Петропавловска» было всего 300 тонн топлива, а у «Севастополя» вообще его не было. Однако хуже всего обстояло дело с продовольствием. Запасы консервированных продуктов таяли прямо на глазах. Муки не было, осталось немного хлеба, которого, по оценкам, должно было хватить на две недели при ежедневной порции в полфунта.

Ясно было только одно: обе стороны будут жестоко страдать еще до того, как восстание начнет набирать обороты.

Военные действия начались 7 марта. В 18.45 батареи в Сестрорецке и Лисьем Носу открыли огонь по Кронштадту. Заградительный огонь, в основном по отдаленным фортам, должен был ослабить мятежников и облегчить наступление Красной армии. Когда раздались ответные залпы с фортов и в артиллерийский поединок вмешалась Красная Горка, тут же откликнулись 305-миллиметровые орудия «Севастополя». Разгорелась полномасштабная артиллерийская дуэль. Александр Беркман шел по Невскому проспекту, когда услышал приближающийся грохот артиллерийской канонады. Началось наступление на Кронштадт! Эти звуки произвели на лидера анархистов ошеломляющее впечатление; он утратил остатки веры в большевистский режим. «Дни страданий и обстрелов. Мое сердце оцепенело от отчаяния; что-то умерло во мне. Люди на улицах словно согнулись от горя. Они сбиты с толку. Гром тяжелых орудий разрывает воздух», – записал в дневнике Беркман [146 - Беркман А. Большевистский миф. С. 303.].

Накануне Международного женского дня под грохот снарядов радио Кронштадта передало поздравления трудящимся женщинам мира. Осудив коммунистов как «врагов трудящихся», мятежники призвали покончить с деспотизмом и тиранией. «Скоро мы освободим вас от всех форм насилия. Да здравствуют свободные революционные трудящиеся женщины! Да здравствует всемирная социалистическая революция!» [147 - Правда о Кронштадте. С. 80.]

Артиллерийский обстрел длился недолго; снег и туман, уменьшив видимость до нуля, заставили обе стороны прекратить заградительный огонь. Потери кронштадтцев исчислялись только двумя ранеными, однако ВРК выразил возмущение этим актом насилия. «Прозвучали первые выстрелы, но

мы потопим приближающееся «пиратское судно» большевиков», – написали на следующий день «Известия ВРК». – «Вся власть Советам! Уберите руки от власти, руки, запятнанные кровью тех, кто погиб за свободу в борьбе с белогвардейцами, помещиками и буржуазией!» [148 - Там же.]

В соответствии с планом Тухачевского после артиллерийской подготовки была предпринята попытка взять крепость штурмом. На рассвете 8 марта войска северной и южной групп пошли в атаку. В снежную бурю, одетые в белые маскировочные халаты, бойцы армии Тухачевского двинулись по льду Финского залива. Впереди шли курсанты, за ними красноармейцы, а замыкающими чекисты, чтобы отрезать возможность отступления потенциальным дезертирам. Мятежники замерли в ожидании. Приближающиеся войска были встречены ураганным артиллерийским огнем с фортов и батарей. Снаряды взламывали лед; многие атакующие утонули в ледяной воде, найдя могилу на дне Финского залива. Это стало началом, по словам Виктора Сержа, кошмарного братоубийства [149 - Серж В. Указ. соч. С. 130.].

Стоило заливу заглотнуть первые жертвы, как некоторые из красноармейцев, в том числе отряд курсантов из Петергофа, начали переходить на сторону мятежников. Некоторые отказались выполнять приказ и отступили. Комиссар северной группы доложил, что его солдаты хотят направить делегацию в Кронштадт, чтобы ознакомиться с требованиями мятежников. Как выяснилось, накануне небольшая группа красноармейцев уже побывала в крепости.

Только часть войск смогла добраться до отдаленных фортов, но даже они были вынуждены отступить под ураганным огнем артиллерии.

С рассветом буря утихла, открыв ледяное поле, усеянное трупами. Батареи возобновили обстрел Кронштадта. Ответный огонь тяжелых орудий мятежной крепости повредил участок железной дороги между Ораниенбаумом и Петергофом; пострадало несколько зданий в Ораниенбауме. Итак, первая атака крепости не принесла никаких результатов. Днем советская авиация совершила первое воздушное нападение на Котлин, начиная с кампании Юденича в 1919 году. Командование Воздухофлота сумело наладить регулярные рейды над Кронштадтом. Делались попытки нанесения бомбовых ударов по батареям и кораблям мятежников. Разумеется, несколько пудов бомб не могли нанести ущерб бетонным фортам и бронированным плитам. Примерно в 6 часов вечера бомба попала в центр города – рухнул один дом и легкое ранение получил тринадцатилетний мальчик. Во время восстания летчики совершали полеты в исключительно сложных условиях. Самолеты были старые

(французские и английские, полученные еще во время Первой мировой войны), часто выходили из строя. В марте над заливом в основном стояла нелетная погода: туманы, низкая облачность. И, кроме того, зенитные батареи мятежников вели интенсивный огонь по советским самолетам.

Как только 8 марта началось наступление, Петроградский Совет, ликуя, сообщил, что мятежники уже «разбиты наголову». В тот же день Ленин, выступая на открытии X съезда партии, продемонстрировал полную уверенность в конечном результате. «У меня еще нет последних новостей из Кронштадта, – сказал он, – но я не сомневаюсь, что восстание, за которым виднеются знакомые фигуры белогвардейских генералов, будет подавлено в ближайшие несколько дней, если не часов» [150 - Известия Петроградского Совета. 1921. 8 марта; Десятый съезд РКП(б). С. 33. (Примеч. пер.)].

Эти заявления, как выяснилось, оказались преждевременными. В действительности первая атака оказалась неудачной. Коммунисты потеряли сотни человек, не нанеся Кронштадту видимого урона.

Причина неудачи кроется в излишней поспешности, с которой большевики стремились подавить восстание. Наступление было малочисленным и плохо подготовленным для того, чтобы успешно штурмовать мощную оборонительную систему. Однако главное заключалось в другом: поспешное наступление, проведенное по приказу Троцкого, было недостаточно подготовлено политически. В последний момент солдаты ощутили неуверенность – частично из-за нежелания стрелять в простых солдат и матросов, но главным образом из страха «ледобоязни»: носились слухи, что льды Финского залива не выдержат тяжести наступающих колонн.

Вечером того же дня группа большевиков подошла к Кронштадту с поднятым белым флагом. Два члена Временного революционного комитета, Вершинин и Куполов, выехали на переговоры верхом. По свидетельству красного курсанта, Вершинин, матрос с «Севастополя», призывал объединить усилия против еврейских и коммунистических угнетателей, настаивал на выборах настоящей революционной власти в форме свободных Советов.

Вершинин был схвачен на месте, а Куполову удалось ускакать.

Мятежники были возмущены предательством большевиков, но их сердца были полны сострадания к погибшим солдатам. В передовице под заголовком «Пусть знает весь мир» ВРК предъявил обвинение «фельдмаршалу» Троцкому в кровопролитии. Стремясь избежать дальнейшего насилия, ВРК вновь предложил направить в Кронштадт делегацию для изучения истинного положения дел. «Пусть трудящиеся всего мира знают, что мы, защитники советской власти, стоим на страже

завоеваний социалистической революции. Мы победим или погибнем под развалинами Кронштадта, сражаясь за дело трудящихся масс. Пусть трудящиеся всего мира будут нашими судьями. Кровь невинных прольется на головы коммунистических фанатиков, опьяненных властью. Да здравствует власть Советов!» [151 - Правда о Кронштадте. С. 82.]

Глава 5

ПРОГРАММА КРОНШТАДТА

Восстание продолжалось чуть больше двух недель, но за это короткое время была создана революционная коммуна под руководством Временного революционного комитета, члены которой продемонстрировали импровизаторское дарование и способность к самоорганизации. Как вы помните, ВРК в составе пяти человек был создан 2 марта на делегатском собрании, проходившем в Морском инженерном училище. Вскоре выяснилось, что для управления и защиты города и гарнизона необходимо расширить состав ВРК. Вечером 4 марта в гарнизонном клубе собралось порядка 200 делегатов (возможно, тех же самых, кто присутствовал на собрании 2 марта в Морском инженерном училище). Под выкрики «Победа или смерть!» были выбраны 15 членов ВРК [152 - Правда о Кронштадте. С. 56 – 57.].

Вновь избранный комитет принял решение перенести свой штаб с линкора «Петропавловск» в город, откуда было удобнее решать задачи управления Кронштадтом. ВРК возглавлял Петриченко; заместителями председателя выбрали Яковенко и Архипова, а секретарем комитета Кильгаста. Вальк и Романенко отвечали за решение гражданских вопросов. В ведении Павлова были вопросы судопроизводства. За транспорт отвечал Банков, Тукин – за продовольствие, и Перепелкин – за агитацию и пропаганду.

В соответствии с пунктом 8 резолюции «Петропавловска» было отменено дифференцирование продовольственных пайков. Специальные пайки получали только больницы и детские учреждения. Горкоммуна и горпродком занимались распределением и раздачей продовольствия. В газете мятежников печатались объявления с адресами пунктов выдачи продовольствия. Связь с внешним миром поддерживалась через радиорубку «Петропавловска».

С первых дней восстания был введен с 23.00 комендантский час и установлен строгий контроль за въездом и выездом из города. Школы закрылись до особого распоряжения. ВРК выпустил ряд указов относительно политической структуры Кронштадта. Согласно пункту 7 резолюции был

упразднен политотдел гарнизона, и теперь в гарнизонном клубе вместо политинформаций проходили занятия по вновь разработанной образовательной программе. Вместо рабоче-крестьянской инспекции появился профсоюзный комитет – своего рода модель «разъездного контролирующего органа», обозначенного в пункте 14 резолюции «Петропавловска». Кроме того, во всех учреждениях и в воинских подразделениях состоялись выборы революционных троек для выполнения приказов ВРК на местах.

Делегаты – матросы, солдаты, рабочие, – избранные на делегатское собрание, состоявшееся 2 марта, практически тем же составом, который колебался от двухсот до трехсот человек, заседали во все время восстания; 4 марта они собрались, чтобы избрать новый Временный революционный комитет в расширенном составе; затем 8 и 11 марта, когда среди прочих вопросов состоялись выборы в новый Кронштадтский совет профсоюзов, свободный от диктата со стороны коммунистической партии. Основное место в повестке дня этих собраний, естественно, занимали вопросы, связанные с обороноспособностью, продовольствием и топливом.

Постоянно действующее собрание – кронштадтский вариант парламента, а если быть точнее, своего рода временный Совет, модель «свободных Советов», тех, ради которых они подняли восстание.

Движущей силой этого восстания были матросы, наиболее воинственно настроенная часть населения Кронштадта. С самого начала именно они взяли на себя решение вопросов по организации, планированию и пропаганде и продолжали играть доминирующую роль на всем протяжении восстания. В состав Временного революционного комитета не входил ни один солдат, гражданские лица составляли меньшинство – инициативу взяли на себя матросы. Кронштадтский гарнизон – военспецы и красноармейцы, служившие на фортах и батареях, – вскоре подчинились матросам. Горожане оказали активную поддержку, поскольку матросы всегда пользовались авторитетом у жителей этого островного города. На короткий миг Кронштадт был выдернут из состояния апатии и отчаяния. Финский журналист, посетивший остров в разгар восстания, был поражен энтузиазмом жителей, у которых появилась в жизни цель.

Как неоднократно отмечалось, в Кронштадте царила атмосфера радостного возбуждения, подобная атмосфере 1917 года.

Для матросов, называвших себя коммунарами, 1917 год был золотым веком, и они стремились вернуться в ту особую революционную атмосферу, когда они смогли вырваться на свободу, презрев дисциплину и порядок, а власти еще не успели осквернить их идеалы. Когда четыре года назад они

связали свою судьбу с большевиками, то думали, что исповедуют одни и те же идеалы и стремятся к одной цели. Большевики, как им казалось, были товарищами, революционерами-экстремистами, сторонниками массового переворота, с помощью которого удастся избавиться от насилия и несправедливости, чтобы создать рабоче-крестьянскую республику. Ленин сам сказал в ноябре 1917 года, что социализм не создается по приказу. Его духу чужд государственно-бюрократический автоматизм. Социализм – жизнь, творчество, и его создают сами народные массы.

Но в скором времени установилась централизованная диктатура, и матросы поняли, что их предали. Новая привилегированная элита отказалась от демократических принципов, за которые боролся народ. Во время Гражданской войны матросы сохраняли преданность большевикам, но были полны решимости следовать первоначальному курсом, определенным революцией 1917 года. Устранив белую угрозу, они тут же потребовали выполнения обещаний, данных в октябре.

Кронштадтский мятеж был попыткой утративших иллюзии революционеров свергнуть коммунистическую диктатуру, забыть ее, как страшный сон, и установить реальную власть Советов.

Советы вели историю от крестьянской коммуны, традиционной русской формы местного самоуправления. Как отмечает Эмма Гольдман, это было не что иное, как «хорошо известный «мир» (крестьянская община), только в современной, революционной форме. Эта форма настолько привычна, что естественным образом выросла на русской земле, как вырастают в поле цветы» [153 - Эврич П. Русские анархисты. С. 252.].

А Ленин даже не хотел услышать о свободных, независимых от партии Советах. Он инстинктивно не доверял инициативе народа. Местные демократические органы, по его мнению, могли привести к экономическому и социальному хаосу. Во время революции, когда местные Советы вырастали как грибы, Ленин видел в них силу, которая способна уничтожить старый порядок и соответственно захватить власть. «Вся власть Советам» – стал одним из основных лозунгов партии. Однако после октябрьского переворота Ленин вернулся к тому, с чего начал, – к централизму, навязав революционную диктатуру недисциплинированным массам. И хотя по-прежнему утверждалось, что Советы являются новой, высшей формой правительства, «пролетарской диктатурой по Марксу», постепенно они подчинились партии и к 1921 году превратились в придаток зарождающейся бюрократии.

Балтийские моряки подняли протест против этого отклонения от революционного курса. Возник конфликт между идеальной в понимании

народа «республикой трудящихся» и «пролетарской диктатурой», фактически диктатурой большевиков. Возражая против однопартийной системы правления, моряки поставили целью уничтожить монополию коммунистов на власть, добиваясь свободы слова, печати, собраний и настаивая на новых выборах в Советы. Моряки, по мнению Беркмана, были самыми верными сторонниками советской системы; их боевым лозунгом был большевистский лозунг 1917 года: «Вся власть Советам».

В отличие от большевиков моряки, представляя все левые организации – эсеров, меньшевиков, анархистов, максималистов – и отражая истинные стремления народа, требовали свободных, независимых Советов. Девизом «Известий ВРК» стал старый лозунг, получивший новое звучание: «Вся власть Советам, а не партиям». «Наше дело правое. Мы за власть Советов, а не партий, за свободно избранных представителей трудящихся. Советы, которыми управляет Коммунистическая партия, всегда оставались глухи к нашим нуждам и стремлениям» – такая радиogramма была отправлена с «Петропавловска» 6 марта [154 - Беркман А. Кронштадтский мятеж. С. 19; Правда о Кронштадте. С. 65.].

Призывая к свободным Советам, мятежники не были демократами в смысле защиты равных прав и привилегий для всех. Они осуждали большевиков, а сами руководствовались тем же классовым подходом. Они говорили о свободе, но только для рабочих и крестьян, а не для помещиков и среднего класса. Эта «республика трудящихся» дала бы им возможность осуществить самую заветную мечту трудящегося народа: взять власть над бывшими тиранами и эксплуататорами. В их программе не было пункта о либеральном парламенте, и символично, что кронштадтский матрос руководил роспуском Учредительного собрания в январе 1918 года. Спустя три года моряки были так же решительно настроены против Учредительного собрания. В их глазах национальный парламент наверняка оказался бы во власти привилегированного меньшинства. Моряки не видели смысла в представительном правительстве – они стремились к народной демократии, к руководству простых людей через Советы: «Советы, а не Учредительное собрание являются оплотом трудящихся», – объявила газета Временного революционного комитета [155 - Правда о Кронштадте. С. 132.].

Одним словом, для мятежников парламент и Советы были прямо противоположными формами правительства; в одном господствующее положение занимала буржуазия, в другом – трудящиеся. Кроме того, моряки опасались, что любое собрание станет просто очередным орудием большевиков в достижении абсолютной власти. После подавления Кронштадтского восстания советский журналист спросил у матросов, почему

они не призывали к восстановлению Учредительного собрания. «Раз партийные списки, значит, коммунисты, – с кривой ухмылкой ответил один из матросов. – А мы хотим свободного волеизъявления рабочих и крестьян, а это можно достигнуть только через советы» [156 - Там же. С. 31.].

В экономической части кронштадтской программы обрушивался град упреков на политику военного коммунизма. Эта часть отражала стремление крестьянства и рабочего класса покончить с трехлетней принудительной политикой. Кронштадтцы обвиняли правительство, и только правительство во всех бедах, обрушившихся на страну. Какую-то долю вины возлагали на Гражданскую войну, союзническую интервенцию и блокаду. Разруха, дефицит топлива, продовольствия и сырьевых ресурсов, все страдания, невзгоды и лишения – во всем этом моряки обвиняли режим большевиков. «Коммунистический режим довел Россию до небывалой бедности, голода, холода и других лишений. Фабрики и заводы закрыты. Крестьян обирают без всякого стеснения. У нас нет хлеба, нет скота, нет орудий, чтобы обрабатывать землю. У нас нет одежды, обуви, топлива. Рабочие голодают и замерзают. Крестьяне и горожане потеряли всякую надежду на улучшение жизни. День за днем они приближаются к смерти. До этого вас всех довели коммунистические предатели», – писали «Известия ВРК» [157 - Правда о Кронштадте. С. 164 – 165.].

Матросы, в основном выходцы из крестьян, сурово осудили «крепостничество» большевистского режима, особенно конфискацию продовольствия вооруженными продотрядами. Прав был крестьянин, сказавший на VIII съезде Советов: «Все обстоит очень хорошо, только... земля-то наша, да хлебушек ваш; вода-то наша, да рыба-то ваша; леса-то наши, да дрова-то ваши» [158 - Там же. С. 82 – 84, 163.]. Крестьян, отказывающихся сдавать зерно и сельхозпродукцию, препятствующих грабежу со стороны правительства, называют «кулаками» и «врагами народа». А к чему привело создание государственных хозяйств? Под государственные хозяйства отводятся лучшие территории. Не успели крестьяне получить землю, как у них ее уже отняли, да еще используют крестьян в качестве рабочей силы, как при царском режиме. В этом мятежники видели отход от основных принципов революции. «Известия ВРК» настаивали на праве крестьян обрабатывать собственный участок земли своими силами и по своему разумению. Государственные хозяйства не что иное, как имения, просто сменившие помещиков на государство. Вот что получили крестьяне от социализма по-большевистски, вместо того чтобы трудиться на своем клочке земли. В обмен на реквизированное зерно, конфискованных коров и лошадей они получили набег чекистов и

расстрельные команды. Замечательный обмен в рабоче-крестьянском государстве – пули и штыки за хлеб! [159 - Правда о Кронштадте. С. 172 – 174.]

Мятежники хотели добиться свободы для рабочих и мелких производителей-кустарей; они сами должны решать свою судьбу и пользоваться продуктами своего труда, не одобряя, правда, идею предоставления права рабочим руководить производством. Они считали, что даже простой контроль со стороны местных фабричных и заводских комитетов моментально привел к снижению эффективности производства. Вместо того чтобы разрешать рабочим самим управлять производственным процессом, следовало оставить на ключевых позициях прежних руководителей и инженерно-технический состав. В то же время мятежники с неодобрением относились к национализации промышленности с контролем со стороны государства в лице руководителей производства и технических специалистов. Имея промышленность на грани развала под руководством рабочих, писали «Известия», большевики продолжают национализацию фабрик и заводов. Рабочий из рабства капиталистического попал в государственное рабство. Одновременно с этим профсоюзы превратились в «централизованную коммунистическую структуру», вконец обюрократившуюся, вместо того чтобы управлять производством и оказывать помощь в культурно-образовательном развитии рабочих. Только новые выборы могут изменить существующее положение, и тогда профсоюзы станут школой «свободного волеизъявления» рабочих. Что касается ремесленников, то им необходимо предоставить полную свободу, запретив использование наемного труда. «Революционный Кронштадт сражается за социализм, за Советскую республику трудящихся, в которой производитель будет сам себе хозяин и сможет сам распоряжаться плодами своего труда» [160 - Правда о Кронштадте. С. 92, 172 – 174.].

Мятежники испытывали чувство горького разочарования. Большевики, писали «Известия ВРК», только и боятся, что потерять власть, и считают возможным использовать любые средства: «клевету, насилие, обман, убийство, шантаж» [161 - Там же. С. 83. (Говоря о шантаже, мятежники, конечно, имеют в виду арест членов своих семей.)].

Партия с ее тайной полицией, ВЧК полностью подчинили рабочих и крестьян, заставили замолчать всю страну, заполнили тюрьмы не контрреволюционерами, а трудящимися и интеллигенцией. Вместо прежнего режима установился «новый режим произвола, грубости, «кумовства», воровства и спекуляции, ужасный режим, когда за каждым куском хлеба, за каждой пуговицей нужно протягивать руку к власти, когда себе не

принадлежишь и распоряжаться собой никак не можешь. Режим рабства и унижения... Советская Россия превратилась во всероссийский концентрационный лагерь» [162 - Там же. С. 128, 165.].

Что же делать? Как вернуть революцию на выбранный в октябре 1917 года путь? До 8 марта, то есть до первой большевистской атаки, мятежники еще надеялись на мирное урегулирование. Убежденные в собственной правоте, балтийцы были уверены, что получают поддержку всей страны, и особенно Петрограда, когда решительно потребуют от правительства предоставления политических и экономических уступок, но первая атака ознаменовала новую стадию восстания. Теперь ни о каких переговорах и компромиссах не шло и речи. Выбора не было. Остался единственный способ общения с властью – с помощью силы. 8 марта мятежники выступили с новым призывом. Они обратились к населению России начать «третью революцию», чтобы закончить работу, начатую в феврале и октябре 1917 года. «Рабочие и крестьяне неудержимо идут вперед, оставляя за собой и учредилку с ее буржуазным строем, и диктатуру коммунистов с ее чрезвычайками и государственным капитализмом, мертвой петлей охватившей шею трудовых масс и грозящей окончательно их задушить... Здесь, в Кронштадте, заложен первый камень третьей революции, сбивающей последние оковы с трудовых масс и открывающей новый широкий путь для социалистического творчества» [163 - Правда о Кронштадте. С. 83 – 84. (Требования мятежников наиболее полно изложены в резолюции, принятой на линкоре «Петропавловск», и в передовице под названием «За что мы боремся», напечатанной в «Известиях ВРК» 8 марта 1921 года.)].

Как советские, так и западные историки неоднократно делали попытки проследить принадлежность кронштадтской программы какой-либо из левых антибольшевистских партий. Насколько убедительны эти попытки? Несколько пунктов программы действительно совпадали с требованиями левой политической оппозиции. Меньшевики, социалисты-революционеры и анархисты возражали против монополии большевиков на власть и политики военного коммунизма. Они призывали к свободным Советам и профсоюзам, выступали за гражданские свободы для рабочих и крестьян, за прекращение террора и освобождение социалистов и анархистов из тюрем. А требование в отношении коалиционного правительства, в котором были бы представлены все социалистические партии, выдвинутое эсерами и меньшевиками еще в 1917 году, поддержала даже группа большевиков: «Мы высказываемся за необходимость формирования социалистического правительства. Мы утверждаем, что в противном случае нас ждет сохранение большевистского правительства с помощью политического террора. Мы не можем и не хотим

соглашаться с этим. Мы понимаем, что это приведет... к установлению безответственного режима и гибели революции и страны» [164 - Даниэльс. Совесть революции. С. 66.].

Мятежники, как и социалисты-революционеры, были всерьез озабочены судьбой крестьянина и мелкого производителя, но категорически отказались поддерживать основное требование эсеров о восстановлении Учредительного собрания и отклонили помощь, предложенную лидером эсеров Виктором Черновым. Уже из этого становится ясно, что эсеры не оказывали влияния на мятежников. То же самое в отношении меньшевиков. Что и говорить, меньшевики были основными сторонниками Советов начиная с момента их появления в 1905 году, и предложение кронштадтцев в отношении конференции беспартийных рабочих, солдат и матросов перекликается с подобным предложением лидера меньшевиков Аксельрода, который подвел теоретическую базу под создание первого Петербургского Совета. Но меньшевики никогда не имели особого влияния на Кронштадт, традиционный оплот крайне левых. В городе и на верфях среди ремесленников и рабочих можно было обнаружить ряд активных меньшевиков (в советских источниках к меньшевикам относят двух членов Временного революционного комитета, Валька и Романенко). Однако кронштадтская программа уделяла сравнительно мало внимания вопросам, связанным с промышленным пролетариатом. Кроме того, среди матросов – основы восстания – было мало меньшевиков. Стоит отметить, что во время восстания меньшевистское руководство в Петрограде и за границей не одобряло силовые методы отстранения большевиков от власти.

А вот влияние анархистов на флоте было довольно значительным, и им иногда приписывали роль вдохновителей восстания, но это беспочвенное утверждение. С одной стороны, видные кронштадтские анархисты последних лет сошли со сцены. Молодой моряк Анатолий Железняков, распустивший по приказу Ленина Учредительное собрание, был смертельно ранен в бою с деникинскими войсками.

И.С. Блейхман, член Кронштадтского Совета (его выступления в 1917 году на Якорной площади пользовались успехом), умер за несколько месяцев до восстания. Ефим Ярчук, видный член Кронштадтского Совета, находился в Москве и, когда не сидел в тюрьме, был под наблюдением ВЧК. В событиях 1921 года Ярчук не отводил хоть сколько-нибудь значительной роли анархистам. В списке анархистов, погибших в Гражданскую войну или ставших жертвами советского режима в 20-х годах, из кронштадтцев есть только Железняков, Ярчук и Блейхман.

Только один член ВРК, Перепелкин, как-то связывался с анархистами, но не напрямую. В газете мятежников всего однажды были упомянуты анархисты при опубликовании текста резолюции, в котором выдвигалось требование свободы слова и печати рабочим и крестьянам, анархистам и социалистическим партиям левого крыла.

Дух анархизма, присущий Кронштадту 1917 года, остался и в 1921 году. Перепелкин, по всей видимости единственный анархист среди лидеров восстания, как соавтор резолюции «Петропавловска» и ответственный за агитацию и пропаганду в мятежном Кронштадте, оказался в крайне выгодном положении с точки зрения пропаганды либертарианских идей. Некоторые из ключевых призывов мятежных матросов – «За свободные Советы», «Да здравствует третья революция», «Долой комиссарократию» – во время Гражданской войны были лозунгами анархистов, а лозунг «Вся власть Советам, а не партиям» напоминал анархистские призывы. С другой стороны, большинство анархистов уклонялись от любых призывов к власти, а моряки, со своей стороны, никогда не призывали к полной ликвидации государства, в то время как это было основное положение анархистской платформы.

В любом случае Кронштадтское восстание привело в восторг анархистов России. Они называли Кронштадт «второй Парижской коммуной» [165 - Эврич П. Указ. соч. С. 230.] и сурово осудили правительство, направившее войска для подавления мятежа.

В разгар восстания на улицах Петрограда появились листовки. В них анархисты критиковали жителей города за то, что они повернулись спиной к мятежникам, сохраняли спокойствие, когда на Финском заливе рвались снаряды: «Моряки сражаются за вас. Проснитесь и присоединяйтесь к борьбе против коммунистической диктатуры» [166 - Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 164 – 166.]. В то же время анархисты, вроде Беркмана и Гольдман, безуспешно пытались уладить конфликт, чтобы предотвратить кровопролитие.

Одним словом, ни одна из партий или групп не являлась ни вдохновителем, ни организатором восстания. Участники восстания были радикалами, принадлежавшими к разным партиям. Среди них были эсеры, меньшевики, анархисты, рядовые коммунисты – словом, те, у кого не было тщательно продуманного плана действий. Им не удалось четко сформулировать свою программу, сочетававшую идеи разных политических направлений. Программа скорее напоминала перечень обид, гневный протест против нищеты и беспорядка, чем последовательный и конструктивный план действий. Вместо конкретных предложений мятежники предпочли сослаться на то, что

Кропоткин назвал «созидательной работой масс», добавив: «Через свободно избранные Советы».

Скорее всего, их идеология может быть отнесена к разновидности анархо-народнического направления, основной задачей которого была реализация программ народнических организаций «Земля и воля» и «Народная воля», осуществление давней мечты о свободной федерации автономных коммун, в которых крестьяне и рабочие будут жить в гармоничном взаимодействии, свободные в политическом и экономическом отношении. Ближайшей к мятежникам по характеру и взглядам политической группой были эсеры-максималисты, отколовшиеся от партии социалистов-революционеров и занимавшие место между левыми эсерами и анархистами.

Почти все основные пункты кронштадтской программы, писали мятежные «Известия», совпадали с пунктами программы максималистов, придавая достоверность утверждению советских властей, что редактор газеты А. Ламанов – максималист.

Максималисты проповедовали доктрину тотальной революции. Они выступали против восстановления Учредительного собрания, призывая заменить его «трудовой советской республикой», основанной на свободно выбранных Советах. В политическом отношении это совпадало с целью кронштадтцев. «Власть Советам, а не партиям» – первоначально это был объединяющий лозунг эсеров-максималистов.

Не менее интересны параллели и в экономической сфере. Максималисты осуждали реквизицию зерна и создание государственных хозяйств, требовали передать всю землю крестьянам, были противниками установления рабочего контроля над буржуазной администрацией, склоняясь в пользу «общественной организации производства под руководством представителей трудящихся». Для максималистов, как и для мятежников, это не означало национализации предприятий и установления централизованной системы государственного управления. Они неоднократно предупреждали, что национализация приведет к бюрократизму, превратив рабочего в винтик огромной бездушной машины: «Не государственное руководство и рабочий контроль, а рабочее руководство и государственный контроль, с правительством, выполняющим задачу планирования и координации. Проще говоря, передать средства производства тем, кто ими пользуется». Эта идея прослеживается в каждом максималистском лозунге: « Вся земля крестьянам», «Все заводы рабочим», «Весь хлеб и товары трудящимся» [167 - Союз эсеров-максималистов. Трудовая советская республика. М., 1918; О рабочем контроле. М., 1918; Нестроев Г. Максимализм и большевизм. М, 1919; Максималист. 1918. 25 августа. № 2. С. 5 – 9; 1921. 15 апреля. № 16. С.

15 – 16.].

Язык и биографии участников восстания ясно указывают на его анархо-народническую направленность. Пропагандой в Кронштадте занимались люди, чьи чувства и слова были чувствами и словами крестьян и рабочих. Их выступления заключались в выкрикивании лозунгов и броских фраз; они говорили понятно, легко улавливая настроение толпы. Агитаторы мятежников (как позже заметил один из журналистов) писали и говорили на простом языке, не употребляя иностранных слов и не цитируя Маркса.

Избегая слова «пролетариат», они говорили, пользуясь терминологией народников, об обществе, в котором все «трудящиеся» – крестьяне, рабочие и интеллигенция – будут играть главенствующую роль. Они говорили о «социальной», а не «социалистической» революции, рассматривая конфликт классов не в узком смысле – как борьбу индустриальных рабочих против буржуазии, а как было принято у народников – борьбу всех трудящихся против всех, кто наживался на их несчастьях, то есть политиков и бюрократов, помещиков и капиталистов. Их мало занимали западные идеологии вроде марксизма и либерализма. Следуя народническим и анархистским традициям, они испытывали недоверие к парламентскому правительству; Герцен, Лавров и Бакунин считали парламент коррумпированным, враждебным институтом, «говорильней», защищающей интересы высшего и среднего классов от требований отверженных и обездоленных, для которых спасение заключалось в местном самоуправлении, традиционной русской коммуне.

Помимо прочего, кронштадтцы продемонстрировали сильные националистические чувства, что неудивительно, если принять во внимание их по большей части крестьянское происхождение. Хотя моряки и называли себя интернационалистами, их не слишком интересовало международное революционное движение. Они думали и говорили о русском народе и его судьбе, и тема «третьей революции» была сродни теме «третьего Рима» [168 - Третьим Римом назвал Москву писатель XVI века Филофей, объявив, что столица крепнущего Московского княжества заняла место Древнего Рима, разоренного варварами, и Второго Рима – Константинополя, завоеванного турками. (Примеч. пер.)].

Самодержавие рухнуло. Учредительное собрание распустили. Комиссарократия рушится. Пришло время настоящей власти, власти трудящихся, власти Советов [169 - Правда о Кронштадте. С. 128. (Два Рима пали, появился третий, но четвертого не будет!)].

Однако временами к их крестьянскому нативизму [170 - Нативизм – политика, проводящаяся в интересах коренного населения, направленная на

сохранение и защиту его собственной культуры и устранение элементов чужой. (Примеч. пер.)] примешивались элементы европейской революционной традиции.

Так, траурная церемония по погибшим мятежникам, проходившая в Морском соборе на Якорной площади, закончилась пением Марсельезы.

Народнический характер восстания проявлялся и в традиционных русских сказках, которые красной нитью проходили в идеологической ткани восстания.

Смысл одной сказки, глубоко укорененной в крестьянской психологии, был связан с централизованным государством, которое якобы является искусственным, насильно привитым России и считается причиной страданий народа. Ненависть к правительству уходила корнями в русскую историю, во времена крестьянских восстаний XVII и XVIII веков.

Господствующий класс, дворянство, по мнению Стеньки Разина и Пугачева, не имел отношения к русскому народу. Это была обособленная группа, паразиты, сосущие крестьянскую кровь. Подобно манихеям [171 - Манихейство – ересь, которая образовалась под влиянием попытки объединения христианства с началами персидской религии Зороастра, проповедовавшей дуализм, то есть существование от века двух самостоятельных начал или царств. (Примеч. пер.)], крестьяне делили мир на силы добра и зла.

Силы добра олицетворяли простые люди, которые боролись с силами зла – государством и его чиновниками. Кронштадтские моряки наследовали традиции стихийных крестьянских восстаний (бунтов). Они с той же готовностью бросились на борьбу с «комиссарами и бюрократами», с какой Разин и Пугачев боролись с «боярами и чиновниками». Те преступления, в которых раньше обвиняли дворянство, теперь ставились в вину новой правящей партии. На коммунистическую партию списывались все несчастья, свалившиеся на страну, – от голода и Гражданской войны до подневольного труда и эксплуатации народных масс.

Чувство отчужденности от государственного бюрократического аппарата как нельзя лучше иллюстрирует статья под заголовком «Мы и они», появившаяся в «Известиях ВРК» сразу же после первой большевистской атаки на Кронштадт, и термин «комиссарократия», придуманный моряками для обозначения советского режима. «Ленин сказал: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Но народ уверен, что большевистский коммунизм есть комиссарократия плюс расстрельные команды» [172 - Правда о Кронштадте. С. 79 – 80, 90; Восьмой съезд Советов. С. 30.].

Большевистский бюрократический аппарат подвергался яростным нападкам. Эта привилегированная каста карьеристов, заявляли мятежники, получает более высокую зарплату, у них выше нормы продовольственного пайка и удобные, теплые квартиры. Помните, какими криками проводили Калинина с Якорной площади? «Брось, Калиныч, тебе тепло», «Ты сколько должностей-то занимаешь и поди везде получаешь!», «Мы сами знаем, что нам надо. А ты, старик, возвращайся к своей жене».

Снова и снова партийных чиновников обвиняли в том, что они единолично пожидают плоды революции и придумали новую форму рабства для «тела и души» России. «Вот оно – светлое царство социализма, в которое ввела нас диктатура коммунистической партии. Мы получили казенный социализм с Советами из чиновников, послушно голосующих по приказу комитета партии с непогрешимыми комиссарами. Лозунг «Не трудящийся да не ест» при новом «советском» порядке повернулся наизнанку: все для комиссаров, для рабочих же, крестьян и трудовой интеллигенции остался упорный беспросветный труд в тюремной обстановке» (отрывок из статьи, напечатанной в четырнадцатом, последнем номере «Известий ВРК» от 16 марта 1921 года) [173 - Правда о Кронштадте. С. 172 – 174.].

Вполне понятно, что основными мишенями для критики были Зиновьев и Троцкий, «сидящие в мягких креслах в светлых комнатах царских дворцов и прикидывающие, каким образом лучше всего пролить кровь мятежников» [174 - Там же. С. 106.].

По вполне понятным причинам балтийцы ненавидели Зиновьева. Обладая практически безграничной властью в Петрограде, Зиновьев успешно подавил забастовки петроградских рабочих, а теперь еще и унизился до того, что взял в заложники членов семей мятежных моряков. Но ненависть, которую матросы испытывали к Троцкому, не идет ни в какое сравнение с их чувствами в отношении других. Военный комиссар, председатель Реввоенсовета, Троцкий должен был ответить за резкий ультиматум от 5 марта и за приказ перейти в наступление. Матросы не жалели эпитетов, говоря о Троцком: «кровожадный фельдмаршал Троцкий», «новоявленный Трепов», «Малюта Скуратов... предводитель коммунистической опричнины», «злой гений России», который «словно ястреб набросился на наш героический город», монстр, тиран, «стоящий по колено в крови рабочих». «Слушай, Троцкий! <...> Коммунисты выливали ушаты грязи на вождей Третьей Революции, отстаивающих истинную власть Советов, а не бесчинства комиссаров» («Известия ВРК» № 7 от 9 марта) [175 - Правда о Кронштадте. С. 80 – 82, 91, 120. (Т р е п о в – печально известный петербургский генерал-губернатор. Малюта Скуратов – думный дворянин в

царствование Ивана Грозного, один из руководителей опричнины.)).

Мятежники, строго следуя народническим традициям, провели четкую линию между Троцким и Зиновьевым с одной стороны и Лениным – с другой, между боярами-предателями и царем, от которого скрывали народные страдания. Низшие классы в России традиционно направляли свой гнев не против царя, который был «отцом родным», «помазанником Божиим», а против его коррумпированных, коварных советников. Угнетал бедных не диктатор. «Бог высоко, царь далеко», – гласит старая русская пословица. Во всех бедах виноваты помещик и чиновник, которые обдирают крестьянина и горожанина как липку.

Довольно любопытно, что во время кронштадтских событий поведение Ленина соответствовало этому представлению. В первую неделю, когда Троцкий и Зиновьев выкрикивали угрозы в адрес мятежников и готовили атаку на Кронштадт, Ленин находился в Москве, и его участие в событиях заключалось только в подписании приказа от 2 марта, в котором Козловский и его предполагаемые сообщники были объявлены вне закона. Ни разу мятежные «Известия» не упомянули его имени, когда поносили «жандармов» Троцкого и Зиновьева за «сокрытие правды» от народа [176 - Там же. С. 158.].

Однако 8 марта на открытии X съезда партии Ленин вышел на трибуну и заявил, что движение сил происходит под лозунгом «свободной торговли», а потом добавил: «Оно было за Советы и лишь против диктатуры большевиков», не забыв припутать «белых генералов и мелкобуржуазную анархическую стихию». После этого выступления ВРК впервые высказал критику в его адрес. Крестьяне и рабочие, писали «Известия ВРК», «никогда не верили словам Троцкого и Зиновьева», но не ожидали, что Ленин свяжется с этими «лицемерами». В статье его называли «царь Ленин», и теперь уже критика неслась в адрес «Ленина, Троцкого и К^о» [177 - Правда о Кронштадте. С. 89, 162, 179.].

Несмотря на это, даже теперь к Ленину относились с долей симпатии, отделяя его от «кровожадных» помощников. Вот что писали по этому поводу «Известия ВРК» от 14 марта: «Не так давно на дискуссионном собрании о профсоюзах он говорил: «Все это мне смертельно надоело, и я независимо от своей болезни рад бы все бросить и бежать куда угодно». Но бежать ему не дадут его единомышленники. Он находится у них в плену и должен клеветать так же, как и они. А с другой стороны, и политика партии такова, что проведению ее в жизнь препятствует Кронштадт, требующий не «свободной торговли», а подлинной власти Советов» [178 - Там же. С. 150 – 152.].

Как тут не вспомнить старые сказки о добром царе – беспомощном пленнике бояр-предателей. Когда в Кронштадте портреты Троцкого и других большевистских лидеров сорвали со стен кабинетов, портреты Ленина продолжали висеть, где висели.

Даже после того, как восстание утопили в крови, отношение к Ленину не изменилось. Находясь в финском лагере для интернированных, Яковенко, заместитель председателя ВРК, в разговоре дал ясно понять, что Ленин не имеет ничего общего со своими помощниками. Во время Октябрьской революции Яковенко сражался на стороне большевиков и был возмущен действиями партии, предавшей идеалы революции и не выполнившей обещания. Побагровев от гнева, он бросал обвинительные слова в адрес «убийцы Троцкого» и «негодяя Зиновьева». «Я уважаю Ленина, но Троцкий и Зиновьев тянут его за собой. Мне бы хотелось задушить этих двоих собственными руками» [179 - Революционная Россия. 1921. № 8. С. 6.].

Для мятежников Троцкий был живым воплощением военного коммунизма, всего того, против чего восстали моряки. Его имя было прочно связано с централизацией, милитаризацией и железной дисциплиной. По вопросу о профсоюзах Троцкий занял жесткую, догматическую позицию, в отличие от тактичного, примирительного ленинского подхода. Троцкий не воспринимал крестьянство как революционную силу, в то время как Ленин всегда считал, что для удержания власти необходимо привлечь крестьян на свою сторону. Троцкий был нетерпим, высокомерен, несдержан в проявлении чувств. В своем знаменитом «Завещании» Ленин назвал его излишне самоуверенным. Сам Ленин был человеком без всяких претензий, скромным в быту и за это пользовался уважением простых людей.

Кроме того, он был родом с Волги – из самого сердца крестьянской России. Скромный, ведущий аскетический образ жизни, обычный сын России, деливший с народом все горести и доступный во времена тяжелых испытаний. В отличие от Ленина Троцкий и Зиновьев были евреями и отождествлялись скорее с международным крылом коммунистического движения, чем с Россией; Зиновьев действительно был председателем Исполкома Коминтерна. По мнению ВРК, во время Гражданской войны Троцкий был виноват в смерти тысяч невинных людей «отличной от его национальности» [180 - Интервью с членами Временного революционного комитета: Рукопись / Библиотека Гувера.].

В то же время мятежники категорически отрицали свой антисемитизм, но совершенно ясно, какие чувства они испытывали по отношению к евреям. Многие из балтийских моряков были родом с Украины и из западных приграничных областей – центров антисемитизма в России. Во все тяжелые

для страны времена евреи были козлами отпущения. Крестьяне и рабочие традиционно испытывали недоверие к «иностранцам». Революция избавила их от помещиков и капиталистов, и теперь их враждебность была направлена против коммунистов и евреев.

Моряки, кстати, узнали о том, что Троцкий и Зиновьев евреи, только из антисемитской пропаганды, проводимой белыми во время Гражданской войны в попытке связать коммунизм с еврейским заговором. «Бронштейн (Троцкий), Апфельбаум (Зиновьев), Розенфельд (Каменев), Штейнберг – все они подобны тысячам других истинных сынов Израиля», – было написано в листовке, обвиняющей большевиков-евреев в заговоре с целью завоевания всего мира [181 - Кох Н. Оправдание геноцида. Лондон, 1967. С. 120.].

Из воспоминаний матроса, находившегося во время восстания на военноморской базе в Петрограде, становится ясно, что выдумки, подобные этой, ходили по всему Балтийскому флоту.

В одном месте он с особой злобой нападает на большевистский режим, называя его «первой еврейской республикой»; называет евреев новым «привилегированным классом», классом «советских князей». Всю накопившуюся злобу он изливает на Троцкого и Зиновьева (Бронштейна и Апфельбаума, как он часто обращается к ним), называя ультиматум, выдвинутый правительством Кронштадту, «ультиматумом еврея Троцкого». Его чувства, заявляет автор воспоминаний, разделяют товарищи-моряки, которые убеждены, что евреи, а не крестьяне и рабочие оказались в выигрыше благодаря революции. Евреи заняли руководящие посты в коммунистической партии и Советском государстве. Они во всех правительственных учреждениях, особенно в Народном комиссариате по продовольствию, и делают все возможное, чтобы их товарищи евреи не голодали, и даже заградительными отрядами, на 90 процентов укомплектованными русскими, в большинстве случаев командуют евреи – подобным образом рассуждали не только в Кронштадте, но и в Петрограде. Автор был свидетелем призыва Вершинина, когда 8 марта он вышел из крепости на лед Финского залива на переговоры с большевистским отрядом. «Хватит криков «ура». Присоединяйтесь к нам бить евреев. Это мы, рабочие и крестьяне, допустили их чертову власть» [182 - Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 95 – 96.].

Мятежники с враждебностью относились к бюрократическому аппарату, но это чувство не распространялось на рядовых членов партии. Уже находясь в Финляндии, в интервью многие члены ВРК с горечью говорили о коммунистах, отобравших у народа права и свободы.

Кровавое подавление восстания обострило антагонизм, и мятежники,

конечно, обвиняли во всем партийных лидеров, а не рядовых членов партии. Петриченко и Кильгаст, бывшие члены партии, поняли, что коммунисты предали идеалы революции, и твердо решили вернуть революцию на первоначальный путь развития. Россия превратилась в «страшное болото», в «крошечный круг бюрократов, которые, под масками коммунистов, свили себе удобное гнездо в нашей республике» [183 - Правда о Кронштадте. С. 66.]. Это заявление одного матроса, члена партии, как нельзя лучше характеризует общее мнение моряков-балтийцев.

При всей ненависти к большевистской власти моряки никогда не призывали расформировать партию. Лозунг «Советы без коммунистов» не был, как часто пишут советские и зарубежные источники, кронштадтским. Во время Гражданской войны крестьянские отряды в Сибири призывали к Советам без коммунистов, а на юге банда Махно требовала нечто подобное: «За Советы, но против коммунистов».

Моряки не присваивали этих лозунгов. То, что они якобы использовали их, относится к области фантастики. Похоже, это дело рук лидера кадетов Милюкова, который, находясь в Париже, изложил цели мятежников в двух лозунгах: «Советы вместо большевиков» и «Долой большевиков. Да здравствуют Советы!». Моряки, писал Милюков, требуют перейти от существующей однопартийной системы к коалиции социалистов и беспартийных радикалов, действующей через Советы, в которых не будет коммунистов. В этом случае появится возможность восстановить Учредительное собрание.

Подобная трактовка была далека от кронштадтской программы, в которой не было места Учредительному собранию, а большевикам, наряду с другими политическими организациями левого крыла, отводилось место в Советах. Коммунистов действительно исключили из местных ревтроек во время мятежа, но они на общем основании принимали участие в делегатском собрании.

Мятежники не ставили перед собой цели полностью уничтожить коммунизм – они просто хотели очистить партию от диктаторских и бюрократических тенденций. В этом отношении Кронштадт был сродни оппозиционным движениям внутри партии: «флотской оппозиции», демократическим централистам, рабочей оппозиции, с которыми разделял недовольство существующей политикой и идеалистические взгляды. Подобно «флотской оппозиции», к которой, несомненно, некоторые из них принадлежали, мятежники выражали протест против жестоких, деспотичных методов политических комиссаров. Моряки, как и демократические

централисты, выступали против авторитарности большевистских лидеров и призывали к демократизации партии и Советов. И наконец, подобно рабочей оппозиции, они возражали против милитаризации рабочей силы. Термин «милитаризация» включал в себя единоначалие на производстве и железную дисциплину на фабриках и заводах, подчиненное положение профсоюзов, возврат военспецов на руководящие посты. Кронштадтцы высказывали недовольство, и это роднило их со всеми тремя перечисленными оппозиционными группами, постепенно растущим отрывом партии от народа, и резко критиковали большевистских лидеров за осквернение революционных святынь, за принесение в жертву демократических и эгалитарных идеалов на алтарь власти, беспринципности, своекорыстия.

Однако не стоит слишком увлекаться сравнениями. Мятежники продемонстрировали тесную связь с крестьянством, а рабочая оппозиция и демократические централисты состояли из рабочих и интеллигенции, которые не обращали особого внимания на проблемы деревни. Но, что намного важнее, эти оппозиционные группы, в отличие от мятежников, стремились сохранить монополизированную большевиками власть, оправдывая террористический способ ее удержания. Их требования ограничивались проведением внутрипартийных реформ; они никогда не требовали, чтобы большевики разделили власть с другими социалистическими партиями. Лидеры оппозиции были не в восторге, что некоторые пункты их программы совпадают с пунктами программы мятежников, и поэтому старались отмежеваться от кронштадтцев. На X съезде партии представители рабочей оппозиции Шляпников и Коллонтай категорически отрицали какую-либо связь с мятежниками и, повторяя слова Ленина на открытии съезда, говорили, что на мятежников оказала влияние «мелкобуржуазная анархическая стихия». На брошенный из зала вызов Коллонтай заявила, что члены рабочей оппозиции были среди первых добровольцев, отправившихся на борьбу с мятежниками.

Юрий Лутовинов, еще один лидер рабочей оппозиции, во время мятежа находился в Берлине в качестве заместителя руководителя советской торговой делегации. В беседе с журналистами он осудил мятежников, повторив официальную версию о белогвардейском заговоре с участием меньшевиков и эсеров. Правительство медлило применять силу для подавления восстания, сказал Лутовинов, с единственной целью: оградить гражданское население города от страданий, но «ликвидация мятежа вопрос если не часов, то дней» [184 - Беседа с Ю.Х. Лутовиновым // Новый мир. 1921. 13 марта.].

А тем временем местную коммунистическую организацию Кронштадта

поразил оппозиционный вирус. Восстание, как признался Троцкий, привлекло в свои ряды немало большевиков, некоторые присоединились к мятежникам из страха репрессий, но большая часть искренне поддерживала программу моряков. По оценке Троцкого, 30 процентов коммунистов Кронштадта принимали активное участие в восстании, а 40 процентов заняли нейтральную позицию.

В период с сентября 1920 года по март 1921 года число членов партии уменьшилось в два раза (с 4 тысяч до 2 тысяч человек) – яркий показатель бунтарских настроений, воцарившихся в конце Гражданской войны. Во время восстания произошел быстрый развал Кронштадтской партийной организации: осталось приблизительно 500 членов партии и 300 кандидатов в члены партии, причем, по свидетельству одного из членов партии, полностью деморализованные.

Время от времени «Известия ВРК» печатали списки выбывших из партии. Только в двух номерах газеты был опубликован список, превышавший 200 фамилий. Основной причиной подобного отступничества послужило начавшееся 7 марта наступление большевиков на Кронштадт, свидетельство тому письма жителей Кронштадта, печатавшиеся в «Известиях ВРК». «Коммунистическое учение с его девизом «Все для народа» захватило меня своею чистотою и красотою, и в феврале 1920 года я вступила кандидаткою в РКП, но при первом выстреле по мирному населению, по моим горячо любимым детям, коих в Кронштадте около 6 или 7 тысяч, я содрогнулась от мысли, что я могу считаться соучастницей в проливаемой крови невинных жертв; я почувствовала, что верить и исповедовать то, что опозорило себя зверским поступком, я не в силах, а потому с этим первым выстрелом я перестала считать себя кандидаткою РКП. Учительница Мария Николаевна Шатель» («Известия ВРК» № 8 от 10 марта).

Чем тяжелее был грохот канонады, тем больше членов партии в Кронштадте покидало ряды партийной организации. Каждый день на страницах «Известий ВРК» появлялись письма от коммунистов, осуждающих правительство за использование силовых методов и одобряющих контрмеры ВРК. Те, кто публично объявил о выходе из партии, не отказывались от коммунистических идеалов, но критиковали руководство партии за их извращение ради собственной выгоды. Приведенные ниже письма дают ясное представление об атмосфере, царившей в Кронштадте в те страшные дни: «Широкий взмах просветительной волны, брошенный коммунизмом, классовая борьба трудящихся с эксплуататорами, советское строительство вовлекли меня в партию коммунистов, кандидатом которой я состою с 1 февраля 1920 г. За время пребывания в партии передо мною открылся целый

ряд существенных недочетов среди верхов партии, обрызгавших грязью красивую идею коммунизма. Среди последних отталкивающе действовали на массы бюрократизм, оторванность от масс, диктаторство, большое количество так называемых «примазавшихся» карьеристов и т. п. Все эти явления порождали глубокую пропасть между массой и партией, превращая последнюю в бессильную организацию по борьбе с внутренней разрухой страны. Не желая являться сторонником варварских поступков тов. коммунистов, а также не разделяя тактики «верхов», вызвавших кровопролитие и большие бедствия народных масс, открыто заявляю перед Вр. Революционным комитетом, что с момента первого выстрела по Кронштадту я не считаю себя больше кандидатом РКП, а всецело присоединяюсь к лозунгу, выдвинутому трудящимися Кронштадта: «Вся власть Советам, а не партиям!» Преподаватель 2-й трудшколы Т. Денисов» («Известия ВРК» № 10 от 12 марта).

«Признавая, что политика коммунистической партии завела страну в безвыходный тупик – так как партия обюрократилась, ничему не научилась, не хотела учиться и прислушиваться к голосу масс, которым она пыталась навязать свою волю, не считаю себя больше членом РКП и всецело присоединяюсь к резолюции, принятой на общегородском митинге 1 марта, и прошу располагать моими силами и знаниями. Настоящее прошу опубликовать в местной газете. Сын политического ссыльного по делу 193-х, красный командир Герман Канаев» («Известия ВРК» № 3 от 5 марта).

Во время восстания партийная организация Кронштадта не представляла серьезной оппозиции. 2 марта приверженцы партии, порядка 200 человек, собрались в помещении Высшей партийной школы и недолго думая пришли к выводу, что положение безнадежное и надо уходить по льду на Красную Горку.

На ранней стадии восстания часть стойких приверженцев партии ушли на материк и на окружающие Котлин форты в тщетной попытке поднять их против мятежников. В свою очередь ВРК взял под арест главных партийных лидеров. Первые коммунисты были арестованы 2 марта на делегатском собрании, проходившем в Морском инженерном училище. Ими были Кузьмин, начальник политотдела Балтийского флота, Васильев, председатель несуществующего Совета, и Коршунов, комиссар Кронштадтской эскадры линейных кораблей. На следующий день патруль мятежников перехватил на пути к форту Тотлебен начальника политуправления Балтийского флота Э.И. Батиса.

Среди арестованных был и Л.А. Брегман, председатель Кронштадтского комитета РСДРП (б).

Несколько чиновников избежали ареста, сотрудничая с мятежниками. 2 марта было организовано Временное бюро Кронштадтской организации РКП в составе Я.И. Ильина, комиссара по продовольствию, Ф.Х. Первушина, бывшего председателя Совета, и А. С. Кабанова, председателя Кронштадтского профсоюза. 4 марта Временное бюро выпустило декаларацию, в которой призвало коммунистов Кронштадта к сотрудничеству с ВРК. Бюро предупреждало против «злонамеренных слухов», распускаемых агентами Антанты, что коммунисты якобы готовятся подавить восстание и что мятежники будут расстреливать членов партии.

Как выяснилось, Ильин только делал вид, что сотрудничает с мятежниками, – он просто пытался выиграть время, дожидаясь помощи с материка. Ильин тайком позвонил в Красную Горку и сообщил о продовольственных запасах Кронштадта. Вскоре обман был обнаружен. Ильина арестовали, а бюро, по всей видимости, распустили, поскольку до конца восстания о нем больше никто ничего не слышал.

Ходили разговоры, что за период восстания было арестовано порядка 300 коммунистов; кого-то из них поймали при попытке сбежать из Кронштадта, некоторых ВРК посчитал особо опасными. Прямо скажем, цифра не впечатляющая, если учесть, что власти казнили сорок пять моряков в Ораниенбауме и взяли в заложники членов семей кронштадтцев. Возможно, это несколько поумерило пыл мятежников. В любом случае, в самый разгар страстей кронштадтцы отличались гуманным отношением к противнику. Арестованные большевики содержались в нормальных условиях, они не подвергались пыткам, их не избивали – ведь мятежники воевали не с белыми, которых ненавидели лютой ненавистью, а со своими товарищами-революционерами; они просто хотели исправить допущенные властями ошибки.

Мятежники не тронули даже самых непопулярных чиновников. Говорили, что Кузьмина жестоко избили и он по чистой случайности избежал расстрела. Чистые домыслы! После восстания Виктор Серж встретил его в целости и сохранности в Смольном, и Кузьмин признался, что эти рассказы очень преувеличенны: с ним и его товарищами обращались вежливо, Ильина тоже не тронули, хотя Петриченко был очень зол на него за предательство.

Когда Временный революционный комитет узнал, что родственникам коммунистов был объявлен бойкот, а кого-то уволили с работы, то предупредил население: «Несмотря на возмутительные действия коммунистов, мы ограничимся тем, что изолируем их от общества, чтобы их злостная, лживая агитация не мешала нашей революционной деятельности» [185 - Правда о Кронштадте. С. 75, 84.].

После первой волны арестов власти ответили захватом заложников и предупредили, что причинение вреда арестованным коммунистам повлечет за собой серьезные последствия. Арестованные коммунисты, по их собственным словам, жили в постоянном страхе перед расстрелом.

Их положение ухудшилось, когда мятежники перехватили 50 коммунистов с форта Красноармейский, прорывавшихся на Карельский перешеек. Были случаи, когда приверженцы режима посылали сигналы на берег с помощью карманных фонарей и сигнальных ракет. В результате, особенно после 8 марта, мятежники стали строже обращаться с кронштадтскими большевиками. 10 марта всем коммунистам было приказано сдать оружие и карманные фонари. ВРК обратился к населению с просьбой внимательно следить за предателями, передающими световые сигналы врагу. Правосудие будет вершиться на месте, без суда и следствия, согласно законам, продиктованным моментом, предупреждали «Известия ВРК».

Находясь в Финляндии, в интервью американскому журналисту Петриченко, характеризуя восстание, сказал, что оно не что иное, как стремление избавиться от большевистского гнета, и стоило ему начаться, как люди почувствовали прилив энтузиазма и горячо взялись за дело.

Одной фразой он передал атмосферу восстания, отличительной особенностью которого была стихийность, свойственная и крестьянским восстаниям, и забастовкам рабочих того периода. Все эти мятежи являлись звеньями одной цепи и в целом составляли массовое движение в традициях Разина и Пугачева. Моряки походили на казаков и стрельцов, унаследовав в полной мере их склонность к внезапным вспышкам против деспотизма. Та же традиция прослеживается в революции 1917 года, которая стала новым вариантом классического русского восстания вроде Пугачевского, которое Петр Гринев, герой А.С. Пушкина, характеризует как «бунт бессмысленный и беспощадный». А вот анархисты, максималисты и экстремисты левого крыла считали, что наконец-то свершилась «социальная революция». Они разделили свою судьбу с большевиками, чьи лозунги, частично заимствованные у синдикалистов и эсеров, соответствовали их настрою и стремлениям: «Земля крестьянам!», «Долой Временное правительство!», «Фабрики рабочим!». В качестве революционной программы они были ближе к народничеству, чем к марксизму, а потому ближе и понятнее русскому народу.

Однако после Октября Ленин и его партия, стремившиеся укрепить власть и спасти страну от хаоса, попытались направить Россию на путь централизма и авторитаризма. Их действия вступили в противоречие с желаниями крестьянства и рабочего класса, для которых само понятие «революция» уже

означало децентрализацию и отсутствие авторитаризма. Народ хотел жить в децентрализованном обществе, основанном на местной инициативе и самоопределении. Крестьяне не видели разницы между «большевиками», избавившими их от дворян и помещиков и передавшими им землю, и «коммунистами», организовавшими государственные хозяйства и направившими продотряды в деревни. В 1917 году большевики обещали наступление анархо-народнического тысячелетия, но, захватив власть, вернулись на исходную позицию.

Вообще говоря, в русской революционной традиции просматриваются две противоположные тенденции. Одну, централистскую, нацеленную на смену старого порядка революционной диктатурой, представляли Ленин и его партия. Другую, ведущую к децентрализованному самоуправлению при отсутствии властных полномочий у правительства, представляли анархисты и эсеры. Кронштадт с его крестьянским партикуляризмом [186 - Партикуляризм (от лат. *particula* – частица) – понятие, обозначающее всякое движение, целью которого является приобретение или удержание политической, административной или культурной автономии для тех или иных частей государства. Крайние проявления партикуляризма – сепаратизм (движение за отделение и образование самостоятельного государства) и децентрализм. (Примеч. пер.)] и стихийными восстаниями относился ко второй категории.

Моряки, противники централизованного деспотизма, отвернулись от бывших союзников – большевиков – и их элитного государственного социализма. Они зашли так далеко, что заявили, будто большевистская программа не имеет никакого отношения к социализму. Для мятежников, как и для Бакунина, социализм без личной свободы и самоопределения был только новой формой тирании, в каком-то смысле даже худшей, чем предыдущая.

Это расхождение во взглядах на социализм и стало основой восстания, вспыхнувшего в марте 1921 года. Характерной особенностью большевизма было неверие в стихийную деятельность масс. Ленин считал, что рабочие и крестьяне или удовлетворятся частичными реформами, или, что хуже, станут жертвой реакционных сил. По его мнению, массы должны управляться «со стороны», убежденным революционным авангардом. Ситуацию в Кронштадте Ленин рассматривал с этой точки зрения. Из этого случая мы должны извлечь уроки, политические и экономические, сказал он, выступая на X съезде партии. Произошла «передвижка власти», и как бы она ни была вначале мала, как бы незначительны ни были поправки, которые делали кронштадтские матросы и рабочие, на самом деле беспартийные элементы

служили здесь только ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы. В стране, где пролетариат составляет меньшинство, сказал Ленин, такая форма контрреволюции «более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые» [187 - Десятый съезд РКП(б). С. 33 – 34.].

Больше, чем чего бы то ни было иного, Ленин боялся «нового Пугачевского бунта». Он опасался, что тот же анархистски настроенный народ, который привел большевиков к власти, теперь отберет эту власть. Что делало моряков особенно опасными, в отличие от белых, – это то, что они подняли мятеж от имени Советов. Мятежники, как заметил Виктор Серж, душой и телом были привержены революции.

Моряки выражали волю народа и, естественно, вызывали сильное беспокойство большевистских лидеров. Ленин понимал всю привлекательность призывов мятежников для народа и подвергал их ожесточенным нападениям за «мелкобуржуазность» и «анархизм» с той же силой, с какой в свое время обрушивался на народников. В век централизованных государств и всей индустрии мечты о создании коммун и кустарных производств были не просто примитивны – реакционны. Вот почему для Ленина Кронштадт был опаснее Белой армии времен Гражданской войны. Если Кронштадт пойдет своим путем, рассуждал Ленин, это будет означать конец власти, разрушение единства. Это приведет к распаду страны на тысячи отдельных частей, затем наступит период хаоса и разобщенности, как в 1917 году, но на этот раз все будет направлено против существующего порядка. На смену придет другой централизованный режим, и скорее правый, чем левый, поскольку Россия не сможет выжить в состоянии анархии. Поэтому для Ленина все было предельно ясно: любой ценой следовало подавить мятеж.

Глава 6

ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ

9 марта, после неудачного наступления на мятежную крепость, Каменев произнес речь на X съезде партии в Москве. Положение, сказал он, оказалось сложнее, чем представлялось, и поэтому подавить мятеж рано утром не удалось.

Первая атака была преждевременной. Стремясь подавить восстание, пока мятежники не получили помощь извне и восстание не перекинулось на материк, власти действовали излишне поспешно, не подготовившись должным образом. В результате большевики понесли тяжелые потери.

Теперь времени оставалось в обрез: вскоре должно было начаться таяние льда. Тухачевский в срочном порядке готовил второе наступление на Кронштадт. К театру военных действий подключили артиллерию и авиацию. На противоположном от Котлина берегу скапливались войска, переброшенные со всех концов страны: из Смоленска и Витебска, Рязани и Нижнего Новгорода прибывали батальоны курсантов и молодых коммунистов под пение «Интернационала», символизирующего их революционную преданность.

Для решающего штурма мятежной крепости части Красной армии пополнили опытными в военном деле, закаленными в борьбе коммунистами. Кроме того, массовую мобилизацию провел ЦК комсомола. Само собой разумеется, что это мощное пополнение значительно укрепило политико-моральное состояние всего личного состава частей, стоявших под Кронштадтом. Преданные власти полки прибыли с Украины и польского фронта, входившим в их состав людям разных национальностей было проще стрелять в мятежников, чем русским солдатам. Как заметил один обозреватель, против народа боролись коммунисты и инородцы.

Для оказания помощи в наступлении под Кронштадт прибыли Дыбенко, Федько, Конев и многие другие военные специалисты – командиры и комиссары, активные участники Гражданской войны. Дыбенко, известный большевик, бывший матрос-балтиец с «Петропавловска», в листовке, адресованной «старым товарищам матросам Кронштадта», осудил Петриченко, назвав его «полтавским кулаком», и призвал мятежников сложить оружие.

Правительство делало все возможное, чтобы убедить красноармейцев в том, что матросы – это контрреволюционеры, соответственно и их мятеж контрреволюционный. Средства массовой информации упорно настаивали, что мятежники «белого Кронштадта» действуют по указке эмиграции, при поддержке союзников. «Долой кронштадтских предателей. Кронштадт будет красным», – кричал заголовок одной из петроградских газет [188 - Красная газета. 1921. 10 марта.].

В Петрограде воцарилась тревожная тишина. Зиновьев, в попытке предотвратить вспышки в период подготовки новой атаки на Кронштадт, пообещал жителям города созвать общегородскую конференцию беспартийных рабочих и обуздать бюрократов в партии и правительстве.

Москва выражала все большую озабоченность положением в Кронштадте. 10 марта Троцкий вернулся в Москву, и его выступление на закрытом заседании X съезда партии было наполнено мрачными нотами. В тот же вечер около 300 делегатов вызвались отправиться на фронт. Стремясь

доказать свою преданность, члены рабочей оппозиции и фракции демократического централизма одними из первых сделали шаг вперед.

Один из добровольцев, М. Рафаил, написал книгу, в которой говорится о роли делегатов партийного съезда в последнем штурме крепости. Делегаты выехали из Москвы в Петроград в ночь на 11 марта. На следующий день около полудня участники X съезда на автомашинах направились на различные боевые участки расположения советских войск под Кронштадтом. М. Рафаил в группе делегатов был направлен в Ораниенбаум; в пути они пели «Интернационал» .

Хотя некоторые делегаты должны были принять участие в военных действиях, их основная задача состояла в том, чтобы поднять моральный дух солдат, которые должны были стрелять в мятежников, убедить солдат, что они защищают революцию от врагов. Вторая задача состояла в том, чтобы убедить мятежников сложить оружие.

От имени делегатов X съезда партии издавались многочисленные листовки и воззвания к красноармейцам и краснофлотцам. Несколько таких листовок было подготовлено специально для гарнизона мятежников и сброшено с самолета над Кронштадтом. Вот отрывок из одного воззвания:

«Кронштадтцы! Ваш «Временный революционный комитет» уверяет: «В Кронштадте идет борьба за власть Советов». Многие из вас думают, что в Кронштадте продолжают великое дело революции. Но действительные руководители ваши те, которые ведут дело скрытно, которые из хитрости покуда не высказывают своей настоящей цели. О, они-то отлично знают, что делают, отлично понимают смысл происходящих событий и трезво рассчитывают, когда можно будет сделать следующий шаг по пути восстановления власти буржуазии, помещиков, генералов, адмиралов, дворян и других паразитов... Сейчас ваши действия – открытая белогвардейщина, прикрываемая до поры до времени пустыми словами о Советской власти без коммунистов. Пустыми, ибо во время тяжелой борьбы трудящихся за самоосвобождение без Коммунистической партии никакой Советской власти быть не может... Белогвардейцы рукоплещут вам и ненавидят нас; выбирайте скорее – с кем вы, с белогвардейцами против нас или с нами против белогвардейцев... Время не ждет. Торопитесь» [189 - Красная летопись. 1931. № 2. С. 50 – 54.].

Поначалу делегаты не имели особого успеха – моральный уровень Красной армии оставался довольно низким, в то время как дух защитников крепости не претерпел никаких изменений, они были по-прежнему полны энтузиазма.

9 марта предпринимались попытки выйти на лед, но их немедленно пресекали бдительные защитники Кронштадта. На следующий день

советские самолеты бомбили крепость, а вечером материковые батареи принялись обстреливать мятежную цитадель. Утром, в начале одиннадцатого, под прикрытием артиллерии с южного берега была сделана попытка перейти в наступление. Мятежники отразили атаку, нанеся противнику сильный урон, после чего наступило затишье. На Финский залив опустился густой туман, не давая возможности продолжать военные действия. Из-за плохой видимости самолет, летевший из Ораниенбаума в Петроград, по ошибке сел в Кронштадте. Быстро сориентировавшись, пилот газанул и умудрился благополучно долететь до Петрограда.

Несмотря на многочисленные неудачи, советское командование, отказавшись приостановить наступление, приняло решение подавить мятеж до таяния льда. 12 марта возобновились бомбежки с воздуха и артиллерийские обстрелы, правда без особых результатов. Согласно эмигрантскому источнику, один советский самолет был сбит и упал в Финский залив.

Следующий день стал повторением предыдущих: за артобстрелом последовало наступление с южного берега. Не помогли даже белые маскировочные халаты; бойцам Советской армии пришлось отступить под перекрестным огнем с отдаленных мятежных фортов. Но большевики не собирались отказываться от штурма крепости. Рано утром 14 марта они бросили в наступление свежие силы и опять были вынуждены отступить под ураганным огнем артиллерии, оставив на льду мертвых и раненых. Это было последнее из мелкомасштабных наступлений. В течение следующих 72 часов продолжались непрерывные обстрелы Кронштадта с воздуха и земли, а в это время коммунисты подтянули силы для решающего штурма мятежной цитадели.

Пока велась подготовка к штурму крепости, у большевиков возникли серьезные проблемы. Поступило сообщение, что железнодорожники Красного Села отказались пропустить воинские составы, следовавшие в район боевых действий. Есть и свидетельство молодого коммуниста из Москвы, который рассказал, что поезд Петроград – Ораниенбаум делал частые остановки. Машинист ссылался на некачественное топливо, но добровольцы подозревали его в предательстве.

Накануне последнего наступления, 16 марта, произошел более серьезный инцидент. В район станции Лигово была переброшена 27-я Омская стрелковая дивизия, направленная с Западного фронта для усиления войск под Кронштадтом. Дивизия успешно сражалась против колчаковцев и белополяков, имела хорошую боевую подготовку. Однако под Кронштадтом,

еще не вступив в бой, в дивизии началось брожение, которое вылилось в форму открытого неповиновения, когда последовал приказ о переброске в Ораниенбаум. Мятежники призывали идти в Петроград бить евреев. Мятеж был быстро и решительно пресечен, но даже у красных курсантов осталось какое-то неприятное чувство по отношению к властям. Примерно в то же время был раскрыт антибольшевистский заговор в Петергофском командном училище; заговорщиков арестовали и под конвоем отправили в Петроград.

Однако, несмотря на определенную потерю доверия к власти, в течение последних двух дней перед штурмом резко возрос моральный дух Красной армии – во многом благодаря делегатам X съезда партии. 15 марта съезд проголосовал за замену принудительной реквизиции натуральным налогом. Когда Ленин объявил о введении новой экономической политики, делегат из Сибири сказал, что «необходимо срочно сообщить об этом в Сибирь, чтобы остановить выступления крестьян» [190 - Десятый съезд РКП (б). С. 430, 468.].

Находившиеся на фронте делегаты поспешили сообщить эту новость красноармейцам. Эффект превзошел все ожидания. По словам большевистского комиссара, произошло «резкое изменение в настроении» солдат, ведь большинство из них были крестьянами [191 - Красная летопись. 1931. № 2. С. 32.].

Выступление Ленина означало окончание военного коммунизма и оказало решающее влияние на действия Красной армии в последнем сражении.

Примерно в то же время наметились изменения в настроениях кронштадтцев. До середины марта в городе царила боевая атмосфера. «Сегодня годовщина свержения самодержавия и канун падения комиссарократии», – с гордостью объявили мятежные «Известия» 12 марта [192 - Правда о Кронштадте. С. 126.].

Курьер из американского консульства в Выборге, посетивший в тот день крепость, отметил «хорошую дисциплину и настроение в гарнизоне и в городе». Подобное сообщение пришло и от корреспондента эсеров, который написал, что в городе царит полный порядок. «Мы хотим начать работу по освобождению России, – сказал ему Петриченко, – и стремимся перетянуть население Петрограда на свою сторону; мы добьемся подлинной власти Советов» [193 - Куартон – Государственному секретарю США, 13 марта 1921 года / Государственный архив, 861.00/8319; Тайме. 1921. 17 марта; Воля России. 1921. 15 марта.].

Кронштадтцы по-прежнему верили, что их дело правое и мятеж в скором времени распространится на материк; 11 марта мятежные «Известия» обратились с призывом присоединиться к борьбе против большевистской

тирании: «Кронштадт борется за вас, голодных, холодных, раздетых. Пока властвуют большевики, вам никогда не видать ничего лучшего...

Кронштадтцы подняли знамя восстания и уверены, что десятки миллионов рабочих и крестьян откликнутся на их призыв. Не может быть, чтобы заря, которая занялась у нас, не стала ясным днем для всей России. Не может быть, чтобы кронштадтский взрыв не заставил вздрогнуть и поднять всю Россию, и прежде всего Петроград. Поднимайтесь, товарищи, на борьбу с самодержавием коммунистов!» [194 - Правда о Кронштадте. С. 120 – 121.]

Временный революционный комитет предпринимал все возможное, чтобы усилить обороноспособность острова. С наступлением вечера Котлин погружался во тьму. Несмотря на интенсивную бомбардировку, Кронштадт не понес серьезных потерь. Люди, посетившие остров, сообщали, что «особых разрушений на фортах и в городе не обнаружено». До 10 марта, по данным мятежников, было убито 14 и ранено 4 человека (2 матроса, солдат и гражданское лицо); 12 марта мятежные «Известия» сообщили о ранении четырнадцатилетнего подростка во время патрулирования города, посчитав этот случай заслуживающим внимания. Ничто не могло его остановить, писала газета, поскольку в прошлом году в деревне большевики застрелили его отца.

Однако положение резко ухудшалось. Вопреки ожиданиям мятежников, Петроград не проявлял особого желания присоединиться к восстанию. Несколько экземпляров кронштадтских «Известий» удалось наклеить на стены фабрик и заводов в Петрограде, и в одном случае с грузовика разбросали по улицам Петрограда листовки с призывами мятежников. Рабочие завода «Арсенал» 7 марта одобрили решение кронштадтцев и направили делегатов на другие предприятия города с предложением устроить всеобщую забастовку в поддержку мятежников.

Их усилия не увенчались успехом. Успокоенный уступками и напуганный присутствием войск, город сохранял спокойствие. Моряки поняли, что их предали; долгое время уже после подавления мятежа чувство обиды терзало их сердца. Находясь в Финляндии, многие беженцы говорили, что рабочие Петрограда собирались примкнуть к восстанию, и мятежники считали, что забастовки выльются в настоящую революцию. Ф. Дан, посетивший арестованных моряков в тюрьме, выслушал обвинения в адрес рабочих, продавшихся «за фунт мяса».

Кронштадт так и не получил настоящей поддержки. Один, в полной изоляции, он подвергался частым воздушным атакам и артиллерийским обстрелам с материка. У мятежников почти не оставалось времени на сон. В любую погоду круглые сутки патрули мятежников обходили остров. Топливо

было на исходе. «Известия ВРК» обратились к населению города с призывом перейти на режим строжайшей экономии. Заканчивались боеприпасы, и 11 марта мятежники получили приказ не обстреливать самолеты из винтовок и автоматов – следовало беречь патроны. В то же время военспецы выражали недовольство, что артиллерия стреляет без разбора по сомнительным целям. Постепенно росло число убитых и раненых. В середине марта закончились медикаменты и резко возрос показатель смертности. После массированного артобстрела 14 марта состоялась церемония похорон в Военно-морском госпитале, а 16 марта – в Морском соборе. Настроение мятежников резко упало, когда 12-дюймовый снаряд с Красной Горки попал в «Севастополь»; погибло 14 моряков, 36 получили ранения.

В этой ситуации, вспоминает член Революционного совета, уже не удавалось удерживать подъем, характерный для первых дней восстания.

Повторяющиеся атаки, дефицит топлива и продовольствия, бессонные ночи, проведенные в дозоре, не лучшим образом сказывались на настроении мятежников в цитадели.

С постоянно нарастающим напряжением мятежники ожидали наступления большевиков, и задержка действовала на психику. Особое беспокойство вызывала продовольственная проблема, о которой автор секретной «Докладной записки» говорил еще за несколько недель до начала восстания. Как долго мог отрезанный от внешнего мира остров прокормить 50 тысяч жителей? К концу первой недели ежедневная порция хлеба в полфунта уменьшилась до четверти фунта; 7 марта ВРК объявил, что «сухопутный и морской гарнизоны крепости будут получать взамен прежнего пайка ежедневно: хлеба полфунта, консервов мясных полбанки, мяса четверть фунта» [195 - Воля России. 1921. 15 марта.]. По другим карточкам вместо хлеба выдавался овес (по четверти фунта), пшеница, ячмень или полфунта сухарей или галет. Единственный продовольственный резерв, который имели мятежники, – это некоторое количество мясных консервов, оставшихся едва ли не со времен Первой мировой войны. К 15 марта закончилась мука и почти не осталось хлеба.

Люди голодали, и, по замечанию Петроградского Совета, «голод часто становится основным фактором при капитуляции крепостей в войнах между народами» [196 - Известия Петроградского Совета. 1921. 14 марта.].

Исчезла надежда, что удастся продержаться до времени, когда растает лед, и ВРК вернулся к мысли о помощи со стороны. В первые дни восстания мятежники вежливо отказались от предложенной Черновым помощи, но, когда 16 марта в Кронштадт приехал Вилькен, предложивший продовольствие и медикаменты под эгидой русского Красного Креста, это

предложение было принято с огромной признательностью.

Теперь мы знаем, что мятежники не дождались помощи. В тот же день, 16 марта, Тухачевский приготовился к решающему штурму мятежного острова. В его распоряжении были две группы армий: основные силы были сконцентрированы на южном побережье Финского залива, меньшие силы – на северном берегу. В общей сложности численность Советской армии по разным оценкам колебалась от 35 до 70 тысяч человек, и это против примерно 15 тысяч мятежников.

По всей видимости, общая численность советских войск составляла порядка 50 тысяч человек, причем 35 тысяч приходилось на южную группу войск. Лучшие красные командиры, отличившиеся во время Гражданской войны, руководили решающим наступлением, и среди них Федько, Дыбенко и Витовт Путна, командир мятежной 27-й Омской стрелковой дивизии. Правительство обвиняло белых генералов в контрреволюционном заговоре, вылившемся в Кронштадтский мятеж, а в действительности бывшие царские генералы сыграли основную роль в подавлении мятежа. М.Н. Тухачевский, С.С. Каменев (не имеет никакого отношения к Льву Борисовичу Каменеву), командующие Северной и Южной группами войск Е.С. Казанский и А.И. Седякин – все когда-то были офицерами царской армии.

Укрепление армии, выдающиеся качества офицеров, постоянная агитация, проводимая делегатами съезда, положительным образом сказались на моральном духе рядовых солдат: «Мы перенесли голод, нехватку топлива и тому подобное. А теперь это предательство. Мы покончим с ними» [197 - Красная газета. 1921. 17 марта.].

Советская пропаганда выбрала такой тон общения с народом, и он нашел отклик в сердцах солдат, решивших во что бы то ни стало подавить восстание. Солдат обеспечили теплой одеждой и обувью, белыми маскировочными халатами, специальными ножницами для разрезания колючей проволоки. Каждый солдат получил двухдневную порцию хлеба и две банки мясных консервов. Правда, один из командиров Северной группы посоветовал солдатам не есть перед боем, поскольку пища могла вызвать серьезные осложнения в случае ранения в живот (вряд ли это подняло моральный дух солдат).

Общий стратегический план наступления предусматривал одновременный удар по Кронштадту с севера и юга. Основной удар наносила более мощная Южная группа советских войск. Северная группа должна была в процессе атаки сместиться несколько вправо, к западной оконечности острова Котлин, чтобы преградить мятежникам путь отступления в Финляндию. В 14 часов 16 марта начался артиллерийский обстрел Котлина, который продолжался весь

день. Часть снарядов разорвались рядом с кладбищем, где проходили похороны погибших кронштадтцев. Мятежники ответили сильным заградительным огнем с фортов, батарей и двух линкоров, стоявших в гавани. Один снаряд попал в «Севастополь», не причинив особых повреждений кораблю, но погибли и были ранены 50 матросов. На следующий день снаряд попал в «Петропавловск»; 7 человек получили ранения, 5 погибли.

Советская авиация совершала полеты над мятежным островом, сбрасывая на крепость и сеть оборонительных сооружений не только бомбы, но и агитационную литературу. И хотя поражающий фактор бомбардировки с воздуха и с земли был невелик, моральное его воздействие на мятежный гарнизон было значительным.

К вечеру бомбардировка прекратилась. Мятежники, исходя из опыта прошлой недели, предполагали, что теперь последует наступление советских войск. Все оставались на местах, хотя многие не сменялись уже по двое-трое суток. Повисла мертвая тишина. Прожекторы с фортов и линкоров обшаривали лед, не обнаруживая никаких признаков движения. Наконец в 3 часа утра 17 марта началось наступление. Под завесой густого тумана, опустившегося над заливом, двумя колоннами: из Сестрорецка – на форты Тотлебен и Красноармейский и из Лисьего Носа – на семь номерных фортов перешла в наступление Северная группа. Во главе каждой колонны шли ударные отряды добровольцев. Бойцы двигались в полной тишине; были запрещены все разговоры, команды отдавались шепотом. Связь осуществлялась световыми сигналами с помощью карманных фонарей. Бойцам категорически запретили курить.

В 5 часов утра перед колонной, вышедшей из Лисьего Носа, появились очертания мятежных фортов. Поступил приказ: «ползком», и оставшееся расстояние солдаты проделали ползком по льду. Развернувшись в цепь, они преодолели проволочные заграждения, и только тут их заметили мятежники. Темноту разрезали лучи прожекторов и сигнальные ракеты. Стало светло, как днем. «Неожиданно ночь превратилась в день», – вспоминал один из советских солдат. С форта № 7 раздались крики:

– Мы ваши друзья.

– Мы за советскую власть.

– Мы не будем стрелять [198 - Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 90, 105.].

Не обращая внимания на крики, красноармейцы бросились вперед, но были отброшены смертоносным огнем пулеметов мятежников. Снова и снова советские солдаты с криками «ура!» поднимались в атаку, пока наконец не

сломили сопротивление мятежников. После тяжелой борьбы удалось захватить два форта.

К утру туман разошелся, и наступил яркий, солнечный день. Коммунисты продолжали атаковать оставшиеся форты. Обе стороны сражались яростно, фанатично, не считаясь с потерями. Снаряды мятежной артиллерии взламывали лед; Финский залив опять стал могилой для многих советских солдат. В одном батальоне остались в живых всего 18 человек.

Однако сопротивление мятежников удалось сломить, и к полудню все номерные форты были захвачены; особенно отличились части красных курсантов. После взятия фортов эта часть Северной группы двинулась в сторону северо-восточной части Кронштадта. В это время вторая часть Северной группы безуспешно пыталась овладеть Тотлебенем. Мятежники отчаянно сражались, отбивая атаки советских бойцов. Обе стороны несли страшные потери. Группа курсантов наткнулась на минное поле; многие утонули. В конце концов атакующие проникли в форт, завязался рукопашный бой. Тотлебен сдался только в час ночи 18 марта, затем был захвачен форт Красноармейский.

Южная группа вышла из Ораниенбаума в 4 часа утра 17 марта, через час после Северной группы. Более мощная, она тремя колоннами двинулась к военной гавани Кронштадта, а четвертая колонна к Петроградским воротам. Было еще темно, когда 79-я пехотная бригада приблизилась к местоположению тяжелых орудий, охранявших гавань. Лучи прожекторов обшаривали ее, но темнота, туман и белые маскировочные халаты позволили атакующим незаметно подойти и обезвредить орудийные расчеты нескольких батарей. Дальнейшее наступление было встречено заградительным артиллерийским и пулеметным огнем мятежников. Рвались снаряды. Свистели пули. Ломался лед. Оказавшись на открытом месте под ураганным огнем мятежников, советские солдаты проявили удивительную храбрость, упорно пробиваясь вперед. Наступление подбадривалось просьбами и угрозами с тыла, но нет ничего удивительного в том, что некоторые солдаты, поддавшись панике, отказывались идти в наступление. Когда два охваченных страхом солдата спрятались на затертой льдом барже, командир застрелил их на месте.

Коммунисты были вынуждены отступить, когда появились несколько грузовиков с подкреплением, и мятежники перешли в контратаку. В ходе сражения больше половины 79-й бригады были убиты или ранены, и в их числе несколько делегатов X съезда партии.

В восточной части города для нападавших обстановка складывалась более благоприятной. Перед рассветом 32-я пехотная бригада прорвалась севернее

Петроградских ворот и с боями вошла в город. Примерно в то же время 187-я пехотная бригада под командованием Федько прорвалась через Петроградские ворота, а следом за ней 167-я и 80-я бригады. К этому времени нападавшие понесли тяжелые потери, но то, с чем они столкнулись в городе, по словам очевидца, было настоящим адом. Из каждого окна, со всех крыш стреляли из винтовок и автоматов. Снег на улицах города постепенно становился красным. Бои шли за каждую улицу, где оставались мертвые и раненые. Даже во время этого братоубийственного кровопролития, когда большинство фортов были захвачены и сражения продолжались в городе, мятежники не стали отыгрываться на заключенных коммунистах, находившихся в тюрьме рядом с Петроградскими воротами. Когда советские солдаты освободили их из тюрьмы, они тут же вступили в бой.

Бои продолжались весь день. Женщины Кронштадта тоже приняли участие в боевых действиях: подносили снаряды, разносили раненых по городским больницам.

В 4 часа дня мятежники неожиданно перешли в контратаку, заставив противника отступить, но в этот критический момент советское командование бросило в бой один из последних резервов – кавалерийский полк 27-й дивизии. Конница атаковала морскую крепость по льду. Дерзкая атака принесла успех: кавалеристы ворвались в город через Петроградскую пристань и оттеснили мятежников. Перед закатом артиллерия открыла огонь по восставшим. Кипел бой. Солдаты падали – кто-то от полученных ранений, кто-то от изнеможения. Курсанты Северной группы проникли в город с северо-восточной стороны, заняли штаб и взяли в плен много мятежников. Затем они соединились с группой, двигавшейся от Петроградских ворот к центру города. К полуночи сражение стало затихать. Один за другим были захвачены оставшиеся форты. Стало ясно, что близок час победы; 5 марта Комитет обороны Петрограда предупредил мятежников, что в последний момент их главарь – всякие там «козловские и петриченко» – оставят их на произвол судьбы и сбегут в Финляндию.

Предсказание сбылось. Вечером 17 марта И членов Временного революционного комитета (включая Петриченко) убежали по льду в Териоки. Вальк, Павлов и Перепелкин во время боя попали в плен. Вершинина, как уже говорилось, схватили 8 марта во время «переговоров» с большевиками. Козловскому, Соловьянову и другим военспецам тоже удалось сбежать. К полуночи порядка 800 беженцев подошли к побережью Финляндии. Больше всего они боялись попасть в плен, поэтому первыми сбежали с Котлина, не считая группы беглецов с номерных форт. Их решение бежать из Кронштадта было в первую очередь связано с осознанием

собственных судеб: их, конечно, ждала смертная казнь. В любом случае побег послужил сигналом для массового бегства защитников Котлина. В течение двадцати четырех часов непрерывный поток беженцев, в основном это были матросы, пересекал финскую границу. В общей сложности в Финляндию ушли 8 тысяч человек. Финские пограничники подобрали 2500 брошенных винтовок и пригнали с берега порядка 400 лошадей.

Как уже отмечалось, бомбардировка острова на протяжении одиннадцати дней практически не нанесла серьезного ущерба. Теперь матросы, словно бросая последний вызов властям, демонтировали орудия на фортах и батареях, разбили прожектора, вывели из строя генераторы и другое оборудование. Только на северных фортах осталось несколько орудий в рабочем состоянии.

Ночью 17 марта командиры «Петропавловска» и «Севастополя» приказали взорвать линкоры, но матросы, узнав, что руководители мятежа сбежали в Финляндию, отказались выполнить приказ. Они арестовали офицеров и передали советскому командованию, что готовы сдаться. В 11 часов 15 минут в Комитет обороны Петрограда поступило сообщение из Кронштадта: «Контрреволюционные гнезда на «Петропавловске» и «Севастополе» уничтожены. Власть в руках сторонников советской власти. Военные действия на борту «Петропавловска» и «Севастополя» прекращены. Принимаются срочные меры к задержанию офицеров, бегущих к финской границе» [199 - Кронштадтский мятеж / Под ред. Н.А. Корнатовского. С. 243.].

Рано утром 18 марта курсанты заняли два дредноута. Кроме нескольких очагов сопротивления, к полудню 18 марта форты, суда и почти весь город были в руках большевиков. Оставалось очистить город от отдельных групп мятежников, продолжавших упорно сопротивляться. К концу дня удалось сломить сопротивление самых негнимоемых бойцов, и в Кронштадте наступила тишина.

По своей жестокости сражение в Кронштадте можно отнести к самым кровавым эпизодам Гражданской войны. Обе стороны понесли тяжелые потери, но коммунисты, атаковавшие укрепленную цитадель по открытому льду, заплатили большую цену. По официальным сообщениям, в период с 3 по 21 марта в больницы Петрограда поступило свыше 4 тысяч раненых; 527 умерли в больницах. Эти цифры, естественно, не включают погибших на поле боя. После подавления восстания лед был усеян телами, и правительство Финляндии обратилось к правительству России с просьбой убрать тела, до того как растает лед, иначе трупы прибудет к берегу и может начаться эпидемия.

По данным официальных источников, минимальные потери коммунистов составили: 700 убитыми, 2500 ранеными и контужеными, но участник событий с советской стороны замечает, что цифры явно занижены, судя по тому, что лично он видел в форте № 6. По другим данным, потери большевиков составили 25 тысяч убитыми и ранеными. Однако согласно Гарольду Куартону в целом советские потери составили 10 тысяч человек.

В кронштадтской кампании погибли приблизительно 15 делегатов X съезда партии. Они были похоронены с воинскими почестями вместе с другими погибшими 24 марта в Петрограде.

Потери со стороны мятежников были намного меньше, но тоже весьма значительные. Нет никаких точных данных о числе погибших, но из одного источника следует, что кронштадтцы потеряли 600 человек убитыми, более 1000 ранеными и приблизительно 2500 человек были арестованы.

Некоторые тела были сильно изуродованы. На последней стадии внутри крепости передовые отряды устроили страшное кровопролитие, стремясь отомстить за утонувших в заливе товарищей. Чувство ненависти, охватившее солдат, когда они подошли к крепости, лучше всего передает высказанное одним из солдат сожаление, что бежавших по льду в Финляндию мятежников не расстреливали с самолетов. Троцкий и С.С. Каменев считали возможным использовать против мятежников химическое оружие, и, если бы Кронштадт продолжал сопротивляться, планировалось начать газовую атаку.

Известие о подавлении восстания быстро распространилось по всему свету, вызвав массу вопросов. В Западной Европе русские экспатрианты пришли в отчаяние. Они сокрушались, что не смогли оказать помощь мятежникам, и осуждали Великобританию за подписание торгового соглашения с большевиками. В статье «Уроки Кронштадта» заявлялось, что борьба за освобождение России будет продолжаться до победного конца. В письме Гиерсу профессор Гримм написал, что если произойдет новое восстание, то нельзя допустить, чтобы оно застигло их врасплох [200 - Гримм – Гиерсу, 31 марта 1921 года / Архив Гиерса.].

Зато в России большевики ликовали. Правда, к ликованию примешивалась доля сожаления за «допустивших ошибку товарищей моряков». Их чувства разделяли зарубежные коммунисты, продолжавшие поддерживать режим, но надо сказать, они были не вполне уверены в правильности выбранного курса. В конце концов, рассуждали они, большевистская Россия при всех недостатках стала первым в истории социалистическим государством, первой страной, отобравшей власть у помещиков и буржуазии, а все остальное не так уж важно. Но не все коммунисты рассуждали подобным образом. Виктор Серж был глубоко обеспокоен случившимся. На анархистов, вроде Эммы

Гольдман и Александра Беркмана, подавление мятежа произвело ошеломляющий эффект. Ночью 17 марта, пишет Гольдман в воспоминаниях, когда стих грохот орудий и на Петроград опустилась тишина, стало намного страшнее, чем в предыдущие дни непрекращающихся обстрелов. Беркман, потеряв последнее доверие к большевикам, бессмысленно блуждал по улицам, а оставшаяся в гостинице Гольдман испытывала какую-то «невыразимую усталость». Она сидела, уставившись в темноту, и Петроград казался ей «отвратительным трупом» в черном гробу, а мерцающие желтым светом уличные фонари – «словно свечи в голове и ногах». Утром 18 марта петроградские газеты пестрели статьями, посвященными празднованию пятидесятой годовщины Парижской коммуны. Оркестры играли бравурные мелодии. Под «Интернационал» парадным маршем по улицам прошли коммунисты. «Интернационал, когда-то вызывавший у меня ликование, теперь был словно музыка на панихиде по неистовой надежде человечества», – написала Гольдман в дневнике, а Беркман добавил: «Победители празднуют годовщину коммуны 1871. Троцкий и Зиновьев осуждают Тьера и Галифе [201 - Тьер Луи Адольф – премьер-министр Франции на момент подавления Парижской коммуны; Галифе Гастон, маркиз, генерал, один из командиров армии версальцев, отличался особой жестокостью при подавлении Парижской коммуны 1871 года. (Примеч. пер.)] за массовое убийство парижских мятежников» [202 - Гольдман Э. Проживая мою жизнь. С. 886; Беркман А. Большевистский миф. С. 303.]

Большевики прилагали все усилия, чтобы устранить малейшие следы восстания в Кронштадте. Павел Дыбенко был назначен военным комендантом Кронштадта и наделен полномочиями очистить город от инакомыслящих. Для оказания помощи новому коменданту была создана (вместо так и не восстановленного Кронштадтского Совета) ревтройка: Васильев, Брегман, Грибов – самые преданные большевистскому режиму кронштадтцы. 18 марта в Кронштадте появилась новая газета – «Красный Кронштадт». Линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» переименовали в «Марат» и «Парижскую коммуну» соответственно, а Якорную площадь – в площадь Революции. Была проведена партийная перерегистрация, в результате которой партия лишилась 350 своих членов. На флоте была проведена, по выражению одного автора, «хирургическая операция»: не вызывавших доверия балтийских моряков рассеяли по разным флотам: на Черное, Каспийское и Аральское моря, на Дальний Восток. Флот, вне зависимости от рангов, был очищен от предполагаемых «иванморов», в общей сложности были уволены порядка 15 тысяч человек.

Красноармейцев, принимавших участие в заключительном штурме крепости, тоже рассеяли по стране. Спустя месяц после подавления Кронштадтского восстания Тухачевский во главе карательной экспедиции был направлен на ликвидацию крестьянского восстания под руководством Антонова на Тамбовщине.

Осталось только написать о судьбе оставшихся в живых кронштадтцев: ни один из арестованных не дождался общественных слушаний, из более чем 2 тысяч заключенных в качестве главарей мятежа были выбраны 13 человек. Стремясь поддержать идею о контрреволюционном заговоре, в советских газетах напечатали биографии заговорщиков, старательно подчеркнув их социальное происхождение: пять бывших царских офицеров, из дворян; один бывший священник и семеро из крестьян.

Ни один из этих тринадцати не был членом Временного революционного комитета и не принадлежал к числу военспецов, консультировавших мятежников. Тем не менее 20 марта состоялся суд и этих «главарей» мятежа приговорили к смертной казни.

Ходили разговоры, что несколько сотен заключенных расстреляли в Кронштадте. Остальных ЧК отправила в тюрьмы на материк. Тюрьмы в Петрограде были переполнены, и в течение нескольких месяцев сотни мятежников были расстреляны. Среди них был Перепелкин, которого Федор Дан увидел во время приведения приговора в исполнение во внутреннем дворе тюрьмы. Перепелкин составил подробный отчет о восстании, но Дан ничего не знает о судьбе этого документа.

Кто-то из мятежников был осужден на каторжные работы и направлен в лагеря, вроде печально известной тюрьмы на острове Соловки в Белом море. Для большинства это означало медленную смерть от голода, истощения, болезней.

Согласно недавно опубликованной работе советского автора (Софинов. Исторический поворот), большинство арестованных моряков были позже помилованы; «серьезному наказанию» (то есть расстрелу) подвергли только главарей и непримиримых врагов советской власти.

В некоторых случаях члены семей разделили судьбу мятежников. Жену и двух сыновей Козловского, взятых в марте заложниками, отправили в лагерь; пощадили только его одиннадцатилетнюю дочь.

А что произошло с мятежниками, сбежавшими в Финляндию? Приблизительно 8 тысяч человек были направлены в лагеря Териоки, Выборга и форта Ино. В основном это были матросы и солдаты и совсем немного гражданских лиц: мужчин, женщин и детей.

Американский и британский Красный Крест обеспечили их одеждой и

продовольствием. Одних заняли на дорожных работах, других на общественных. Жизнь в лагерях была тяжелой и унылой, и беженцам, которым поначалу не позволяли контактировать с местным населением, было трудно адаптироваться в новых условиях. Правительство Финляндии обратилось в Лигу Наций с просьбой помочь разместить их в других странах. Большевики требовали репатриировать беженцев и вернуть оружие. В надежде на обещанную амнистию многие вернулись в Россию, но были тут же арестованы и отправлены в лагеря. В мае – июне они прошли через тюрьму, в которой находился Ф. Дан, а оттуда на принудительные работы.

Несмотря ни на что, Петриченко продолжал пользоваться уважением товарищей. Его самой большой ошибкой, говорили они, был отказ расстрелять коммунистов в Кронштадте. Сам Петриченко не испытывал на этот счет никаких сожалений. Он признался американскому журналисту, бравшему у него интервью в Териоки, что восстание было преждевременным и плохо организованным. «Нас победили, но движение будет развиваться, поскольку идет от народа, – сказал он журналисту. – В России миллионы таких, как я, не белых реакционеров и не красных убийц, а простых людей, которые свергнут большевиков» [203 - Квартон – Государственному секретарю США, 5 апреля 1921 года / Государственный архив, 861.00/8446.].

Мало известно о последующей жизни Петриченко в изгнании. В сборнике советских документов и воспоминаний, имеющих отношение к Кронштадтскому восстанию, содержится письмо мятежного лидера к другу в Россию, датированное 17 ноября 1921 года, в котором он признает свои ошибки и дает понять, что обратился с просьбой о возвращении на родину.

Однако возникает сомнение в подлинности письма. В статье, опубликованной в эсеровском журнале в декабре 1925 года, Петриченко несколько не раскаивается в содеянном и упорно настаивает, что мятеж был стихийным восстанием против диктатуры коммунистической партии, а точнее, против ее лидеров.

В официальной советской истории Гражданской войны ошибочно утверждается, что вскоре Петриченко переехал из Финляндии в Чехословакию. На самом деле он оставался в Финляндии почти четверть века. С готовностью сотрудничал с эмигрантскими кругами в Западной Европе, с теми, кто разделял его взгляды и хотел освободить Россию от большевистского правления, позже присоединился к просоветским группам в Финляндии. Во время Второй мировой войны у него возникли проблемы с финскими властями, и в 1945 году его репатриировали в Россию, где сразу арестовали. Спустя год или два он умер в лагере.

ЭПИЛОГ

Кронштадт пал. Мятежники сражались храбро и решительно, но с самого начала им не приходилось особенно рассчитывать на успех. Восстание, как признавали его руководители, было плохо подготовлено. У мятежников не было ни сил вторжения, ни внешней поддержки, в то время как большевики, выиграв Гражданскую войну, для подавления восстания могли сконцентрировать свои лучшие силы. Кроме того, еще не началось таяние льда, и правительство могло развернуть широкомасштабное наступление на отрезанную от материка мятежную цитадель. По масштабу Кронштадт не шел ни в какое сравнение с антисоветскими движениями времен Гражданской войны. Если большевики смогли нанести поражение Деникину, Колчаку и Юденичу, отразить наступление Пилсудского, то сам по себе Кронштадт не мог представлять серьезной военной угрозы.

Что действительно вызывало серьезные опасения большевиков, так это то, что мятеж мог перекинуться на материк и стать причиной новой интервенции. Большевики понимали, что страна на грани массового восстания. Пока еще они способны подавлять отдельные очаги недовольства, но Кронштадтский мятеж, более малочисленный, чем, скажем, крестьянские восстания в Сибири и на Тамбовщине, имел явные преимущества. Мятежники находились на хорошо укрепленном острове в Балтийском море в окружении фортов и батарей, и Котлин мог сослужить хорошую службу для армии интервентов.

Однако было трудно представить, что мятежникам удастся победить. Несмотря на озлобленность, русский народ устал от войны и, при всем недовольстве правительством, по-прежнему больше боялся возвращения белых, чем ненавидел коммунистов. Забастовочное движение в Петрограде, на которое матросы возлагали большие надежды, пошло на спад. Западные державы отказались вмешиваться во внутренние дела страны и даже склонялись к установлению отношений с большевиками. Мятеж не помешал заключению советско-британского торгового соглашения, как надеялись белые и боялись коммунисты; соглашение было подписано в Лондоне 16 марта за несколько часов до начала штурма Кронштадта. В тот же день в Москве был подписан договор о дружбе и сотрудничестве с Турцией. События в Кронштадте не помешали и переговорам с поляками, которые не имели никакого желания начинать борьбу с давним противником. 18 марта, когда советские войска уничтожали последние очаги сопротивления, переговоры с поляками в Риге закончились подписанием мирного договора. Финляндия повернулась спиной к мятежникам, категорически отказавшись

пропускать помощь через свои границы. Не приходилось надеяться и на русскую эмиграцию, как всегда раздираемую противоречиями и в общем ни на что не способную. Генерал Врангель находился не в том положении, чтобы оказать поддержку мятежникам; ему требовались месяцы, чтобы мобилизовать солдат и перекинуть армию из Средиземноморья на Балтику.

Мятежники еще могли бы рассчитывать на успех, если бы незамедлительно перешли в наступление на материк. Если бы они последовали совету военных специалистов и захватили в качестве плацдарма Ораниенбаум, у них мог появиться шанс, что красноармейцы и, возможно, гражданское население встанут под их знамена. Участники антигосударственного мятежа, по мнению Александра Беркмана, должны решительно брать инициативу в свои руки, не давая правительству возможности сконцентрировать силы для подавления мятежа. Промедление неизбежно приведет к поражению. В этом отношении, замечает Беркман, Кронштадт повторил фатальную ошибку Парижской коммуны: как французы затянули с наступлением на Версаль, давая возможность подготовиться правительству Тьера, так и кронштадтцы опоздали с атакой на Петроград, дождавшись, пока большевики сосредоточили войска для подавления.

24 марта 1908 года в статье «Уроки коммуны» Ленин критиковал пролетариат за чрезмерное великодушие, за то, что вместо уничтожения врага он пытается оказать на него моральное влияние. Совет коммуны, пишет Ленин, «вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», увлекся мечтами об установлении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теории прудонистов насчет «справедливого обмена» и т. п. господствовали еще среди социалистов». Изоляция Парижской коммуны от всей Франции, отказ от немедленного наступления на Версаль в значительной степени предопределили поражение: «Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала» [204 - Ленин В.И. Указ. соч. Т. 16. С. 452.]. Чем не эпитафия Кронштадту 1921 года.

Невольно напрашивается вывод, что подавление мятежа было вопросом времени, причем даже в том случае, если бы мятежники продержались до таяния льда и получения помощи с Запада. С продовольствием, медикаментами, боеприпасами Кронштадт протянул бы еще какое-то время, а большевики понесли большие потери, но рано или поздно мятежникам все равно пришлось бы уступить если не одному военному давлению, то сочетанию силы и экономических уступок, которые решили судьбу

забастовочного движения Петрограда и крестьянских восстаний по всей стране. Новая экономическая политика притупила недовольство, и Кронштадт не был бы исключением.

Не следует думать, что Кронштадт ускорил введение нэпа. К марту 1921 года Ленину не требовалось дополнительных доказательств необходимости отказа от политики военного коммунизма. С конца Гражданской войны Ленин с соратниками занимались пересмотром экономической политики и за несколько недель до начала мятежа сформулировали основные принципы нэпа. Еще в декабре 1920 года, когда делегаты от эсеров и меньшевиков призывали заменить реквизицию продовольствия натуральным налогом, Ленин уже обдумывал этот вопрос. Однако должно было пройти несколько недель, прежде чем были предприняты какие-то действия. Наконец растущий вал народных волнений убедил Ленина, что власть под угрозой, и 8 февраля на заседании политбюро, посвященном аграрной политике, он изложил план замены принудительной реквизиции натуральным налогом с предоставлением крестьянину права самостоятельно распоряжаться излишками, оставшимися после расчета с государством. За пять дней до начала восстания в Кронштадте, 24 февраля, детальный проект был представлен в ЦК для включения в повестку дня приближающегося X съезда партии.

Собравшийся в Москве съезд не обошел молчанием восстание в Кронштадте, продемонстрировавшее глубину народного недовольства. Теперь не осталось никаких сомнений в безотлагательной необходимости проведения реформ. Партия увидела зловещее предзнаменование. Были и такие, кто высказывал предположение, что восстание могло не произойти, если бы нэп ввели месяцем раньше.

Если бы не удалось прийти к соглашению, что реформы не терпят отлагательства, большевиков смыла бы мощная волна народного гнева. По словам Ленина, «кронштадтские события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было». Ленин рассматривал Кронштадтский мятеж не как отдельный эпизод, а как часть волнений, охвативших страну. Экономический кризис военного коммунизма преобразовался в «политический: Кронштадт», отмечал он, и будущее большевизма брошено на чашу весов [205 - Ленин В.И. Указ. соч. Т. 43. С. 138, 387.].

X съезд партии, один из наиболее драматичных в большевистской истории, ознаменовал фундаментальное изменение советской политики. Когда-то Ленин сформулировал два условия, необходимые для победы социализма в России: поддержка западного пролетариата и союз русских рабочих и

крестьян. К 1921 году ни одно из этих условий не было выполнено. В результате Ленину пришлось отказаться от убеждения, что без поддержки европейской революции переход к социализму невозможен. Отсюда, по сути, ведет свое начало теория о «построении социализма в отдельно взятой стране». Спустя несколько лет Сталин будет развивать эту теорию, которая замедлит революционный процесс. Следовало срочно успокоить крестьян – это была наиважнейшая задача, от выполнения которой зависело буквально все. Как Ленин объяснил делегатам X съезда партии, «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах» [206 - Десятый съезд РКП(б). С. 404.].

В марте 1918 года Ленин сделал отступление на международном фронте, когда отказался от «революционной войны» против Германии, подписав Брестский мир. Теперь, чтобы обеспечить «передышку», в которой большевикам было отказано в 1918 году, Ленин отказался от политики военного коммунизма, заменив ее более осмотрительной внутренней политикой: «...Мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, иначе сохранить власть пролетариата в России при замедлении международной революции нельзя, экономически нельзя» [207 - Десятый съезд РКП (б) (из доклада В. И. Ленина о замене продразверстки натуральным налогом).].

Таким образом, 15 марта X съезд партии принял решение о введении новой экономической политики, которой один из большевистских теоретиков Д. Рязанов, делегат съезда, дал очень точное определение, назвав «крестьянским Брестом».

Решение о введении натурального налога, предоставление крестьянину права распоряжаться излишками по собственному усмотрению легли в основу новой экономической политики. Это был только первый шаг на пути перехода от военного коммунизма к смешанной экономике. Съезд отклонил предложение Осинского о централизованном руководстве посевной кампанией, выдвинутое на VIII съезде Советов. Со всех дорог были убраны вооруженные заградотряды, разрешили торговлю между городом и деревней; 21 марта был принят декрет о продналоге, а 28 марта о разрешении местного товарообмена. Кроме того, были расформированы трудовые армии Троцкого, а профсоюзам отчасти предоставлена независимость, в том числе право выбирать профсоюзных лидеров и участвовать в обсуждении всех вопросов, связанных с интересами рабочих. В мае 1921 года был издан декрет о частичной денационализации мелкой промышленности. Частным предпринимателям передавались в основном небольшие полуразрушенные

предприятия легкой промышленности, а в июле был принят декрет о создании частных предприятий с числом работающих не более 20 человек. Государство сохранило за собой командные высоты экономики: тяжелую промышленность, внешнюю торговлю, транспорт и т. п. Каждый из этих шагов вбивал очередной гвоздь в крышку гроба оппозиции; в городах и деревнях начиналась новая жизнь. Поскольку в Тамбове, Сибири, на Волге все еще тлели отдельные очаги крестьянских волнений, на место событий вызывали части курсантов и чекистов – те подразделения, которые участвовали в подавлении Кронштадта. К осени 1921 года с активным сопротивлением было покончено.

Для Ленина нэп являлся не просто временной мерой на период восстановления порядка в стране и укрепления большевистской власти на более прочной основе. «Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех, поступайте так, чтобы максимально удовлетворить среднее крестьянство, не нарушая интересов пролетариата», – говорил он, обращаясь к делегатам X съезда. Дело изменения психологии и навыков мелкого земледельца, объяснял Ленин, есть «...дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца» [208 - Десятый съезд РКП(б). С. 37 – 38.].

А ведь меньшевики еще в 1917 году предостерегали против преждевременной попытки ввергать отсталую аграрную страну в социализм. Истинные марксисты, говорили меньшевики, понимают, что для этого еще не наступило время, что крестьянская Россия с ее малочисленным пролетариатом еще не созрела для социалистической революции. Энгельс не случайно писал, что нет ничего хуже, чем преждевременная революция, то есть вариант, при котором социалистическая партия приходит к власти до выхода промышленности и демократии на определенный уровень развития. Однако большевики, невзирая на теорию исторического материализма, совершили социалистическую революцию, не выполнив необходимых предварительных условий. Этот пробел должна была восполнить новая экономическая политика. По задумке Ленина, нэп должен был действовать длительный период времени восстановления экономики, в течение которого следовало заложить основу социалистического государства.

Введение нэпа способствовало ослаблению напряженности в России, но не соответствовало требованиям Кронштадта и его сторонников. Да, с дорог убрали заградотряды, отменили принудительную реквизицию

продовольствия, дали определенную свободу профсоюзам, но остались государственные хозяйства, и в индустриальном секторе частично восстановили капиталистические отношения. Мало того, вопреки принципам пролетарской демократии крупными предприятиями по-прежнему руководили бывшие директора и технические специалисты, а рабочие остались жертвами «оплачиваемого заработной платой рабства», отстраненными от управления производством.

Ни о какой демократии в военной сфере, естественно, не шло и речи. Вопрос о предоставлении права выбирать судовые комитеты и комиссаров был снят с повестки дня, как и вопрос децентрализации власти и ослабления дисциплины на флоте. Более того, Ленин предложил Троцкому расформировать Балтийский флот, поскольку матросы не заслуживают доверия, а корабли не представляют особой ценности. Однако Троцкий сумел убедить Ленина не делать столь решительных шагов. На флоте была проведена чистка и полная реорганизация. Одновременно ужесточили дисциплину в Красной армии.

Намного важнее, что не было выполнено ни одного политического требования мятежников. Скорее имело место усиление диктаторского правления, поскольку при всех видимых уступках нэп в действительности способствовал укреплению единоличной власти большевиков. В набросках к выступлению на X съезде партии Ленин пишет: «Урок Кронштадта: в политике – дисциплина в партии, усилить борьбу с меньшевиками и социалистами-революционерами; в экономике – удовлетворить по возможности среднее крестьянство» [209 - Десятый съезд РКП(б). С. 625.].

Народная инициатива была парализована, а свободные Советы так и остались невоплотившейся мечтой. Государство отказалось, как того требовала резолюция «Петропавловска», вернуть свободу слова, печати и собраний и освободить социалистов и анархистов, обвиненных в политических преступлениях. Партии левого крыла не только не вошли в коалиционное правительство, а их активно выживали из страны. В ночь с 17 на 18 марта, когда члены Временного революционного комитета Кронштадта бежали по льду Финского залива в Финляндию, меньшевистское правительство Грузии было вынуждено отплыть из Батуми в Западную Европу.

В Гражданскую войну большевики, позволив существовать просоветским левым партиям, тем не менее не оставляли их своим вниманием, подвергая преследованиям. После Кронштадта даже этому сомнительному их существованию был положен конец: в мае 1921 года Ленин заявил, что место социалистов-оппозиционеров за решеткой или в изгнании, рядом с

белогвардейцами.

На меньшевиков, эсеров и анархистов, которых власти обвинили в соучастии в мятеже, обрушилась новая волна репрессий. Более удачливым позволили эмигрировать, но тысячи арестованных во время чекистских облав были сосланы на Крайний Север, в Сибирь и в Среднюю Азию. К концу года политическую оппозицию заставили замолчать; однопартийная система правления могла праздновать окончательную победу. Таким образом, Кронштадтский мятеж, как любое неудавшееся восстание против авторитарного режима, достиг диаметрально противоположных намеченным целей: вместо новой эры народного самоуправления в стране прочно установилась коммунистическая диктатура.

Усиление большевистской власти сопровождалось стремлением покончить с разногласиями внутри партии. Далекий от признания «партийной демократии» Ленин заявил, что следует незамедлительно положить конец фракционности, чтобы режим смог выжить в существующей кризисной ситуации. Пришло время покончить с оппозицией, провозгласил он на X съезде РКП (б).

Ленин использовал Кронштадт в качестве дубинки, с помощью которой вынуждал оппозиционеров подчиниться. Это они, постоянно критикуя политику партии, вдохновили кронштадтцев на мятеж, заставили с оружием в руках пойти против правительства.

Ленинская точка зрения нашла горячую поддержку делегатов съезда, разделявших его страх перед массовым восстанием, которое может лишить их власти. «В настоящее время, – сказал в своем выступлении один из делегатов, – в партии есть три фракции, и на этом съезде мы должны решить, может ли дольше существовать такое положение». Мы не можем идти против генерала Козловского тремя фракциями, заявил он, и партийный съезд должен сказать свое слово.

Делегаты с готовностью согласились с оратором. Они проголосовали за составленную в резких выражениях резолюцию, осуждавшую программу рабочей оппозиции, как «анархо-синдикалистский уклон» от марксизма. Съезд принял и предложенную Лениным специальную резолюцию «О единстве партии», тоже навеянную кронштадтскими событиями. В ней указывалось на вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности и предписывалось немедленно распустить все фракции. Резолюция содержала особый 7-й пункт, в котором ЦК партии давались «...полномочия применять в случае(ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как

крайнюю меру, исключение из партии» [210 - Десятый съезд РКП (б). С. 571 – 576.]. Этот пункт, впервые опубликованный в печати после XIII партконференции РКП (б) (январь 1924 года), сыграл важную роль в борьбе за единство партии.

Вскоре Ленин приказал провести чистку партии «сверху донизу», чтобы исключить нежелательные элементы. К концу лета общее число членов партии сократилось почти на четверть.

На такого чувствительного либертарианца, каким был Александр Беркман, Кронштадт произвел отрезвляющий эффект, и Беркман подверг критическому переосмыслению теорию и практику большевизма. Мятеж, при всей трагичности ситуации, не подвигнул на решительные действия, не сыграл главной роли в выборе дальнейшей государственной политики. С конца Гражданской войны уже наметилось ослабление внешней и внутренней напряженности. Значение Кронштадтского восстания в большей мере заключалось в том, что символизировало глубокий социальный кризис, который Ленин в своем выступлении на IV съезде Коминтерна назвал самым серьезным в советской истории.

Когда наступила эра сталинского тоталитаризма, восстание приобрело новое значение. По правде говоря, за эти семнадцать лет громче зазвучали голоса задущенных в Кронштадте. Какая жалость, что молчание мертвых иногда звучит громче, чем голоса живых, пишет Эмма Гольдман в 1938 году, в разгар большой чистки.

В условиях сталинского террора многие увидели в восстании роковой перекресток истории русской революции, отметивший триумф бюрократических репрессий и окончательное поражение децентрализованной, либертарианской формы социализма.

Это не означает, что советский тоталитаризм начался с подавления Кронштадтского мятежа. «Часто говорят, – замечает Виктор Серж, – что с самого начала в большевизме прятался микроб сталинизма. Пусть, я не против. Только в большевиках сидела масса разных микробов. Разве осознает человек, что поражен смертельными микробами, которые живут в нем с рождения и наличие которых выясняется только после вскрытия?»

Другими словами, в начале 20-х годов для советского общества было открыто много путей, но, как подчеркивает Виктор Серж, в теории и практике большевизма всегда превалировала откровенная авторитарность. Проповедуемое Лениным упорное стремление к централизации руководства и жесткой дисциплине в партии, подавление им гражданских свобод и одобрение репрессий – все это отразилось на развитии коммунистической

партии и Советского государства. Во время Гражданской войны Ленин оправдывал подобную политику, отговариваясь тем, что она соответствует требованиям момента, диктуется чрезвычайной ситуацией; но чрезвычайной ситуации не было конца, а аппарат будущего тоталитарного режима находился в процессе формирования. Последнее требование демократии для трудящихся ушло в историю с подавлением Кронштадтского мятежа и уничтожением левой оппозиции.

В 1924 году Ленин умер, и большевистское руководство вступило в жестокую борьбу за власть. Спустя три года наступил кульминационный момент, когда Центральный комитет, сославшись на пункт резолюции «О единстве партии», принятой X съездом, исключил из партии Троцкого, и вскоре его выдворили из страны. По иронии судьбы, когда Троцкий сформировал оппозицию против сталинской тирании и бюрократизма, социалисты припомнили Троцкому его роль в подавлении Кронштадта. В ответ на критику Троцкий пытался доказать, что не был напрямую причастен к этим событиям. «Дело в том, что я лично не принимал ни малейшего участия ни в усмирении кронштадтского восстания, ни в репрессиях после усмирения», – написал он в 1938 году. «Восстание вспыхнуло во время моего пребывания на Урале. С Урала я прибыл прямо в Москву, на 10-й съезд партии. Решение о том, чтобы подавить восстание военной силой... было принято при непосредственном моем участии. Но после вынесения решения я продолжал оставаться в Москве и не принимал ни прямого, ни косвенного участия в военных операциях... Что касается репрессий, то ими, насколько помню, руководил непосредственно Дзержинский, который вообще не терпел вмешательства в свои функции (и правильно делал)». Восстание было бы подавлено в любом случае, утверждает Троцкий. «Идеалисты и пацифисты всегда обвиняли революцию в «эксцессах». Но суть такова, что эти «эксцессы» вытекают из самой природы революции, которая сама является «эксцессом» истории. Если не обманывать себя пышными лозунгами, фальшивыми этикетками и прочим, то кронштадтское восстание окажется не чем иным, как вооруженной реакцией мелкой буржуазии против трудностей социалистической революции и суровости пролетарской диктатуры» [211 - Троцкий А. Еще об усмирении Кронштадта // Бюллетень оппозиции. 1938. Октябрь. С. 10; Новый Интернационал. 1938. Август. С. 249 – 250.]. Если бы большевики не действовали так стремительно, то мятеж мог свалить их и открыть шлюзы контрреволюции. Критики отвергают право правительства на защиту и требования к установлению дисциплины в собственной армии? Какое правительство допустит в стране военный мятеж? Разве мы должны были без борьбы отдать завоеванную власть? А то, что

большевики сделали с Кронштадтом, являлось «трагической необходимостью». Но ему не удалось убедить своих критиков. Чего стоили его объяснения, если он был членом правительства, считал необходимым усмирение восстания и, стало быть, нес за усмирение ответственность – он ведь был в Петрограде и 5 марта выдвинул ультиматум мятежникам. Мало того, он посетил Ораниенбаум и Красную Горку и наблюдал за ведущимися там приготовлениями, так что играл в событиях не меньшую роль, чем Зиновьев и Тухачевский. Насколько серьезно большевики пытались добиться мирного урегулирования вопроса? Может, большая опасность таилась не в белых, которые могли воспользоваться разногласиями в партии, а в «железной» диктатуре, отделившей власть от народа?

Антон Силига оспаривает заявление большевиков, что Кронштадт, если бы его не подавили, предоставил свободу силам реакции [212 - Силига Антон – хорватский коммунист, находился в СССР с 1926 по 1935 год. (Примеч. пер.)]. Возможно, соглашается Силига, но что несомненно, так это то, что в 1921 году революция погибла [213 - Силига А. Кронштадтское восстание. Лондон, 1942. С. 13.].

В конечном итоге победители Кронштадта пали жертвой системы, которую помогали создавать. Троцкий и Зиновьев превратились во «врагов народа», умышленно подстрекавших к контрреволюции. «Еврей Троцкий» наводнил Кронштадт своими прихвостнями, бандитами и белогвардейцами, намеренно создав дымовую завесу из вопроса о профсоюзах, писала одна из газет, другая обвиняла в восстании протеже Троцкого, командарма Тухачевского и «старого троцкиста Раскольников». Чтобы разобраться с предателями, говорилось в газете, партия направила в Кронштадт «истинного ленинца» и «товарища по оружию» Сталина, Климента Ворошилова (на самом деле он сыграл незначительную роль в качестве комиссара Кронштадтского фронта).

Революция одного за другим пожирала своих создателей. Зиновьева, Тухачевского и Дыбенко расстреляли во время большой чистки. Троцкий был убит агентом ЧК в Мексике. Раскольников покончил жизнь самоубийством (при странных обстоятельствах). Многие из делегатов съезда, приехавшие в Кронштадт, в их числе Пятаков, Затонский, Бубнов, исчезли в сталинских лагерях. Всеми забытый Калинин умер естественной смертью в 1946 году. Но мученики Кронштадта живы; они остались в памяти народа как невинные дети революции.

Приложение 1

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ПО ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ

ВОССТАНИЯ В КРОНШТАДТЕ [214 - Рукописный вариант, хранится в Колумбийском русском архиве (переведен с русского автором).]

С о в . с е к р е т н о 1921

Информация из Кронштадта позволяет сделать вывод, что весной начнется восстание в Кронштадте. Если его подготовка получит внешнюю поддержку, можно рассчитывать на успех восстания.

В настоящее время все корабли Балтийского флота, стоящие в кронштадтской гавани, находятся в рабочем состоянии. Вся власть сконцентрирована в руках небольшой группы коммунистов (местный Совет, ЧК, революционный трибунал, комиссары и судовые партиячейки и т. п.). Остальная часть гарнизона и рабочие Кронштадта не играют существенной роли. Среди матросов наблюдаются признаки недовольства существующим порядком. Матросы единодушно присоединятся к мятежникам, как только небольшая группа быстро и решительно захватит власть в Кронштадте. Такая группа из матросов уже сформирована и готова и способна предпринять самые энергичные действия.

Советское правительство прекрасно знает о враждебном отношении моряков. В связи с этим советское правительство следит, чтобы в Кронштадт поставлялась не более чем недельная норма продовольствия, принимая во внимание, что в течение прошлого месяца на склады Кронштадта все время поступало продовольствие. Советские власти настолько не доверяют кронштадтским морякам, что подходы к Кронштадту по льду Финского залива охраняет пехотный полк. В случае восстания этот полк не сможет оказать серьезного сопротивления морякам, поскольку, если хорошо подготовить восстание, матросы смогут застать красноармейцев врасплох.

Захват власти на флоте и в самом Кронштадте приведет к мятежу на отдаленных от Котлина фортах. Если с фортов артиллерия не может стрелять по Кронштадту, то батареи Кронштадта могут стрелять по фортам (форт Обручев, поднявший восстание в 1919 году, сдался через полчаса после того, как батареи Кронштадта открыли огонь).

Единственное, что смогут сделать большевики, когда начнется восстание, — это открыть огонь с батареей Красной Горки (форт, расположенный на материке, на южном берегу Финского залива). Но артиллерия Красной Горки бессильна против корабельной и береговой артиллерии Кронштадта. На кораблях имеются по крайней мере 32 12-дюймовых и 8 — 10-дюймовых орудия (не считая орудий меньшего калибра, о которых нет надежной информации), а на Красной Горке всего 8 12-дюймовых и 4 8-дюймовых орудия. Кроме того, все запасы орудийных снарядов Кронштадта, Красной

Горки и Балтийского флота находятся на складах Кронштадта, то есть окажутся в распоряжении мятежников. Следовательно, большевики не смогут подавить восстание с батареей Красной Горки. Наоборот, можно предположить, что в случае артиллерийского поединка между Кронштадтом и Красной Горкой победит Кронштадт. Мятеж на Красной Горке в мае (июне) 1919 года подавил Кронштадт после четырехчасовой бомбардировки, уничтожив все строения в районе Красной Горки; большевики запретили стрелять по батареям Красной Горки.

Из вышесказанного ясно, что для кронштадтского восстания складываются исключительно благоприятные условия: 1) наличие группы энергичных организаторов восстания; 2) расположенность к восстанию моряков; 3) незначительная область действий, ограниченная размерами Кронштадта, должна гарантировать полный успех восстания; 4) возможность вести подготовку в полной тайне, благодаря оторванности Кронштадта от России и свойственной морякам солидарности.

Если восстание удастся, большевики, не имея ни военных кораблей, ни возможности сконцентрировать наземную артиллерию, чтобы заставить замолчать кронштадтские батареи (особенно ввиду бесполезности Красной Горки), не смогут взять Кронштадт с помощью береговой артиллерии и сухопутной армии [215 - Автор докладной записки считает, что восстание начнется после того, как на заливе растает лед.].

Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что кронштадтская крепость и флот оборудованы настолько мощной артиллерией, что способны создать непроницаемую огневую завесу. Чтобы начать высадку, необходимо заставить замолчать эту артиллерию, а эту задачу большевики не в состоянии решить, учитывая поддержку тяжелых орудий Кронштадта и кораблей.

С учетом вышеизложенного, военную ситуацию в Кронштадте после восстания можно считать абсолютно безопасной, и база будет способна продержаться столько, сколько будет необходимо.

Хуже обстоит дело с жизнью кронштадтцев после восстания. Продовольственных запасов хватит только на несколько дней после восстания. Если не обеспечить Кронштадт продовольствием сразу же после восстания и если не будет уверенности в следующей поставке, то голод заставит Кронштадт вновь попасть под власть большевиков. Русские антибольшевистские организации не настолько сильны, чтобы решить проблему с продовольствием, и вынуждены обратиться к правительству Франции.

Чтобы избежать задержек с поставкой продовольствия после восстания, необходимо до начала восстания загрузить продовольствие на суда, которые

будут ждать в портах Балтийского моря приказ выйти в Кронштадт.

Помимо продовольственной проблемы, существует опасность, что у мятежников сдадут нервы и в результате большевики смогут восстановить власть в Кронштадте. Такой вариант возможен, если моряки не получат гарантию внешней поддержки, особенно от русской армии под командованием генерала Врангеля, и, кроме того, если почувствуют оторванность от России, поняв невозможность дальнейшего развития восстания, ведущего к свержению советской власти в России.

Было бы крайне желательно, чтобы в самое ближайшее время после начала восстания несколько французских кораблей прибыли в Кронштадт, символизируя наличие помощи со стороны Франции. Еще желательнее, чтобы в Кронштадт прибыли несколько подразделений русской армии. При выборе таких подразделений надо отдать предпочтение Черноморскому флоту, сейчас базирующемуся в Бизерте.

Следует учесть, что нельзя рассчитывать на четко действующую властную структуру в Кронштадте, особенно в первые дни после восстания, поэтому прибытие подразделений русской армии или флота под командованием генерала Врангеля чрезвычайно важно, поскольку все властные полномочия в Кронштадте автоматически получит старший по званию офицер этих подразделений.

Если военные действия по свержению советской власти в России начнутся из Кронштадта, то тем более необходимо направить туда русскую армию генерала Врангеля. В связи с этим стоит упомянуть, что для подобных действий Кронштадт может стать неприступной базой. Ближайшей к Кронштадту целью является незащищенный Петроград; захват Петрограда будет означать, что половина сражения против большевиков выиграна.

Если кронштадтская кампания против советской власти в ближайшем будущем по каким-то причинам окажется нежелательной, тот факт, что Кронштадт усилен антибольшевистскими русскими войсками, действующими вместе с французами, окажет серьезное влияние на развитие военной и политической ситуации в Европе этой весной. Однако необходимо иметь в виду, что если победа восстания в Кронштадте будет недолгой из-за проблем с поставкой продовольствия или вследствие деморализации матросов и солдат кронштадтского гарнизона из-за отсутствия моральной и военной поддержки, то возникнет ситуация, при которой советская власть не ослабнет, а окрепнет, а ее враги будут дискредитированы.

Учитывая вышеизложенное, русские антибольшевистские организации должны воздержаться от содействия кронштадтскому восстанию, если у них нет полной гарантии, что французское правительство решит предпринять

соответствующие шаги в этом отношении, особенно: 1) принять на себя обеспечение финансовой помощи для подготовки восстания, которая при благоприятном исходе потребует крайне незначительной суммы – порядка 200 тысяч франков; 2) принять на себя дальнейшее финансирование Кронштадта по окончании переворота; 3) принять меры по снабжению Кронштадта продовольствием и гарантировать первые поставки сразу же после переворота в Кронштадте и 4) подтвердить договоренность о прибытии в Кронштадт после восстания французских военных кораблей и сухопутных и морских подразделений армии генерала Врангеля.

Следует помнить, что, даже если французское командование и русские антибольшевистские организации не будут принимать участие в подготовке и проведении восстания в Кронштадте, оно все равно произойдет этой весной, но после короткого успеха будет обречено на неудачу. Это укрепит авторитет советской власти и лишит ее врагов редкой возможности – а другой может уже и не представиться – захватить Кронштадт и нанести большевикам тяжелейший удар, от которого они уже не смогут оправиться.

Если французское правительство в принципе согласится с представленными выше соображениями, то было бы желательно назначить человека, с которым представители организаторов восстания смогут более детально обсудить вопрос и которому могут сообщить детали плана восстания и дальнейших действий и дать точную информацию в отношении средств, необходимых для организации и дальнейшего финансирования восстания.

Приложение 2

ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ [216 - Известия ВРК. 1921. 8 марта; Правда о Кронштадте. С. 82 – 84.]

Совершая Октябрьскую революцию, рабочий класс надеялся достичь своего раскрепощения. В результате же создалось еще большее порабощение личности человека.

Власть полицейско-жандармского монархизма перешла в руки захватчиков-коммунистов, которые вместо свободы принесли трудящимся ежеминутный страх попасть в застенки чрезвычайки, во много раз своими ужасами превзошедшей жандармское управление царского режима. Штыки, пули и грубый окрик опричников из чека – вот что после упорной борьбы и страданий приобрел труженик Советской России. Славный герб трудового государства – серп и молот – коммунистическая власть на деле подменила

штыком и решеткой ради сохранения спокойной, беспечальной жизни новой бюрократии, коммунистических комиссаров и чиновников.

Однако, что гнуснее и преступнее всего, так это созданная коммунистами нравственная кабала: они наложили лапу и на внутренний мир трудящихся. Рабочих при помощи казенных профессиональных союзов прикрепили к станкам, сделав труд не радостью, а новым рабством. На протесты крестьян, выражающиеся в стихийных восстаниях, и рабочих, самой обстановкой вынуждаемых жизнью к забастовкам, они отвечают массовыми расстрелами и кровожадностью, которой им не занимать стать от царских генералов.

Трудовая Россия, первая поднявшая красное знамя освобождения труда, сплошь залита кровью замученных во славу господства коммунистов. В этом море крови коммунисты топят все великие и светлые задачи и лозунги трудовой революции.

Все резче и резче вырисовывалось, а теперь стало очевидным, что РКП не является защитницей трудящихся, каковой она себя выставляла, ей чужды интересы трудового народа, и, добравшись до власти, она лишь боится потерять ее, а потому дозволены все средства: клевета, насилие, обман, убийство, месть семьям восставших.

Долготерпению трудящихся пришел конец.

Здесь и там заревами восстаний вспыхивала страна в борьбе с гнетом и насилием. Вспыхивали стачки рабочих, но большевистские охранники не спали и принимали все меры для предупреждения и подавления неминуемой третьей революции.

Она все же пришла и совершается руками трудящихся. Генералы от коммунизма ясно видят, что это поднялся народ, убежденный в их измене идеям социализма, но, дрожа за свою шкуру, зная, что от гнева тружеников им некуда спрятаться, они все же при помощи своих опричников пытаются запугать восставших тюрьмами, расстрелами и прочими зверствами. Однако сама жизнь под игом диктатуры коммунистов стала страшнее смерти.

Восставший трудовой народ понял, что в борьбе с коммунистами, воздвигнутым ими обновленным крепостным правом не может быть середины. Надо идти до конца. Они как будто делают уступки: в Петроградской губернии снимаются заградительные отряды, ассигнуются десять миллионов золотом на закупку продуктов за границей. Но не следует заблуждаться: за этой приманкой скрывается железная рука господина, диктатора, который хочет, выждав успокоения, сторицей возместить свои уступки.

Нет, середины не может быть. Победить или умереть!

Этому подает пример Красный Кронштадт – гроза контрреволюционеров

справа и слева.

Здесь совершился новый великий революционный сдвиг. Здесь поднято знамя восстания для освобождения от трехлетнего насилия и гнета коммунистов, затмившего собой трехсотлетнее иго монархизма.

Здесь, в Кронштадте, положен первый камень третьей революции, сбивающей последние оковы с трудовых масс и открывающей новый широкий путь для социалистического творчества.

Эта новая революция всколыхнет и трудовые массы Востока и Запада, являя пример нового социалистического построения, противопоставленного казенному коммунистическому «творчеству», убеждая воочию зарубежные трудовые массы, что все, творившееся у нас до сего времени волею рабочих и крестьян, не было социализмом.

Без единого выстрела, без капли крови совершен первый шаг. Трудящимся не нужна кровь. Они прольют ее только в момент самозащиты. У нас хватит выдержки, несмотря на все возмутительные действия коммунистов, чтобы ограничиться лишь изоляцией их от общественной жизни, дабы они злостной фальшивой агитацией не мешали революционной работе.

Рабочие и крестьяне неудержимо идут вперед, оставляя за собой и учредилку с ее буржуазным строем, и диктатуру коммунистов с ее чрезвычайками и государственным капитализмом, мертвой петлей захлестнувшую шею трудовых масс и грозящую окончательно их задушить.

Настоящий переворот дает трудящимся возможность иметь наконец свои свободно избранные Советы, работающие без всякого насильственного партийного давления, пересоздать казенные профессиональные союзы в вольные объединения рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Наконец-то сломана полицейская палка коммунистического самодержавия.

Приложение 3

СОЦИАЛИЗМ В КАВЫЧКАХ [217 - Известия ВРК. 1921. 16 марта; Правда о Кронштадте. С. 172 – 174.]

Совершая октябрьский переворот, моряки, красноармейцы, рабочие и крестьяне проливали свою кровь за власть Советов, за создание Республики труда.

Коммунистическая партия хорошо учла настроение масс и, написав на своем знамени заманчивые лозунги, волновавшие тружеников, увлекла их за собой и обещала привести в светлое Царство Социализма, которое могут построить лишь одни большевики.

Естественно, безграничная радость объяла рабочих и крестьян. Наконец-то рабство под игом помещиков и капиталистов уйдет в область преданий, думали они. Казалось, настало время свободного труда на земле, на фабриках и заводах. Казалось, вся власть перешла в руки трудящихся.

Хитрой пропагандой вовлекались в ряды партии дети трудового народа, и там их сажали на цепь суровой дисциплины. Почувствовав силу, коммунисты постепенно устранили от власти сначала социалистов других направлений, а затем оттолкнули от кормила государственного корабля самих рабочих и крестьян, продолжая управлять в то же время страной от их имени.

Уворованную власть коммунисты подменили комиссарским попечением и произволом над душой и телом граждан Советской России. Началось, вопреки рассудку и наперекор воле трудящихся, настойчивое строительство казенного социализма с его рабами вместо свободного царства труда.

Развязав себе руки под «рабочим контролем», большевики провели национализацию заводов и фабрик. Из раба капиталиста рабочий стал рабом казенных предприятий. И этого стало недостаточно: собрались ввести потогонную систему труда – систему Тейлора.

Все трудовое крестьянство было объявлено врагом народа, причислено к кулакам. Предприимчивые коммунисты приступили к разорению и занялись насаждением советских хозяйств, усадеб нового помещика – государства. Вот что при большевистском социализме получило крестьянство вместо свободного труда на освобожденной земле.

Взамен почти начисто реквизированного хлеба, отобранных коров и лошадей – наезды чрезвычайек, расстрелы. Хороший товарообмен в трудовом государстве: вместо хлеба свинец и штык!

Жизнь гражданина стала донельзя скучной, казенной, жизнь по расписанию властей предрежащих. Вместо свободного развития личности, свободной трудовой жизни возникло необычайное, невиданное рабство. Всякая свободная мысль, справедливая критика действий преступных правителей сделались преступлением, наказуемым заключением, а нередко и расстрелом.

В «социалистическом отечестве» начала процветать смертная казнь – это поругание человеческого достоинства. Вот оно – светлое царство социализма, в которое ввела нас диктатура коммунистической партии. Мы получили казенный социализм с Советами из чиновников, послушно голосующих по приказу комитета партии с непогрешимыми комиссарами.

Лозунг «Не трудящийся да не ест» при новом «советском» порядке повернулся наизнанку: все для комиссаров, для рабочих же, крестьян и трудовой интеллигенции остался упорный беспросветный труд в тюремной обстановке.

Стало невыносимо, и Революционный Кронштадт первый сбил оковы и вышиб железные решетки тюрьмы, борясь за социализм иного рода, за трудовую Советскую Республику, где полновластным хозяином и распорядителем продуктов своего труда станет сам производитель.

Автор: Пол Эврич

Издательство: Центрполиграф

ISBN: 978-5-9524-2744-0

Год: 2007

Страниц: 240